

Rudolf Steiner
Die okkulten Grundlagen der Bhagavad Gita
Ein Zyklus von neun Vortrgen gehalten in Helsingfors vom 28. Mai bis 5. Juni 1913

Рудольф Штайнер
Оккультные основы Бхагавадгиты
ДОКЛАДЫ ДЛЯ ЧЛЕНОВ АНТРОПОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА
Девять докладов, прочитанных в Гельсингфорсе с 28 мая по 5 июня 1913 г.
Записи не просмотрены докладчиком
GA 146

Печать Юпитера на обложке по рисунку Рудольфа Штайнера

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД

Гельсингфорс, 28 мая 1913 г.

Немногим более года тому назад у меня была возможность здесь, в этом городе, высказаться о вещах, которые живут в глубине нашего сердца, и относительно которых мы полагаем, что в настоящее время они должны войти и в человеческое познание, поскольку с этого времени человеческие души будут все более чувствовать, что знание об этих вещах действительно принадлежит к потребностям, к глубочайшим стремлениям человеческой души. С глубоким удовлетворением я вторично приветствую вас в этом месте, вас и тех, кто приехал сюда из других стран, чтобы показать своим присутствием среди нас, что их сердца и души связаны с нашим святым делом по всей Земле.

Когда я мог выступать здесь перед вами в предыдущий раз, мы поднимали наш духовный взор к странствиям в регионах Вселенной. На этот раз нашей задачей будет держаться больше регионов земного развития. Но нам предстоит углубиться в такие области, которые в не меньшей степени подведут нас к вратам веного откровения духовного в мире. Мы будем говорить о предмете, который во времени и в пространстве увдет нас, по-видимому, далеко от «теперь» и от «здесь», но который, тем не менее, подведет нас к тому, что живет в «теперь» и в «здесь», равно как оно живет во всех временах и во всех пространствах, о предмете, который интимным образом приблизит нас к тайнам вечного во всем бытии, приведет нас к непрерывному человеческому поиску источников вечности, тех источников, в которых содержится также целительный сок для всего, что люди, с тех пор как они это поняли, вызывают всесильной любовью. Где бы мы ни собирались, мы собираемся во имя стремления к мудрости и стремления к любви, мы собираемся в жажде источников этой любви. И то, что распространяется и что можно наблюдать в далях космического бытия, можно наблюдать также в каждой стремящейся человеческой душе. И это особенно ясно выступает перед нами, когда мы направляем свой взгляд на одно из таких величественных проявлений стремящегося человеческого духа в человеческих творениях, как то, которое мы положили в основу настоящего рассмотрения. Мы будем говорить об одном из величайших, наиболее глубоких проявлений человеческого духа, о древнейшей, но в своих основах именно в наше время получающей снова важное значение Бхагавадгите.

Еще не так давно народы Европы, народы Запада вообще мало знали о Бхагавадгите. Только сегодня, в последнем столетии, на Западе заговорили об этом удивительном произведении, и стало распространяться знание этой удивительной Песни. Но предметом нашего цикла докладов должно стать следующее: что знание этой удивительной восточной Песни будет возможным только тогда, когда человеческим душам все больше и больше будут открываться основы этой величественной Гиты, те основы, которые можно назвать ее оккультными основами. Ведь то, что выступает перед нами в Бхагавадгите, возникло еще в период «от которого мы не раз уже говорили в наших духовнонаучных исследованиях; величественные настроения, чувства и идеи Бхагавадгиты возникли в эпоху, в которую еще изливался свет откровений древнего человеческого ясновидения. Кто стремится почувствовать страница за страницей дыхание Бхагавадгиты, тому страница за страницей словно дает о себе знать дыхание древности, былое ясновидение человечества.

Первое знакомство западного мира с Бхагавадгитой произошло в период, когда западный мир уже мало понимал ее изначальные ясновидческие источники. Тем не менее, эта возвышенная Песнь Божества или, лучше сказать, Песнь о Божественном блеснула в западном мире как чудесная молния, так что один человек в Средней Европе, впервые ознакомившись с этой волшебной поэмой, пораженный, сказал, что должен считать себя счастливым, потому что пережил встречу с тем чудесным, что высказано в Бхагавадгите. И этот человек вовсе не был несведущим относительно духовной жизни человечества в веках и даже тысячелетиях; этот человек проникал в глубину духовной жизни народов: это был Вильгельм фон Гумбольдт, брат знаменитого писателя-космолога Гумбольдта. То же самое чувствовали и другие представители Запада, люди разных языков. Как удивительно действует это ощущение, — следует упомянуть и эту сторону, — когда мы отдаемся действию Бхагавадгиты уже в ее первых песнях.

Быть может, именно в нашем кругу особенно необходимо прийти сначала к полной непредвзятости. Ведь хотя Бхагавадгита стала известна на Западе совсем недавно, та священная мощь, с которой она действует на души, привела к тому, что к ней уже заранее подходят, как к некоей святыне, и не дают себе ясного отчета в том, где, собственно, лежат ее истоки. Поставим же трезво, может быть, даже несколько гротескно перед своей душой эти истоки.

Перед нами поэма, которая с первых же страниц переносит нас в жестокую, яростную битву. Мы попадаем на арену, где происходят не менее ужасные события, чем там, куда нас переносит Гомер в самом начале Илиады. Мы видим далее, как одно из главных — может быть, даже самое главное — из выступающих здесь лиц, Арджуна, заранее воспринимает этот бой как братоубийство. Арджуна предстает перед нами как человек, охваченный ужасом перед схваткой, ибо он видит на другой стороне, среди врагов, своих кровных родственников. Лук выпадает из его рук, когда ему становится ясно, что он должен вступить в бой, в смертельный бой с людьми, происходящими от тех же предков, что и он сам, в жилах которых течет та же кровь, что струится и в его жилах. И мы словно начинаем чувствовать вместе с ним, как выпадает лук, как он содрывается перед страшной братоубийственной битвой. И перед нашим взором появляется великий духовный учитель Арджуны, Кришна. И удивительное, возвышенное учение в самых удивительных красках предлагается Кришной как духовное наставление его духовному ученику Арджуне. Но к чему же, в конце концов, все это ведет? Это то, что нужно трезво себе представлять, что нельзя упускать. К чему же все это ведет? Совсем недостаточно, если мы остановимся только на великом, священном учении, которое Кришна дает Арджуне. Нужно принять во внимание также и ту обстановку, в которой оно преподается. Нужно принять во внимание ту ситуацию, в которой Кришна призывает Арджуну не пугаться братоубийственной войны, поднять лук и важно идти в смертельный бой. Это также нужно видеть перед своими глазами. Как сначала непонятное духовное светлое облако, всплывает учение Кришны среди боя и требует не отступать боязливо, но устоять в этой борьбе, выполнить свой долг. Если мы вызовем это перед своими глазами, то учение Кришны несколько изменится в таком обрамлении. Но это обрамление уводит нас дальше в ткань всей Махабхараты, великой, огромной Песни, частью которой является Бхагавадгита. Учение Кришны вводит нас в бури повседневности, в жестокую человеческую борьбу, бури человеческих заблуждений, земных сражений. И это учение кажется нам почти оправданием этих бурь человеческих столкновений. Если мы сначала, так сказать, трезво посмотрим на это, то у нас, пожалуй, возникнут в отношении Бхагавадгиты совсем другие вопросы, чем те, которые возникают, когда мы подходим к ней с тем же пониманием, какое мы применяем к тому, что находим в обыкновенных человеческих творениях. И, быть может, необходимо указать на обрамление Бхагавадгиты, чтобы действительно увидеть всемирно-историческое значение этой грандиозной Песни и затем суметь заметить то, благодаря чему Бхагавадгита может становиться для нас все более и более важной именно в настоящее время.

Я сказал уже: как нечто совершенно новое вошла Бхагавадгита в западный мир, новое также и в тех ощущениях, чувствах и мыслях, которые лежат в ее основе. Ибо что, в сущности, знала западная культура о восточной культуре ко времени знакомства с Бхагавадгитой? Исключая то немногое, что стало известно как раз в последнем столетии, очень мало. Кроме некоторых оставшихся относительно

тайными устремлений, западная культура не знала почти ничего непосредственно значимого, что как основной нерв, как главнейший импульс пронизывает всю Бхагавадгиту. Когда подхвачены к такого рода явлениям, как Бхагавадгита, то чувствуют, как человеческий язык, человеческая философия, человеческие идеи, пригодные для повседневности, владеющие ею и даже вполне для нее достаточные, оказываются, в сущности, несостоятельными, чтобы указать на такие высоты, на такие вершины духовной жизни на Земле. Необходимо что-то совсем другое, нежели обычные описания, чтобы выразить то, что сияет навстречу нам из такого откровения человеческого духа.

Я хотел бы предложить представить в душе два образа, чтобы иметь основу для наших дальнейших суждений. Один образ из самой Бхагавадгиты, другой из западной духовной жизни. Последний сравнительно близок этой западной духовной жизни, в то время как образ, который мы хотим взять из Бхагавадгиты, кажется сначала довольно далеким от этой западной духовной жизни. Представим сначала в своей душе образ, который мы находим в самой Бхагавадгите. Эта великая, возвышенная песнь развивается так, что там описывается, как среди битвы появляется Кришна и раскрывает великие, удивительные мировые тайны перед своим учеником Арджуной. Тогда этим учеником овладевает стремление увидеть эту душу в духовном облике, познать в действительности того, кто говорит ему нечто столь возвышенное. Он просит, чтобы Кришна показал ему себя в своем истинном духовном облике. И тогда Кришна является ему — мы еще вернемся к этому описанию — в своем образе, который все объемлет, в образе великой, торжественной красоты, в величии, которое выражает собой мировые тайны. Мы увидим, что в мире есть мало такого, что было бы так же прекрасно, как описание высочайшего духовного образа, в котором Учитель открывается прозревшим очам своего ученика. Перед взором Арджуны простирается пустынное, дикое поле битвы, на котором должно пролиться много крови, на котором должен происходить братоубийственный бой. Душа ученика Кришны должна быть оторвана от этого дикого, пустынного поля и должна узреть другой мир, погрузиться в тот мир, где обитает Кришна в своем истинном облике, далекий от всякой борьбы, всякой распри, в мир светлого, возвышенного блаженства, где открываются тайны бытия, в мир, удаленный от повседневности, к которому, однако, в своей глубочайшей сущности и принадлежит человеческая душа. Об этом мире должна знать человеческая душа, она должна научиться познавать этот мир, и тогда для нее станет возможным сойти опять вниз, вступить опять в беспорядочные, опустошительные бои здешнего мира. Поистине, если мы следуем своим чувством за содержанием этой книги, то мы скажем себе: что же, собственно, происходит в душе Арджуны? Какова эта душа? Она охвачена чувством борьбы, но при этом так, как если бы это чувство борьбы было навязано ей. Эта душа чувствует себя связанной с благим миром, где нет человеческого страдания, человеческой борьбы, человеческого стремления. Душа Арджуны, тоскуя, стремится ввысь, в мир вечно благого. Но с необходимостью, которая может исходить только из высшего импульса Кришны, она вынуждена снова войти в опустошительную, беспорядочную борьбу повседневности. Она хочет отвернуться от этой опустошительной борьбы; как нечто чуждое, совсем ей не близкое, видится душе Арджуны вся жизнь на Земле. Мы чувствуем, что эта душа еще такова, что она стремится ввысь в высший мир, она хочет жить с богами и ощущает жизнь людей еще как нечто чуждое, не близкое, непонятное. Поистине удивительная картина, держащая в себе величайшие и высочайшие моменты. Герой Арджуна, окруженный другими героями, множеством воинов — герой, который ощущает все, что расстилается перед его глазами, как нечто чуждое, постороннее, не родное, который должен быть направлен в этот мир богом и который не понимает этого мира, если ему его не объяснит бог Кришна.

Дальнейшее может прозвучать довольно-таки paradoxально, но я знаю, что те, кто может глубже проникнуть в суть дела, все же поймут меня, если я скажу следующее: Арджуна стоит перед нами как человеческая душа, которой сперва должна быть разъяснена сущность этого мира, сущность земного мира. И вот Бхагавадгита теперь должна действовать в странах западной культуры на людей, которые обладают очень хорошим пониманием всего земного, которые так далеко ушли в материализме, что развили очень хорошее понимание всего земного, всего материального. Бхагавадгита должна стать понятной для душ, отделенных глубокой пропастью от всего того, что при истинном рассмотрении открывается как душа

Арджуны. Все, к чему душа Арджуны, будучи только через Кришну обращена к земному, не проявляет никакого стремления, все это кажется очень понятным людям Запада. Трудность, по-видимому, заключается в том, чтобы подняться к душе Арджуны, к той душе, которой сперва должно быть дано понимание всего того, для чего в западных странах имеется достаточно понимания — для чувствительного, для материально-земного. Бог, Кришна, должен даровать Арджуне понимание всего того, что окружает нас как наша культура. Как легко в наше время дать человеку понимание всего того, что его окружает. Для этого не нужно никакого Кришны. Но было бы хорошо направить однажды свой взгляд на те пропасти, которые могут лежать между человеческими натурами, и не принимать слишком легко то понимание, которое западная душа может получить относительно такой природы, как Кришна или Арджуна. Арджуна человек, но совсем другой человек, чем люди, постепенно сформировавшиеся в западной культуре.

Таков один образ, о котором я хочу сказать, но слова могут мало ввести в эти вещи. Образы, которые мы постигаем нашими душами, могут сделать больше, так как они обращаются не только к пониманию, но и к тому, что на Земле всегда будет глубже всякого понимания: к ощущению, к чувству.

Теперь я хотел бы, чтобы мы представили в душе другой образ — образ, о котором я не хочу сказать, что он менее возвышен, чем этот образ из Бхагавадгиты, но который стоит бесконечно ближе к тому, что является западной культурой. Существует возвышенный, прекрасный поэтический образ, о котором человек Запада даже знает, и который для него многое значит. Что, собственно, я имею в виду? Я представил один образ, явление Кришны перед Арджунной. Но спросим: сколько западных людей, людей западного развития, верят в действительность этого образа, верят, что однажды бог Кришна явился перед Арджунной и так с ним говорил? Спросим: сколько западных душ верят в действительность этого образа? — Конечно, мы стоим у истоков мировоззрения, которое приведет к тому, что это будет не только верой, но и знанием. Мы стоим у истоков этого мировоззрения, у истоков антропософско-теософского мировоззрения. Другой образ нам гораздо ближе. В нем заключено действительно нечто понятное для западной культуры.

Мы смотрим назад за несколько столетий до основания христианства, мы смотрим на душу, которую за полтысячелетия до основания христианства один из величайших гениев западного мира поставил в центр своих рассуждений. Мы смотрим на Сократа, мы взбираем в духе на умирающего Сократа. Сократ, умирающий Сократ, каким его изображает в кругу учеников Платон в своем знаменитом диалоге «О бессмертии души». В этом образе лишь скупом намечено другое, потустороннее, представленное как дэмон, который говорит с Сократом. Сократ предстает перед нами в часы, предшествовавшие его вступлению в духовный, спиритуальный мир, окруженный своими учениками. Перед лицом смерти он говорит о бессмертии души. Многие читают этот удивительный диалог о бессмертии, который Платон дал нам, чтобы показать эту сторону смерти своего Учителя. Но теперь люди читают только слова, понятия и идеи. Есть даже люди — их нельзя порицать, — которые в связи с этим великолепным оплечением Платона спрашивают о логических основаниях того, что умирающий Сократ разъяснял своим ученикам. Это люди, не способные почувствовать, что в человеческой душе есть нечто большее, что в наших душах живет нечто более важное и значительное, чем логические доказательства и научные разъяснения. Предоставим сказать то же самое, что умирающий Сократ говорил своим ученикам о бессмертии, представим сказать это самому образованному, самому глубокому, самому тонкому человеку в кругу своих учеников в другой ситуации, в другой обстановке, и пусть даже то, что скажет этот тончайший, умнейший, образованнейший человек, будет в сто раз более логически обосновано, чем у Сократа — все это, возможно, будет иметь в сто раз меньшую ценность! Вполне поймут это только тогда, когда начнут основательно понимать, что для человеческой души есть нечто более ценное, хотя оно и кажется незначительным, по сравнению с убедительными логическими доказательствами. Когда какой-нибудь тонко образованный человек на каких-либо собраниях говорит своим ученикам о бессмертии души, то это, конечно, может быть очень значительным. Но истинное значение откроется не через то, что будет сказано, — я знаю, что выражаю этим нечто весьма парадоксальное, но вместе с тем и истинное, — ибо здесь присоединяется то обстоятельство, что после слов о бессмертии этот учитель будет продолжать заботиться о своих обычных делах, и его

ученики так же. А Сократ говорит это ученикам в час перед прохождением вратами смерти. Он излагает учение о бессмертии в тот момент, когда его душа уже совсем скоро должна отделиться от его физического тела. Одно дело говорить с учениками о бессмертии в свой смертный час, который приходит не как неожиданная судьба, и совсем другое после этих слов переходить к обычным земным занятиям. Это совсем иное, после этой беседы действительно вступить в миры, которые лежат за вратами смерти. На нас в первую очередь должны действовать не слова Сократа, а должна действовать сама ситуация. Но возьмем всю силу того, что мы пытались сейчас охарактеризовать, возьмем все то, что веет на нас из беседы Сократа с его учениками о бессмертии, возьмем всю непосредственную силу этого образа — что мы имеем перед собой? Мы имеем перед собой греческий мир, мир греческой повседневности, тот мир, в котором повседневная жизненная борьба привела к тому, чтобы лучшего из сынов своей страны отблагодарить кубком цикуты. Мы имеем перед собой последние земные слова этого благороднейшего грека, последние слова, направленные только на то, чтобы привести души стоящих вокруг него к вере в то, о чем они уже не могут иметь знания, чтобы их души верили в то, что для них является потусторонним, верили в духовный мир. Сократ необходим, чтобы с сильнейшей убедительностью, а именно, через дело привести земные души к тому, чтобы им открылся взгляд в духовные миры, в которых живет душа, пройдя врата смерти — вот что чудесным образом вызывает перед нашей душой этот образ, вполне понятный западным душам. Культура Сократа действительно понятна западным душам. Сократ, предстающий перед своими учениками, которые так непосредственно стоят перед действительностью смерти — этот образ, без сомнения, понятен западным душам. Мы только тогда поймем западную культуру, если признаем, что в этом смысле она в течение столетий, в течение тысячелетий была культурой сократической.

Сравним же ученика Сократа, который, вероятельно, не мог усомниться в том, что его окружает — ибо он был грек, — сравним то, как он должен быть введен в сверхчувственный мир, с учеником Кришны, Арджуну, который не мог иметь никакого сомнения в сверхчувственном мире, но зато сомневался в своем сродстве с чувственным миром, в его существовании, почти даже в его возможности.

Я очень хорошо знаю, что историческая наука, философская наука, и всевозможные виды наук могут теперь с кажущимся правом сказать: да, но взгляни только на то, что написано в Бхагавадгите, и взгляни на то, что написано у Платона, обо всем этом можно одинаково утверждать противоположное тому, что ты сейчас сказал. — Но я знаю также, что те, кто так говорит, не хотят почувствовать более глубоких, грандиозных импульсов, почерпнутых, с одной стороны, из утраченного образа Бхагавадгиты, с другой стороны, из образа умирающего Сократа, каким его изображает Платон. Целая бездна лежит между этими мирами, сколько бы сходства мы в них ни находили. Почему это так?

Это так потому, что Бхагавадгита появляется в конце древнего ясновидческого периода человечества, и в Бхагавадгите до нас доходит как бы последний этап древнего человеческого ясновидения. С другой же стороны, в лице умирающего Сократа нам предстает один из первых людей, что в течение тысячелетий работали над тем человеческим познанием, теми идеями, мыслями и ощущениями, которые как бы вытолкнуты из древнего ясновидения и развились в тот промежуток времени, когда они должны были подготовиться к новому ясновидению, к которому мы ныне стремимся через возвешение и восприятие того, что мы называем антропософским мировоззрением. В известном смысле нет бездны более глубокой, чем та, что отделяет ученика Кришны Арджуну от ученика Сократа. Но мы живем в такое время, когда человеческие души после того, как они в течение столетий в ряде изменений, в ряде инкарнаций стремились к жизни во внешнем познании, теперь снова ищут соединения с духовным миром. В сущности, уже тот факт, что вы здесь сидите, есть живейшее доказательство, что в вас живут души, которые ищут связи, той связи, что обнужденным образом может поднять души к тем мирам, которые как удивительное откровение звучат навстречу нам в том, что Кришна возвещает своему ученику Арджуне. Поэтому многое, что лежит в оккультных основах Бхагавадгиты, может прозвучать для нас как нечто, отвечающее глубочайшим запросам нашей души.

В древнейшие времена душе была свойственна связь, соединяющая ее с духовным. Сверхчувственное, спиритуальное было ей хорошо известно. Мы с вами

стоим у истоков времени, когда человеческая душа уже обновленным образом опять ищет доступа к сверхчувственным спиритуальным мирам. Как особое побуждение к такому исканию может явиться возможность для нас сказать себе, что это однажды уже было, но в такой форме, как это уже невозможно для нас теперь. И все-таки оно уже было, то, чего мы ищем; и в особенно высокой степени это однажды уже бывшее мы найдем в откровениях священной Песни Востока, в возвышенных откровениях Кришны своему великому ученику Арджуне.

Обычно уже первые же слова великих творений человечества кажутся очень значительными (ведь кажутся же нам значительными первые слова «Илиады», «Одиссеи»), столь же значительной кажется с первых же слов и Бхагавадгита. Водитель колесницы рассказывает о происходящем слепому царю и главе рода Куру, который находится в братоубийственной войне с родом Панду. Слепой повелитель! Уже это нам кажется как бы символичным. Ибо люди древнего времени имели взгляд, направленный вовнутрь, в духовные миры; они жили, всем своим чувством, всей своей душой связанные с богами и духами. Все, что окружало их в пределах Земли, являлось им только при условии непрерывной связи с божественно-духовным бытием. Затем наступают другие времена. И как в другую эпоху греческое сказание рисует нам Гомера слепым, так слепым рисуется нам также глава рода Куру, которому сообщаются слова, сказанные Кришной своему ученику и наставляющие его в том, что разыгрывается в чувственном мире. Да, ему должно быть рассказано о том, что приносится из духовного мира в чувственный мир. Весьма значителен этот символ слепоты древних людей к непосредственно окружающему миру, людей, души которых достигают в своих воспоминаниях, в святой духовной связи древнейших времен. Видящими в духе, видящими в душе были очи, которые как бы в возвышенных образах могли созерцать все, что жило как духовные тайны. Те, кто должен был глубже понимать происходящее в мире, понимать это в его духовной связи, рисуются нам в древних сказаниях и песнях слепыми. С тем же самым смыслом встречаемся мы и у греческого певца Гомера, и того образа, который выступает перед нами в самом же начале Бхагавадгиты. И в какое же время мы переносимся? В такое время, которое обычно изображается как переходное от древнего человечества к современному человечеству. Но почему так сильно действует на Арджуну то обстоятельство, что должен произойти братоубийственный бой?

Мы знаем, что древнее ясновидение было известным образом основано на нашей кровной связи. Связь крови, поток единой крови в жилах группы людей справедливо почитался в древние времена чем-то святым, ибо с этим было связано восприятие групповой души. В людях, которые не только чувствовали, но и навалили себя родственными по крови, жило, в сущности, не такое Я, как в современных людях. Куда бы мы ни посмотрели, мы повсюду находим в древние времена объединения, в которых отдельный человек совсем не чувствовал себя таким Я, каким чувствует себя современный человек, но он чувствовал себя существующим только в группе, в общине, в общности, которая представляла собой общность крови. Что значит для современного человека родовая душа, национальная душа, народная душа? Конечно, иногда, например, народная душа или национальная душа является предметом величайшего вдохновения, но мы все-таки смеем сказать, что с отдельным человеческим Я эта народная душа, эта родовая душа совершенно несравнима. Пусть это выражение резко, но оно истинно. Когда-то было действительно так, что человек говорил Я не о себе, а о группе из своего племени или народа. И это чувство именно групповой душевности еще живет в Арджуне, когда он видит вокруг себя жестокий братоубийственный бой. Он не готов еще говорить о себе Я, он больше способен чувствовать групповое Я, которое проявляется во всех этих душах. Это и делает для него столь ужасным происходящее сражение.

Перенесемся же в душу Арджуны, чтобы почувствовать весь ее ужас, поскольку здесь хочет убить себя то, что связано воедино; перенесемся в эту душу, которая чувствует, как братья хотят убить друг друга, разбить на части, в душу, которая чувствует то, что чувствовала бы душа, если бы стали рассекать на части то, что ей принадлежит, ее тело. Душа Арджуны чувствует это так, как если бы члены одного тела сражались друг с другом, сердце с головой, правая рука с левой рукой. Представим себе, что эта душа стоит перед сражением, которое должно разыграться, как если бы это было сражение с собственным телом. Представим себе,

что чувствует эта душа в то мгновение, когда лук падает из рук Арджуны, когда бой братьев кажется ему боем правой руки с левой рукой человека, и тогда мы почувствуем настроение начала Бхагавадгиты, — я должен опять сказать здесь нечто такое, что покажется, но только покажется парадоксальным, гротескным, покажется противоречащим самым священным чувствам: перед нами Арджуна, который еще не понимает отдельного Я, но понимает древнее групповое Я, для которого братоубийственная война представляется столь неестественной. В этом настроении выступает перед ним Кришна, великий Учитель. — Мы должны сказать о том, с каким искусством, с каким несравненным искусством изображен здесь Кришна, великий бог, предстающий перед Арджуной, которого он учит, от чего человек должен стремиться отвыкать, если он в правильном смысле хочет подняться в своей эволюции. Проследим дальше учение Кришны. Что он, собственно, говорит? О чем он говорит? Он говорит о Я, вновь и вновь говорит о Я. Я в земле, Я в воде, Я в воздухе, Я в огне, Я во всех душах, Я во всех проявлениях жизни, даже в священном Аум, Я ветер, пронесшийся через леса, Я высочайшая из гор, Я величайшая из рек, Я совершеннейший из людей, Я из благословенных древний провидец Капила. Кришна поистине говорит именно это: я не признаю ничего другого, кроме себя самого, и я допускаю мир лишь постольку, поскольку он есть Я. — Я и только Я говорит в учении Кришны.

Давайте рассмотрим без обиняков, каково состояние Арджуны, который еще не понимает Я, но должен его понять, когда навстречу ему выступает, подобно всеобъемлющему, универсальному, космическому эгоисту, этот бог, который не признает ничего, и даже требует, чтобы и другие также не признавали ничего, кроме него, и чтобы во всем, что живет в земле, в воде, в огне, в воздухе, во всем, что живет на Земле, и даже во всем, что живет в тройственном мире, не видели ничего, кроме него.

Нам представляется удивительным, как человеку, еще не способному понять Я, дается учение существом, которое притязает на то, чтобы было признано только его собственное Я. Кто хочет увидеть это в свете истины, тот пусть прочтет всю Бхагавадгиту и поищет ответа на вопрос, каким словом нужно обозначить то, что Кришна говорит о себе и признания чего он требует? Универсальный эгоизм — вот что говорит из Кришны. И тогда нам действительно кажется, что из возвышенной Гиты для нашего духовного слуха повсюду звучит рефрен: только если вы, люди, признаете той всеобъемлющий эгоизм, будет вам благо.

Величайшие творения человеческой духовной жизни всегда задают нам загадки; и только тогда мы увидим их в правильном свете, если признаем и познаем, что они задают нам величайшие загадки. Поистине кажется, что нам задана трудная загадка, когда мы теперь стоим перед задачей понять, как же то, что мы можем назвать высочайшим учением, связано с провозглашением универсального эгоизма. Не через логику, а в созерцаемых великих противоречиях жизни открываются оккультные тайны. Нашей задачей будет через эти удивительные особенности Майи прийти к истине, чтобы узнать, чем, в сущности, является то, что в Майе мы вправе назвать универсальным эгоизмом. Из Майи мы должны через эту загадку прийти к действительности, к свету истины. Как это сделать, как прийти к действительности, это должно стать задачей наших последующих встреч.

ВТОРОЙ ДОКЛАД

Гельсингфорс, 29 мая 1913 г.

Когда мы углубляемся в оккультные памятники различных времен и народов, то есть в подлинно оккультные памятники, то нам, помимо всего прочего, снова и снова бросается в глаза один момент. Это то, на что я мог указать уже при обсуждении Евангелия от Иоанна, а позднее при обсуждении Евангелия от Марка. Это тот факт, что по мере того, как мы глубже вникаем в эти оккультные памятники, мы все больше и больше понимаем, что они отличаются удивительной художественной композицией. Я мог бы показать, — и вы можете найти это в цикле «Евангелие от Иоанна в связи с тремя другими Евангелиями, в особенности с Евангелием от Луки», прочитанном мною в Касселе, а затем также напечатанном, — я мог бы показать, как это Евангелие, если проникнуть в его глубины, представляет собой удивительную композицию, удивительное художественно-драматическое нарастание содержания до определенного пункта и потом, в свою очередь, от этого

пункта, как бы с обновленной драматической силой, до самого конца. Удивительная возвышенность этой внутренней художественно-драматической композиции, выступающая в Евангелии от Иоанна благодаря тому, что в описываемых чудесах или знамениях изображается действие сверхчувственного от чуда к чуду; и от чуда к чуду происходит непрерывное нарастание вплоть до того чуда, которое выступает перед нами в инициации Лазаря. То, каким способом это выступает перед нами, позволяет нам увидеть, что в основе этого оккультного памятника всегда и везде лежит удивительная художественная композиция. Я мог бы то же самое показать в связи с подразделением и композицией Евангелия от Марка. Если рассматривать эти памятники со стороны их драматической силы, то можно действительно прийти к убеждению, что эти великие оккультные памятники, будучи истинными, не могут не быть в то же время в глубочайшем смысле прекрасно построенными художественно. Укажем на это обстоятельство сначала лишь как на факт. В ходе наших докладов мы, может быть, вернемся к этому замечанию.

И знаменательно, что то же самое мы встречаем и в Бхагавадгите; удивительное нарастание, хотелось бы сказать, скрытая художественная красота, так что если бы ничто другое не действовало на душу, которая углубляется в Бхагавадгиту, то должна была бы подвигать эта удивительная художественная композиция. Обратим внимание прежде всего на некоторые главные пункты, — и сегодня я ограничусь первыми четырьмя песнями, — на эти главные пункты следует обратить внимание потому, что они касаются одновременно художественной композиции Бхагавадгиты и глубоких внутренних оккультных истин.

Сначала перед нами появляется Арджуна. В предчувствии предстоящего кровопролития он слабеет. Он видит своих кровных родственников, видит, что должен произойти братоубийственный бой. Он содрогается, не хочет сражаться со своими кровными родными. И в то время как он находится в этом настроении, когда его охватывает страх, содрогание и даже ужас перед тем, что должно совершиться, водитель его колесницы открывается ему как орудие, через которое Кришна, бог, говорит с ним. Уже в этом первом факте нам ясен, во-первых, момент художественного нарастания, а затем и момент углубленной, оккультной истины.

Тот, кто каким-либо образом находит путь в духовные миры, пусть это будут лишь немногие шаги, пусть даже то, что он может пережить, будет только предчувствием пути, все равно заметит глубокое значение именно этого момента. Как правило, мы не водем в духовные миры, если не переживем глубокого потрясения нашей души. Как правило, мы должны пронизывать нечто переворачивающее все силы нашей души, пронизывающее насквозь ее чувства и ощущения. Чувства и ощущения, которые обычно относятся к нашим отдельным моментам, к большим промежуткам жизни, и потому лишь в это время действуют на душу, при вступлении в духовные миры сталкиваются вместе и захватывают, мощно пронизывают душу в одно единственное мгновение, так что переживается нечто потрясающее, что можно сравнить со страхом, растерянностью, трепетом, может быть, даже с ужасом. Однако все это принадлежит, так сказать, к исходной точке оккультного развития, к вступлению в духовные миры. Поэту нужно с такой заботой относиться к советам, которые должны даваться тому, кто через оккультное обучение хочет вступить в духовные миры. Кто через оккультное обучение хочет вступить в духовные миры, должен быть так подготовлен, чтобы охарактеризовать потрясение пережить как душевное событие, как необходимое переживание, которое не перешло бы на его телесность, на его здоровье, поскольку тело также затрагивается, но нужно, чтобы оно не было этим потрясено. Очень существенно, чтобы мы не испытали при этом потрясения в отношении внешней физической жизни, чтобы мы научились с внешним равновесием, с внешним спокойствием переносить потрясения души. Но также и обычные душевные силы, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, наша обычная интеллектуальность, и даже необходимые в повседневной жизни силы фантазии, силы ощущения, силы воли, также и они не должны быть выведены из равновесия. В гораздо более глубоких слоях душевное потрясение, которое может явиться исходной точкой для оккультной жизни, должно протекать так, что человек проходит через внешнюю жизнь как всегда, без того чтобы в нем можно было что-нибудь заметить во внешнем мире, между тем как внутренне он переживает целые миры душевных потрясений. Это значит быть зрелым для оккультного развития, если можешь пережить нечто

внутренне столь потрясающее, не теряя при этом внешне его спокойствия.

Для этого необходимо, чтобы человек, стремящийся стать зрелым для оккультного развития, расширил прежде всего круг своих интересов, чтобы круг его интересов отошел от обычной повседневной жизни, от всего, с чем он связан с утра до вечера, и чтобы он возвысился до интересов, широко охватывающих мир. Тот, кто не может пережить потрясения от сомнения во всякой истине, во всяком познании и знании, и не может пережить этого потрясения с той силой, с какой обычно он ощущает интересы повседневной жизни, кто не умеет сочувствовать судьбе всего человечества и не несет навстречу этой судьбе всего человечества такого же интереса, какой в повседневной жизни приносится навстречу судьбе, непосредственно касающейся его социального или его ближайших родовых, семейных и народных связей — тот, в сущности, еще не вполне готов для оккультного развития. И поэтому современная духовная наука, если ею заниматься серьезно и достойно, является в наше время правильной подготовкой к истинному оккультному развитию. Пусть люди, которые не в состоянии проявить интереса к тому, что взгляд антропософа может проследить в мирах, планетарных судьбах, в человеческих расах и в человеческих эпохах, пусть люди с малыми материальными интересами сегодняшнего дня смеются над этим — для того, кто хочет достойным образом подготовиться к оккультному развитию, подготовка заключается уже в том, что он может поднять взор к тем возвышенным сферам, где интересы человечества, Земли, всей планетарной системы вырастают для него до степени собственных интересов. Там, где интересы постепенно углубляются, расширяются через изучение духовной науки, которое ведет потом к постижению оккультных истин даже и без оккультного обучения, там имеется правильная подготовка для оккультного пути. Без сомнения, в наше время есть много людей, — часто это совсем не интеллектуалы, часто это именно простые люди, ведущие простую жизнь, — теперь, несомненно, есть много таких людей, которые в простой жизни, как бы в силу естественного инстинкта, имеют эти общечеловеческие интересы, и поэтому антропософия является столь современной.

Итак, прежде всего нужно познать то, что как истинное потрясение души должно быть исходным пунктом оккультного переживания. И с удивительной правдой представлен этот момент в начале переживания Арджуны; но только он не проходит через обучение, а его к этому приводит судьба. Он вовлекается в сражение, необходимость, смысл и цель которого он не может понять. Он только видит, что хотят сражаться родовые по крови; и это может до самой глубины потрясти душу, которая, как душа Арджуны, говорит себе следующее. Брат сражается с братом. Не очевидно ли, что все родовые устои колеблются, что тогда и род должен погибнуть, что он должен быть уничтожен, что и родовая мораль нарушается? Тогда должны поколебаться законы, которые, согласно вечной судьбе относятся к кастам; тогда колеблется человек, колеблется род, колеблется закон деления на касты — тогда колеблется весь мир, все значение человечества. — Его ощущение таково, как если бы почва ускользала у него из-под ног, как если бы бездна хотела поглотить все ощущения. Такой человек, как Арджуна, воспринял своим чувством то, чего люди теперь уже больше не знают, но что передавалось путем древней традиции и чему учили в более древние времена, когда указывали: то, что передается из рода в род, из поколения в поколение в человечестве, связано с природой женщины, в то время как индивидуально-личное, то, что вырывает отдельного человека из кровной связи, из поколений, это связано с природой мужчины. То, что ставит человека преимущественно в ряд поколений, что как общая природа, как родовая природа наследуется человеком — это есть та часть, которую женщина передает по наследству потомкам. То, что придает людям нечто особое, индивидуальное, что вырывает их из ряда поколений — это есть та часть, которую дает мужчина. Не вошло ли в закономерность женской природы, — так говорит себе Арджуна, — нечто злое, если кровь пригнуждена сражаться против крови?

И далее: другое ощущение, другое чувство, которое воспринял Арджуна, которое у него связано со всем тем, что он ощущает как благо для всеобщего развития человечества — то чувство, что предки, отцы дедов почитания, и их души бодрствуют над потоками их родов, и что жертвенный огонь, посвященный манам, святым душам предков, есть высокое святое служение. Но что должен видеть Арджуна? Вместо алтарей, на которых должны гореть жертвенные огни в честь

предков, он видит готовых напасть друг на друга тех, кто должен был возжигать жертвенные огни, посвященные общим предкам. Они в сражении нападают друг на друга.

Если мы хотим понять какую-нибудь душу, то мы должны углубиться в мысли этой души, но еще больше мы должны перенестись в ощущение этой души, так как душа тесно связана с ощущением, тесно связана с тем, что является ее жизнью. И вот представьте себе контраст, огромный контраст с тем, что здесь должна начаться братоубийственная война. Другими словами, судьба потрясает душу Арджуны; имеет место событие глубочайшего потрясения, которое действует на эту душу так, как если бы почва ушла у нее из-под ног и перед ней разверзлась страшная бездна. Такое потрясение есть сила души, оно пробуждает изначальные силы души, приводит душу к тому, чтобы видеть то, что иначе бывает сокрыто, как бы под покровом, видеть оккультную действительность. Это значителнейший момент напряжения в Бхагавадгите, когда не абстрактно, не по-школьному педантично предлагается некое наставление в оккультизме, но в высшей степени художественно изображается, как из судьбы Арджуны должно развиваться то, что теперь возникает.

И вот после того, как обосновано, что в душе Арджуны могут подняться более глубокие силы, что эти силы могут быть внутренне созерцаемы, происходит то, что само собой понятно для каждого, кто умеет видеть: водитель его колесницы становится орудием, через которое с ним говорит бог Кришна. И вот мы замечаем в четырех первых песнях три этапа, три ступени; каждая следующая оказывается выше, чем предыдущая, каждая следующая представляет собой нечто новое. Сразу же в четырех первых песнях происходит чудесное художественное нарастание драматизма, ответственное глубокой оккультной истине. Что есть первое? Первое есть учение, которое в том виде, как оно дается, может показаться иному западному человеку даже тривиальным. Это вполне допустимо. Замечу в скобках, что под западным, — и я говорю это, имея в виду присутствующих здесь моих дорогих друзей, — что под западным я понимаю все то, что лежит на западе от Урала, Волги, Каспийского моря и даже Малой Азии, и, разумеется, всю Европу. Восточное лежит, главным образом, в Азии. Америка относится, конечно, к Западу.

Итак, перед нами замечательное, а для некоторых философских умов, можно сказать, тривиальное учение. Ведь что, собственно, говорит Кришна Арджуне, чтобы зажечь в нем боевой пыл? "Посмотри на тех, кто должен быть убит вами, посмотри на тех, кто должен быть убит в ваших рядах; посмотри на тех, кто должен быть убит, и на тех, кто должен остаться жить; заметь одно: то, что умирает или остается жить у врагов и у вас, есть внешняя физическая оболочка, физическая телесность, Дух же вечен. И когда твои сторонники убивают кого-то в рядах противника, они убивают только тело, они не убивают дух, который вечен. И тех, кого убиваете вы, вы убиваете только телесно; дух же идет от превращения к превращению, от инкарнации к инкарнации, он вечен. Вечного глубочайшего существа человека вы никак не касаетесь в этом сражении. Возвысься, Арджуна, до понимания духа, и ты сможешь взирать на то, что не может быть убито, что остается живым. Ты можешь жертвенно исполнить свой долг, тебе не нужно ужасаться, тебе не нужно отчаиваться, ибо ты не убиваешь вечного, когда убиваешь врагов".

Это кажется сначала в известном смысле тривиальностью, но тривиальностью совсем особого рода. Человек Запада имеет во многих отношениях довольно недалекое мышление, довольно недалекое сознание. Он совсем не думает о том, что все находится в развитии. И говорить, что высказанное мною сейчас наставление Кришны будто бы тривиально, это все равно, что сказать: да, Пифагора почитают как величайшего гения, но ведь его теорему знает каждый школьник. Было бы крайне нелепо, если бы из того обстоятельства, что каждый школьник знает теорему Пифагора, сделали вывод, что Пифагор, открывший знаменитую теорему, не был великим человеком. Здесь эта нелепость замечена. Однако ее уже не замечают, когда не чувствуют, что то, что ныне все западные философы могут говорить о мудрости Кришны: о вечности духа, о бессмертии духа — в то время, когда Кришна это провозгласил, было высокой мудростью.

Такие души, как Арджуна, чувствовали, что родные по крови не должны сражаться друг с другом; эти Души чувствовали еще общую кровь в большинстве человечества, но нечто совсем иное, нечто, звучавшее в их душе как совершенно новое, как эпохально новое, было высказано в абстрактных словах, в рассудочном

положении: «Дух вечен — дух, рассматриваемый как то, что мыслится обычно абстрактно, как центр чел^{овека} — дух вечен и проходит через превращения, шаг^{ает} от инкарнации к инкарнации». В конкретном смы^{сле} каждый человек в окружении Арджуны верил в перевоплощение. Но так обобщенно, абстрагированно, как этому учил Кришна, особенно в той ситуации, в какой находился Арджуна, все это было чем-то абс^{олютно} новым.

Это одна сторона того, почему вышесказанное должно быть совсем в особенном смысле названо тр^{ивиальной} истиной. Но есть еще и другой смысл. То, что мы теперь даже при занятиях популярной наукой счи^{таем} вполне естественным для человека, наше мышл^{ение}, наше абстрактное мышление, это совсем не всегда было само собой разумеющимся и естественным для человека. Будет хорошо, если в таком случае мы обр^{ацаемся} для характеристики сразу к радикальным при^{мерам}. Вам всем покажется странным, если вам ска^{жут}: для всех вас естественно говорить, например, о «рыбе». Для первобытных народов это было совсем не таким естественным фактом. Первобытные народы, конечно, знали форелей, семгу, треску, сельдей — но «рыбы» они не знали. У них нет слова «рыба», потому что своим мышлением они совсем не доходят до так^{ого} обобщения, такой абстракции. Они знали березовые, апельсиновые и вишневые деревья, отдельные деревья, но «деревя» они не знали. То, что для нас вполне естественно, мышление в общих понятиях, для первобы^{тных} народов вовсе не было естественным.

Если мы посмотрим на этот факт, то для нас до^{жно} стать ясным, что также и то, что в нынешнем смы^{сле} называют мышлением в общих понятиях, что это особое мышление только в ходе развития вошло в ч^{еловечество}. Да, кто задумается над тем, почему логика возникла впервые в Древней Греции, тому совсем не покажется столь удивительным, если из оккультного сознания будет сказано, что собственно логическое мышление вообще существует только со времени по^{явления} Бхагавадгиты. На логическое мышление, на мышление в абстракциях, как на нечто новое, что только теперь должно вступить в человечество, указ^{ывает} Кришна Арджуне. И хотя это развиваемое таким образом мышление считается ныне чем-то совершенно естественным, о нем имеют самые ложные, неестестве^{нные} суждения. И как раз западные философы имеют наиболее ошибочное представление об этом мышлении, так как обыкновенно его считают простой фотограф^{ией} внешней чувственной действительности. Полагают, что понятия и идеи, вообще все это внутреннее мышл^{ение} возбуждается в человеке извне физическим вне^{шним} миром. На Западе написаны целые библиотеки философских трудов, чтобы показать, что это мышл^{ение} есть, в сущности, не что иное, как то, что возникло под воздействием внешнего физического мира. Мы живем в такое время, когда впервые это мышление может быть расценено правильным образом.

Здесь я подхожу к тому, чтобы сказать о моменте исключительно важном как раз для тех, кто своей соб^{ственной} душой хочет пройти через оккультное разв^{итие}. Я хотел бы действительно сделать все, чтобы вн^{ести} полную ясность в то, о чем я намерен сейчас ска^{зать}. Правда, средневековые алхимики говорили, — сегодня я не могу разъяснять, что, собственно, они под этим разумели, — они говорили, что из всех металлов можно сделать золото, золото в каких угодно количе^{ствах}, но только для этого сперва нужно непременно иметь хотя бы крупицу золота, без чего никакого зол^{ота} получить нельзя. Но когда имеют хотя бы мельча^{щую} крупицу золота, можно получить любое количе^{ство} золота. Так же обстоит дело не только с изготовл^{ением} золота, но и с ясновидением. В сущности, ни один человек не мог бы прийти к ясновидению, если бы не имел уже в душе зачатка ясновидения. Если бы было правдой общераспространенное мнение, что люди как таковые не обладают ясновидением, то они вообще не могли бы стать ясновидящими. Но как алхимик полагает, что нужно иметь немного золота, чтобы ч^{истым} образом создать горы золота, так же, безуслов^{но}, необходимо быть уже в какой-то мере ясновид^{ящим}, чтобы развивать это ясновидение все дальше и дальше.

Но вы, конечно, можете выставить альтернативу и сказать: итак, ты думаешь, что все мы уже ясновид^{ящие}, или что те из нас, кто не обладает ясновидением, никогда не смогут стать ясновидящими? — Но дело-то в том, чтобы понять, что первая часть альтернативы верна: среди вас действительно нет ни одного, кто — пусть он этого и не сознает — не имел бы этой начал^{ной} точки. Вы все ее имеете. Никто из вас не обезд^{елен}, потому что у вас всех это в известной мере есть. Это

есть то, что обыкновенно совсем не расценивается как ясновидение.

Простите за несколько грубое сравнение: когда на дороге лежит жемчужина и ее находит курица, то курица не особенно ценит жемчужину. Такими курами являются в большинстве случаев современные люди. Они несколько не ценят жемчужину, ксгодрая лежит совершенно открыто. Они ценят нечто совсем другое, а именно, они ценят свои представления. Но никто не мог бы мыслить абстрактно, не мог бы иметь собственные мысли и идеи, если бы он не был ясновидящим; потому что в обыкновенных мыслях и идеях с самого начала имеется жемчужина ясновидения. Эти мысли и идеи возникают в душе благодаря точно такому же процессу, благодаря которому возникают в ней и высочайшие силы. И исключительно важно, чтобы прежде всего научились понимать, что начало ясновидения есть, собственно, нечто вполне повседневное: нужно только постигнуть сверхчувственную природу идей и понятий. Нужно уяснить себе, что понятия и идеи приходят к нам из сверхчувственных миров, и только тогда мы будем правильно смотреть на эти вещи. Когда я рассказываю вам о духах высших Иерархий, о Серафимах, Херувимах, о Престолах и ниже, до Архангелов и Ангелов, то я говорю о существах, которые должны обращаться к человеческой душе из высших духовных миров. Но именно из тех же миров приходят к душе идеи и понятия; они входят в душу из тех же высших миров, а не из чувственного мира.

Считались великим изречением слова одного из великих представителей эпохи Просвещения, который в 18-м веке сказал: «Человек, осмейся пользоваться своим разумом». — Ныне в душах должно прозвучать еще более великое утверждение, которое гласит: «Человек, осмейся назвать свои идеи и понятия началом своего ясновидения». — То, что я теперь высказал, я высказывал много лет тому назад, высказывал совершенно открыто, а именно, в моих книгах «Истина и наука» и «Философия свободы», где я показал, что человеческие идеи исходят из сверхчувственного духовного познания. Тогда этого не поняли, что, конечно, не удивительно, так как у тех, кто должен был бы это понять, был, видно, куриный ум. Но мы должны понять, что в то мгновение, когда Кришна предстает перед Арджуной, он, так сказать, в первый раз во всем развитии человечества указывает Арджуне исходную точку для познания высших миров через абстрактные суждения. Дух может быть видим на самой поверхности изменений во внешнем чувственном мире; тела могут умирать, дух же, абстрактное, сущностное — вечен. Совсем на поверхности явлений может быть видимо духовное. Вот то, что Кришна хочет объяснить Арджуне как начало нового ясновидения.

Для современного человека необходимо одно, если он хочет прийти к внутреннему переживанию истины.

Если человек действительно хочет когда-нибудь внутренне пережить истину, то он должен пройти через чувство мимолетности всех изменений; он должен пережить настроение бесконечной печали, бесконечного трагизма и в то же время ликования души; он должен пережить дыхание преходящего в вещах. Он должен приковать свой интерес к этому дыханию становления, возникновения, преходящего чувственного мира. Потом, после того как человек почувствует сильнейшую боль и высшее блаженство от переживания внешнего мира, он должен остаться совершенно один, по-настоящему один, только со своими идеями и понятиями. Тогда он должен однажды почувствовать: да, в этих идеях и понятиях ты все-таки схватываешь краешек мировой тайны, мировых явлений — это выражение я употребил когда-то в «Философии свободы». Но это нужно пережить, а не только рассудочно понять; и когда хотят это пережить, то переживают это в полном одиночестве.

И при этом появляется еще одно чувство. С одной стороны, переживают грандиозность мира идей, охватывающих собой всю Вселенную; с другой стороны, переживают глубочайшую горечь от сознания того, что необходимо отделиться от пространства и времени, если хочешь пребывать вместе со своими идеями и понятиями. Одиночество! Человек чувствует ледяной холод. И далее ему открывается, что теперь мир идей как бы сжался в одну точку, как бы в точку этого одиночества. Человек чувствует: теперь ты один с этим одиночеством. Это нужно суметь пережить. Тогда переживают смущающую непонятность этого мира идей, и это переживание глубоко волнует душу. Тогда переживают то, о чем можно сказать: «Быть может, все это только ты сам; быть может, в этих законах истинно только то, что живет лишь в точке твоего собственного одиночества». — Тогда переживают до бесконечности увеличенные сомнения в бытии.

После того как человек испытывает это переживание в своем мире идей, после того как он с болью и горечью принимает на свою душу тяжесть всех мнений в бытии, он, собственно, впервые становится зрелым для того, чтобы понять, что совсем не бесконечное пространство и не бесконечное время физического мира дали ему его идеи. Только теперь, после горьких сомнений, человек открывается для областей спиритуального и знает, что сомнение было оправдано; оно было необходимо, поскольку он думал, что идеи вошли в его душу из времени и пространства. Что же ощущают теперь? Как ощущают теперь мир идей, после того как его пережили из спиритуальных миров? Теперь чувствуют себя в первый раз инспирированными, и если прежде ощущали как бездну окружающую пустоту — теперь начинают чувствовать себя как бы стоящими на отвесной скале, вздымающейся из бездны, и, чувствуя себя так, знают: теперь ты находишься в связи с духовными мирами; они, а не чувственный мир, одарили тебя твоим миром идей. — Таков следующий этап для развивающейся души. Это тот этап, когда для человека начинает становиться действительно серьезным то, что сегодня стало уже тривиальной истиной. Тот факт, что человек несет в сердце это чувство, есть подготовка к тому, чтобы в правильном смысле предчувствовать то, что дается теперь, после великого, мощного потрясения души Арджуны, дается Арджуне Кришной как первая истина — истина о вечности духа, который живет в изменениях. В понятиях и идеях обращаются к абстрактному рассудку, Кришна говорит, обращаясь к сердцу Арджуны, и что может быть вполне тривиальным для рассудка, может представлять собой нечто бесконечно глубокое и возвышенное для сердца.

Мы видим, как первый этап с необходимостью происходит из глубокого жизненного потрясения, которое мы обнаруживаем в исходной точке Бхагавадгиты. И далее следующий этап. Очень часто о том, что по отношению к оккультизму обозначают как догму, говорят, что это будто бы принимается только на веру и проповедуется как Евангелие. Чтобы быть понятным, я хотел бы указать на следующее: если бы кто-нибудь выступил и сказал, что вот человек опубликовал «Таблицы поведения» и говорит в нем о развитии Сатурна, Солнца и Луны; этого нельзя проверить, это можно принять только как догму — это было бы чрезвычайно повержостным. — Я понял бы, если бы было сказано нечто подобное, потому что это понятно в силу поверхностности нашего времени, ибо наше время поистине является поверхностным. Да, при известных условиях это высказывание было бы даже правильным, но лишь при условии, что из этой книги были бы вырваны все страницы, предшествующие, например, главе о развитии Сатурна. Эта глава становится догматической с того момента, когда человек начнет читать книгу с этой главы. Если бы книга начиналась прямо с главы о развитии Сатурна, то автор ее был бы догматиком. Но если он предпосылает ей другие главы, то он совсем не догматик, потому что он показывает, какой путь прошла эта душа, чтобы прийти к такого рода созерцаниям. В этом все дело. Дело в том, что указывается, как каждая душа, если она постигнет себя в своих глубинах, должна прийти к таким же созерцаниям. Этим снимается всякий догматизм.

Поэтому можно ощутить как нечто вполне естественное, когда после того, как Кришна разъяснил Арджуне мир идей, он, желая ввести Арджуну в оккультный мир, показывает ему следующую ступень, показывает, как каждая душа, если она найдет правильную исходную точку, может войти в оккультные миры. Итак, что должен сделать Кришна? Кришна должен тогда отклонить всякий догматизм. И он решительно отклоняет всякий догматизм. Мы находим твердые слова сразу же в начале этой следующей ступени. То, что на протяжении веков было священным для высших из людей того времени, содержание Вед, решительно отвергается: «Не держись за Веды, не держись за слово Вед; держись за йогу». — Это значит, держись за внутреннее существо своей души. Обратим внимание на то, что должно быть этим сказано.

В понимании Кришны Веды не содержат неистинного, но Кришна не хочет, чтобы Арджуна догматически, как ученик Вед, принимал то, что содержится в Ведах; Кришна хочет воспитать его так, чтобы Арджуна исходил из начальной точки развития человеческой души. Тогда вся догматическая мудрость должна быть отстранена. Тогда Кришна мог сказать, как бы про себя — представим себе, что Кришна говорит сам с собой, — тогда он мог бы сказать следующее. Пусть даже Арджуна, в конце концов, придет к тому, что держится в Ведах, но я должен его увести от Вед, чтобы он мог пройти собственный путь из первооснов своей души.

— Веды должны быть отклонены Кришной независимо от того, заключают ли они в себе правду или неправду. Арджуна должен начать путь, исходя из первоначальных сил души; он должен сам из своей внутренней сущности познать Кришну. Относительно Арджуны важно предположить то же, что предполагается, когда кто-нибудь действительно может вступить в истины высших сверхчувственных миров. Итак, после того как Кришна указал Арджуне на то, что стало общечеловеческим со времен возвещения Бхагавадгиты, после того как Кришна привел его к этому, он должен привести его также к познанию того, что Арджуна может получить через йогу. Это подъем к следующему этапу.

Мы видим, как в этих четырех первых песнях Бхагавадгиты происходит сильный драматический подъем ко второй ступени, наиболее индивидуальной. И вот Кришна описывает Арджуне путь йоги, — об этом мы будем еще говорить подробнее завтра — описывает путь, который должен пройти Арджуна для того, чтобы подняться к следующей ступени, от повседневного ясновидения понятий и идей к тому, что может быть достигнуто лишь через йогу. Понятия и идеи лишь нужно представить в правильном свете; он должен быть приведен к йоге. Такова вторая ступень.

Третья ступень — опять-таки драматический подъем, опять высказывание глубокой оккультной истины. В чем состоит эта третья ступень?

Предположим, что кто-нибудь действительно идет путем йоги. Если он это делает, то он приходит к тому, — об этих вещах мы будем еще говорить более подробно, — чтобы от своего обыкновенного сознания подняться к той ступени сознания, которая охватывает не только то Я, что имеется между рождением и смертью, но охватывает и то Я, что идет от инкарнации к инкарнации. Душа познает себя в расширенном Я; душа врастает в расширенное Я, в расширенное сознание. Душа проходит через процесс, который является, в сущности, повседневным, но который все же не вполне переживается в повседневности. Ведь человек каждый погружается в сон; тогда внешний чувственный мир вокруг него умирает; он становится бессознательным для этого внешнего чувственного мира. И вот для души существует возможность заставить исчезнуть чувственный мир, как при засыпании, но лишь для того, чтобы жить в высших мирах как в действительности. Тогда человек восходит на более высокую ступень сознания. Когда человек постепенно, — и мы будем здесь говорить как о йоге, так и о современных упражнениях, — когда человек достигает того, чтобы своим сознанием жить, чувствовать и познавать не в себе, а жить, чувствовать и познавать вместе со всей Землей, тогда он вырастает до более высокой ступени сознания, где обыкновенные чувственные вещи исчезают для него, как во сне. Но для этого необходимо, чтобы человек мог отождествить себя с душой своей планеты, с душой Земли.

Мы увидим, что это для него возможно. Мы знаем, что человек не только засыпает и просыпается, но что, с другой стороны, он переживает также и другие ритмы Земли, зиму, лето. Когда человек идет путем йоги или делает современные упражнения, то он может подняться над обычным сознанием, которое переживает смену бодрствования и сна, зимы и лета, и тогда он может подняться выше, научаясь созерцать себя самого извне. Тогда человек познает, что может смотреть на себя так, как он обычно смотрит на внешние вещи. Тогда он также видит смены, циклы во всей жизни. Он видит тогда меняющиеся состояния. Он видит, как его тело, пока он находится вне себя самого, принимает такой вид, который можно сравнить с Землей и ее растительностью летом. То, что физическая материальная наука определяет как нервы, человек при засыпании начинает воспринимать как распускание чего-то растительного, и когда он переносится снова в свое обыкновенное сознание, то он чувствует, как это растительное, снова сжимаясь, засыхает и становится орудием мышления, чувств и воли в бодрственном дневном сознании человека. Он чувствует свой выход из тела и затем входит в него аналогичными чередованиями зимы и лета, причем летнее он чувствует при засыпании, а зимнее при пробуждении. Происходит именно так, а не наоборот, как легко можно было бы подумать при внешнем поверхностном понимании. Но с этого мгновения он учится понимать, что такое Дух Земли, что он спит летом и бодрствует зимой, а не наоборот.

Человек учится познавать это; он учится познавать великое переживание, в котором он отождествляется с Духом Земли. С этого момента он говорит себе: я живу не только в моей коже; но, как клетка живет в моем организме, так я живу в

организме Земли. Земля спит летом и бодрствует зимой, как я сплю и бодрствую в смене дня и ночи. И как клетка относится к моему сознанию, так я отношусь к сознанию Земли.

Путь йоги, — именно в современном смысле, — ведет к расширению сознания, ведет к отождествлению нашего собственного существа со всеобъемлющим существом. Мы чувствуем себя тогда вплетенными в ткань всей Земли; и тогда мы уже не ощущаем себя как человека, прикованного к определенному времени и к определенному месту, но мы чувствуем нашу человеческую сущность, какой она развивается от начала Земли до конца Земли. Мы чувствуем здесь бесконечный ряд нашего развития, проходящий через эволюцию Земли. Так Йога идет дальше, к ощущению своего единства с тем, что идет от воплощения к воплощению, от инкарнации к инкарнации в развитии Земли. Это должна быть следующая третья ступень. Это то, что ведет к прекрасной художественной композиции Бхагавадгиты, когда эта возвышенная Песнь в своей внутренней художественной композиции, передающей внутренний подъем, отражает глубокие оккультные истины: во-первых, обучение обычным и повседневным понятиям; во-вторых, наставление в пути Йоги; в-третьих, описание чудесного расширения горизонта над всей Землей, когда Кришна развивает перед Арджуной представление: все, что живет в твоей душе, это уже жило не раз, только ты этого не знаешь; но я имею в себе это сознание, когда смотрю назад на изменения, которые я пережил; я хочу повести тебя вверх, чтобы ты научился чувствовать то, что чувствую я. — Вот новый драматический момент! Столь же прекрасный, сколь глубокий и оккультно истинный! Развитие человечества, начиная от повседневного сознания, от жемчужины на дороге, которую нужно только узнать, от действующего в данное время повседневного мира идей и понятий идет вверх до видения того, что живет в нас в действительности и идет от одной земной инкарнации к другой.

ТРЕТИЙ ДОКЛАД

Гельсингфорс, 30 мая 1913 г.

В прошлом докладе мне особенно хотелось показать вам, что современное, направленное больше в сторону абстрактного, человеческое мышление не есть, собственно, дар внешнего физического мира, но что оно есть дар спиритуального мира; что, в сущности, это абстрактное человеческое мышление входит в человеческую душу точно таким же путем, как откровение существ высших Иерархий. Следовательно, существование заключается в том, что в обыкновенной повседневной жизни мы действительно несем в себе нечто, уже вполне имеющее природу ясновидческого познания.

Но как люди мы несем в себе также другое, что в еще большей степени имеет природу ясновидческого познания, но только, можно сказать, в еще более скрытом виде. Это есть то сознание человека, которое выступает между обыкновенным дневным бодрствующим состоянием и состоянием сна. Это сновидческое сознание. Невозможно в действительно практическом смысле хорошо разобраться в восхождении человеческой души в высшие миры, если не постараться проявить эту удивительную жизнь человеческой души в сумеречном состоянии сновидений. Ибо, что такое, собственно, сновидение? Рассмотрим его прежде всего таким, как оно выступает перед нами в обыкновенной жизни.

В сновидении человек имеет вокруг себя или же перед собой, так сказать, более летучие образы, не с такими четкими контурами, как в обычном восприятии дневной жизни. Сонные образы, так сказать, быстро скользят перед душой и, если перейти потом к более трезвому их рассмотрению, то может броситься в глаза, что в большинстве случаев эти сонные образы так или иначе связаны с той внешней жизнью, которую мы ведем на физическом плане. Наверняка есть люди, которые с легким сердцем готовы сразу же видеть в снах нечто высшее, чудесное, и даже откровения высших миров. Есть люди, которые с легким сердцем думают, когда им снится тот или иной сон, что он дает им что-то новое, что не переживалось прежде в обычной жизни, что он вызывает в душе нечто новое относительно обычной жизни, никогда прежде не встречающееся. Во многих, даже, пожалуй, в большинстве случаев человек обманывается, если понимает подобным образом такой сон; из-за мимолетности сна человек просто не замечает, что в ткань и события сна проникли переживания, которые испытывались более или менее недавно, или, быть может, даже много лет тому назад на физическом плане. Именно

на этом основании материалистическая наука нашего времени с такой легкостью отвергла откровения снов как чего-то особенного, и наоборот, решительно указала, что сны представляют собой не что иное, как образы пережитого на внешнем физическом плане. Кто знаком с современным материалистическим учением о снах, тот знает, что это материалистическое учение всегда старается показать, что сон не дает, собственно, ничего другого, кроме того, что человеческий мозг несет в себе как образы из внешнего физического мира.

Нужно признать, что этому внешнему материалистическому учению о снах действительно легко отрицать в этой области всякое более высокое значение жизни сновидений. Ведь так легко доказать, что те высокие откровения, которые, как людям кажется, они имели в своих снах, они видят как образы определенной эпохи, и что в другую эпоху они не могли бы видеть этих образов. Так, например, в снах современных людей часто появляются образы, связанные с открытиями и изобретениями, которые были сделаны только в 19-м веке. Таким образом, очень легко доказать, что в ткань и события снов проскальзывают образы из внешней жизни. Кто желает прийти к ясности относительно переживаний сна, так чтобы эта ясность могла ему что-нибудь дать для вступления в оккультные миры, тот должен с величайшей тщательностью отнестись к этой области. Он должен приучить себя к тому, чтобы тщательно проверять все скрытые пути, и тогда окажется, что в большинстве случаев сон действительно не дает ничего другого, кроме того, что было испытано во внешнем мире. Но тот, кто будет все более и более тщательно исследовать жизнь своих сновидений, — и это, в сущности, необходимо для каждого начинающего оккультиста, — тот мало-помалу заметит, что из ткани сна ему раскрываются вещи, которых он никак не мог узнать в своей внешней жизни, в данной инкарнации. И кто последует указаниям, которые даны в моей книге «Как достигнуть познаний высших миров?», тот заметит, как постепенно жизнь его снов изменяется, как эти сны действительно принимают другой характер. Как первый опыт, он может проделать следующее.

Быть может, однажды он долго, очень долго думал над чем-нибудь, что казалось ему загадочным, и пришел к заключению: да, таков, как ты есть теперь, ты не обладаешь достаточным интеллектом, чтобы разрешить эту загадку силами твоей собственной души, для этого недостаточно также и того, что ты узнал до сих пор извне. Тогда у этого человека — так бывает чаще всего — не будет сознания: мол, ты видишь сон и во сне разрешается эта загадка. — Этого сознания не было у него не будет; но на относительно ранней ступени он может иметь более высокое сознание. Он будет чувствовать себя как бы пробуждающимся от сна, как бы вспоминающим некий сон. Его сознание станет таким, что он говорит или мог бы сказать себе: да, теперь я не вижу во сне то, о чем идет речь. Это не есть также осознание какого-то сна, который я видел прежде. Но теперь всплывает как бы воспоминание, что ко мне подходило некое существо, которое разрешило для меня эту загадку, предложив или подсказав мне решение. — Этот факт сравнительно легко может узнать на опыте тот, кто благодаря упомянутым указаниям научился постепенно расширять свое сознание. Он узнает, вспоминая пережитое, словно сон, что тогда он не осознавал этого переживания. Из темных глубин души как бы вспыхивает нечто, о чем он говорит себе: когда ты сам, своим умом, своим интеллектом не участвовал в этом, когда ты словно сберегал свою душу от своего собственного интеллекта, когда ты охранял свою душу от своего собственного ума, тогда твоя душа могла сделать большее, тогда она могла связаться с решением загадки, перед которой ты со своим интеллектом был силен. — Конечно, ученые-материалисты часто будут легко давать материалистическое объяснение и этого переживания, но кто сам прошел такой опыт, тот знает на деле: то, что тогда перед ним выступает, что раскрывается словно воспоминание переживаний сна, есть нечто совсем другое, чем простая реминисценция обычной жизни. Прежде всего, все настроение души по отношению к этим переживаниям таково, что человек говорит себе: да, такого душевного настроения ты действительно еще никогда не имел. — Это настроение удивительного блаженства, радости от того, что в глубинах души мы несем гораздо большее, чем в обыкновенном дневном сознании. Но еще яснее, нам яснее может быть это познание жизни души, это как бы всплывающее воспоминание о чем-то, чего не удалось уловить, когда оно совершалось в душе. Гораздо яснее может проступить нечто в сознательном понимании душевной жизни. Это происходит следующим образом.

Если человек с энергией и выдержкой в течение довольно долгого времени, может быть, даже в течение десятилетий, делает упражнения, описанные в моей книге «Как достигнуть познаний высших миров?», тогда в его сознании вышеописанным образом всплывает некое душевное переживание. Это может быть, например, следующее: предположим, что к этому душевному переживанию примешивается воспоминание о каком-то обычном переживании из внешней дневной жизни, случившемся в прежние годы, может быть, о довольно тяжком роковом переживании, которое мы называем тяжелым ударом судьбы и о котором мы все это время могли думать только с горечью. Мы можем действительно отчетливо сознавать, с какой горечью мы это до сих пор переживали, какое горькое чувство появлялось у нас, когда это просыпалось в памяти. И вот теперь опять всплывает нечто подобное воспоминанию о каком-то сне, говорящее нам: в твоей душе живут чувства, которые со всей силой притянули к себе как что-то чрезвычайно желанное это горькое переживание. В твоей душе живет нечто, испытывающее своего рода блаженство в возможности создать все условия для того, чтобы тебя могла постигнуть такая судьба. — И теперь, когда человек имеет это воспоминание, он знает также: в обыкновенном сознании, которое служит для упорядочения внешних обстоятельств, не было ни одной минуты, когда ты горько и болезненно не переживал бы этого удара судьбы, и не было ни одной минуты в твоей настоящей инкарнации, когда ты не переживал бы это с болью и горечью. В твоей настоящей инкарнации не было ни минуты, когда ты не переживал бы это с болью и горечью. Но в тебе есть что-то, что совсем иначе относится к этому удару судьбы, что-то, что со всей мощью стремилось создать условия, в которых тебя постиг этот тяжелый удар судьбы. Тогда ты не знал, что в тебе есть что-то, что словно с магнетической силой чувствовало себя привлеченным к этому удару судьбы; тогда ты этого не знал. — Но теперь человек замечает, что за повседневным сознанием пребывает другой, более глубокий и мудрый пласт душевной жизни. Кто получает такой опыт и энергии выполняет упражнения, данные в моей книге «Как достигнуть познаний высших миров?», кто испытывает это переживание, тот после него знает: да, ты живешь в душевной жизни, которая принадлежит известным образом к внешнему миру и которой свойственны симпатия и антипатия. В этом сознании ты и чувствовал тогда удар судьбы, ты ощущал его с горечью и антипатией. Но ты не знал, что в тебе была более широкая душевная жизнь, которая с величайшей симпатией стремилась познать, пережить то, что обыкновенное сознание воспринимает с такой горечью и неприязнью.

Если мы имеем такое переживание, то пусть придет любой материалистический исследователь и станет говорить, что эти переживания лишь реминисценции повседневной жизни; но мы знаем, как простые реминисценции отличаются от того, что здесь было переживанием, потому что если бы это были реминисценции, то к ним непременно должна была бы примешиваться речь, с какой мы всегда об этом думали. Но то, что переживают теперь, разыгрывается совсем по-иному, имеет совсем другой характер, чем любая реминисценция. Ведь в своем глубочайшем внутреннем существе человек совсем не таков, каким он себя представляет. Это и выступает перед душой. И выступает так, что человек действительно знает: теперь ты получил открытие из тех областей, в которые наше обыкновенное сознание не может вступить.

Если человек имел этот опыт, то все прежнее представление о его душевной жизни расширяется, ибо тогда из опыта знают, что эта душевная жизнь есть, несомненно, что-то совсем иное, чем то, что постигается между рождением и смертью. Если не проникнуть в охарактеризованные более глубокие области души, то в обыкновенном сознании нельзя получить никакого представления о том, что за порогом этого сознания

человек оказывается другим, чем он это предполагает в повседневной жизни. И если тогда в душе появляется другое чувство и ощущение по отношению к жизни, то для этого ощущения и переживания крут того, что мы называем миром, расширяется до новой области. Тогда мы на самом деле вступаем в новую область переживания. Совсем другая, новая область открывается перед нами, и мы знаем, почему в обыкновенной жизни мы можем вступить в эту область только при известных условиях.

Пытаясь обрисовать вам оккультное развитие жизни сновидений, я, в сущности, указал на две совершенно различные вещи. С одной стороны, это обычная жизнь

сновидений, которая для огромного большинства людей выступает на границе бодрствования и сна. Я указал, что эта обычная жизнь сновидений питается образами повседневной жизни. Но, с другой стороны, я показал вам, что через внутреннее переживание, подобное по своей природе образам сновидений, при определенных условиях, благодаря обучению, перед нами может всплыть совершенно особый мир, новый мир, о котором мы прежде, до того как вошли в него, совсем ничего не знали, и о котором теперь можем сказать: мы в состоянии и поиному погружаться в области сно-видческой жизни, так, что мы будем находить в них появляющийся перед нами новый мир. — Так мы имеем, с одной стороны, мир сновидений, пронизанный реминисценциями обыкновенной жизни, образами повседневности, а с другой стороны — мир, подобный области сновидений, но в котором мы имеем новые переживания, действительно реальные переживания, о которых мы можем сказать только, что это реальные переживания других, духовных миров. Но должно быть выполнено одно условие, если мы хотим иметь эти новые переживания в ночном полусне. Это условие заключается в том, чтобы мы были в состоянии исключать реминисценции дневной жизни, образы дневной

жизни. Пока они вторгаются в область сновидений, они, так сказать, играют в ней важную роль и мешают приобщению реальных переживаний высших миров. Почему так происходит? Почему мы вносим образы повседневной жизни в область переживаний, где мы могли бы воспринимать высшие миры? Почему мы вносим образы повседневной жизни в эту область и они играют в ней такую важную роль?

Мы делаем это по той причине, что в обыденной жизни, сознаем мы в этом или нет, мы имеем самый большой интерес к тому, что касается именно нас самих в наших внешних переживаниях. Причем не имеет никакого значения, что некоторые люди воображают, будто жизнь их уже не особенно интересует. Такими воображаемыми представлениями позволяет обманывать себя только тот, кто не знает, каким сильнее иллюзиям люди предаются в этой области! Человек фактически очень сильно привязан к симпатиям и антипатиям обычной жизни. Если вы действительно будете следовать тем указаниям, которые даны в книге «Как достигнуть познаний высших миров?» для развития душевной жизни, то вы увидите, что, в сущности, все там сводится к тому, чтобы отвыкнуть от личного интереса к повседневной жизни. Конечно, данные там указания выполняются очень по-разному. Тот или другой человек читает эту книгу; он читает ее по различным основаниям и в зависимости от этих оснований складывается его отношение к этой книге. Тогда кто-нибудь, возможно, с самыми лучшими чувствами следит: Если последовать этим указаниям, то можно радоваться себе так, что получишь прозрение в высшие миры. Это, конечно, правда, но мы будем говорить не об этом. Здесь просыпается любопытство — и почему бы не испытывать любопытства к высшим мирам — часто просыпается только любопытство, если даже вначале к этой книге подходили с самыми лучшими чувствами. Тогда кто-нибудь начинает делать эти упражнения, но делать их только из любопытства. Однако это может удаваться только в течение некоторого времени, потому что различные внутренние чувства и, прежде всего, те чувства, в которых чаще всего не хотят дать себе ясного отчета, через некоторое время уводят человека от работы, и он ее бросает. Но эти чувства, в которых не хотят дать себе ясного отчета, и которые порой даже интерпретируются совсем иначе, связаны не с чем иным, как с симпатией и антипатией, от которых, если действительно хотят выполнить эти упражнения, необходимо совершенно свободным образом отучиться, но от которых на самом деле не отвыкают, когда делают эти упражнения. От этих вещей отучают себя неохотно. Хотя говорят, что выполняют это охотно, однако на деле это не так. И действительный успех, который могут иметь эти упражнения, довольно скоро проявляется у людей, относящихся к этому серьезно, и сказывается он именно в том, что их симпатии и антипатии в жизни несколько изменяются. Нужно, однако, сказать, что довольно редко случается, что человек выполняет эти упражнения так, что его ощущение симпатий и антипатий действительно изменяется. Но если упражнения выполняются энергично, серьезно, тогда это происходит. Резким образом изменяются симпатии и антипатии в отношении повседневной жизни.

Это означает очень, очень многое, это означает, что мы действительно преодолеваем те силы, которые действуют так, что дневные переживания в виде образов, реминисценций проскальзывают в сны. Этого больше не происходит, когда мы достигаем в какой-нибудь области, все равно в какой, изменения наших

симпатии и антипатий. В этой области приобретает характерный опыт. Это изменение сил симпатии и антипатии вовсе не должно лежать в какой-то особенно высокой области. Но в какой-то области должны энергично измениться симпатии и антипатии. Это может касаться самых повседневных вещей, но где-нибудь это изменение должно произойти. Есть люди, которые говорят: я ежедневно делаю упражнения утром и вечером, а также в другие часы, но не могу продвинуться ни на шаг в духовных мирах. Таким людям действительно трудно порой объяснить, насколько очевидно то, почему они этого не могут. Часто людям достаточно было бы только подумать, что после 25 или даже 30 лет упражнений они все еще бранят те же самые вещи, какие бранили 25 лет тому назад. И бранят в той же самой форме, как это делали тогда.

Но вот нечто еще более привычное: есть люди, которые стараются применять также и внешние средства, способствующие известному успеху в оккультизме. Они становятся, например, вегетарианцами. Но мы видим, что есть люди, которые решают действительно отучить себя от чего-либо, принимаются за это со всей серьезностью, однако, несмотря на то, что в течение десятилетий выполняют упражнения, ничего не достигают. Такой человек говорит себе: если бы я хоть чуть-чуть прикоснулся к духовному миру! — Но ему следовало бы подумать о том, что, быть может, он постоянно «возвращался к мясным котлам Египта», потому что так и не смог преодолеть прежней симпатии к мясу. Он сам предполагает совсем другие причины, думает, что мясо ему необходимо. Он говорит себе, например: этого требует мой мозг!

Поэтому не будем представлять себе столь легким делом то, что касается изменения симпатий и антипатий. Это легко, но хотелось бы сказать, вспоминая цитату из «Фауста»: «Хоть и легко, но тяжкий это труд». Именно этим парадоксом и приходится часто обрисовывать душевное настроение, которое развивается в том, кто хочет подняться в высшие миры. Дело не в том, чтобы изменить одну или несколько симпатий и антипатий, а в том, чтобы серьезно изменить симпатию или антипатию вообще. Тогда после определенных упражнений вступают в область сновидений, не внося в нее при этом ничего из повседневной жизни, никаких чувственных переживаний. Но зато в ней получают соответствующее место новые переживания.

Теперь, после того как благодаря оккультному развитию действительно практически прошли через такое переживание, знают, что в человеке есть еще один слой сознания. Каждый человек знает дневное сознание: это есть то бодрственное сознание, в котором он мыслит, чувствует и выражает волю, которое стало для него привычным с появлением самосознания в детстве, и с этого момента он ведет свою сознательную душевную жизнь вплоть до смерти. По крайней мере, у большинства людей это так. За этим дневным, бодрственным сознанием лежит другой пласт сознания. В нем для обычного переживания протекают сны. Поэтому мы можем сказать, что это сновидческое сознание. — Но мы также видели, что это не есть чисто сновидческое сознание. Оно становится сновидческим лишь потому, что мы вносим в него из дневного сознания то, что пережили в дневном сознании. Если мы этого не делаем, если мы освободили его от дневных переживаний, то в эту область нашей душевной жизни могут войти переживания из высших миров, переживания, которые действительно имеются в окружающем нас мире, но которые не могут быть восприняты обыкновенным сознанием, а также сновидческим сознанием, так как из этого сознания должны быть сперва изгнаны reminiscenции дневной жизни, чтобы оно стало пустым и могло дать место высшим переживаниям.

Если мы имеем те переживания, которые я выше охарактеризовал как элементарные, то мы, без сомнения, знаем, что было бы неправильно называть это сознание сновидческим; но мы знаем, что на самом деле наше дневное сознание по отношению к тому, что мы можем тогда пережить, само становится как бы сном по отношению к действительности. Тогда о высшем сознании будет правильно сказать, что дневное сознание есть именно род сновидческого сознания, и только здесь начинается действительность.

Возьмем второй пример и постараемся выяснить, как человек в своем чувстве приходит к тому, чтобы действительно сказать себе, что здесь начинается высшее сознание. Мы говорим себе: мы пережили удар судьбы, который мы ощущали с горечью, но мы заметили, что в нашей душе было что-то, что искало этого удара судьбы. И теперь мы чувствуем, что для нашей души мы нуждались в этом ударе

судьбы; теперь мы впервые на практике чувствуем, что такое карма. Мы чувствуем, что должны были искать этого удара судьбы. Мы вошли в эту нашу инкарнацию с несовершенством нашей души, и так как мы чувствовали это несовершенство, правда, не в сознании, а в глубинах души, то нас магнетически влекло к тому, чтобы действительно пережить этот удар судьбы. Через это мы преодолели, устранили несовершенство нашей души, через это мы сделали нечто реально важное. Как поверхностно, напротив, суждение повседневности, когда оно ощущается то или другое антипатичным. Подлинная действительность заключается в том, что наша душа движется вперед от инкарнации к инкарнации; только короткое время она может ощущать антипатичность этого удара судьбы. Но, когда она взирает за горизонт этой инкарнации, то она чувствует свое несовершенство, она чувствует необходимость, — да, она чувствует это гораздо сильнее, чем в обыкновенном сознании, — она чувствует необходимость становиться все более и более совершенной. Обыкновенное сознание, если бы оно было поставлено перед этим ударом судьбы, трусливо проскользнуло бы мимо, не приняло бы его необходимости. Оно предпочло бы трусливо проскользнуть мимо антипатичного ему удара судьбы. Но более глубокое сознание, о котором мы ничего не знаем, не прокрадется трусливо мимо; оно как раз привлекает этот удар, оно дает совершиться судьбе, которую оно ощущает как исправление, и говорит себе: я вступил в эту жизнь, я осознал, что с самого рождения моя душа была отмечена несовершенством. Если я хочу развить свою душу, то она должна быть подготовлена. Но тогда я должен поспешить навстречу этой судьбе. Это более сильный элемент в душе, тот элемент, по сравнению с которым призрачная ткань обыкновенного сознания с его симпатией и антипатией кажется как бы сном. За пределами этого мы вступаем в то переживание и чувство души, которое дремлет в ее глубинных основах, недоступное для дневного сознания, и которое знает нас лучше и обладает большей силой, чем наше дневное сознание.

И теперь мы замечаем нечто другое. Если мы действительно имеем то, что сейчас было разъяснено, если мы имеем это как собственное переживание души, если мы знаем это не только теоретически, но действительно однажды пережили подобное чувство, тогда наряду с этим мы будем иметь и другое переживание. Человек тогда испытывает переживание: да, ты можешь уже войти в эти области, где все становится другим, чем в обычном сознании. Но человек одновременно чувствует и чувствует глубоко следующее: я не хочу. — Как правило, любопытство, влекущее в эти миры, у большинства людей не так уж велико для того, чтобы они могли преодолеть это содрогание: я не хочу. Это нежелание, которое здесь выступает, выступает с невероятной силой в этой области, которой мы теперь касаемся. Здесь могут возникнуть всевозможные недоразумения. Предположим, что кто-то даже получил личные указания; он приходит к тому, кто их ему дал, и говорит: с этим я ничего не достигаю, твои указания ничего не стоят. — Это может быть искреннее мнение, вполне искреннее мнение. Но тот ответ, который следовало бы Дать, может остаться совсем непонятным для тех, кто имеет это честное мнение. А именно, этот ответ должен был бы звучать: ты уже можешь пойти, но ты не хочешь. — Таков настоящий ответ. Но другой этого не знает, искренне думая, что у него есть это желание, потому что нежелание остается у него в подсознании. Таким образом, он действительно не понимает, что на самом деле он не хочет. В тот момент, когда он хочет уяснить себе это нежелание, он его подавляет. Нежелание пойти дальше действует на него так болезненно, что он тотчас же его подавляет, как только оно появляется. В этой воле есть нечто фатальное, действительно фатальное. Человек стремится тотчас же уяснить то, что он замечает, а именно: с тем «Я», с той самостью, которую ты в себе воспитал, ты не можешь идти дальше.

Когда человек хочет развиваться выше, то он, несомненно, почувствует, что эту самость он должен развивать. — Однако это есть нечто весьма трудное, ибо люди никак не развили бы в себе эту самость, если бы не имели дневного сознания. Оно необходимо для того, чтобы мы имели наше обычное Я; оно пришло в мир для того, чтобы человек развил свою низшую самость. — Таким образом, человек чувствует, что если он хочет войти в действительный мир, то он должен оставить то, что он развил во внешнем. Здесь помогает только одно: чтобы эта самость в дневном сознании развилась сильнее, чем это необходимо для дневного сознания. Обычно человек развивает ее лишь постольку, поскольку это ему необходимо. Если Вы посмотрите на второй пункт книги «Как достигнуть познаний высших миров?», то

вы найдете, что этот второй пункт говорит о том, чтобы укрепить нашу обычную самость, сделать ее сильнее, чем это нужно для дневной жизни, чтобы она могла выходить из своей телесности и иметь в себе нечто как бы неиспользованное. В нас только тогда не будет воли к тому, чтобы в страхе отшатнуться от высшего мира, если в своих упражнениях мы укрепили и усилили свою обыкновенную самость, если благодаря этому мы имеем избыток чувства самости.

Но тогда возникает новая опасность, более серьезная опасность. Теперь, возможно, мы не вносим уже в сны реминисценции повседневной жизни, но зато приобретаем расширенное окрепшее самосознание, мы чувствуем эту область одновременно своим окрепшим, развившимся самосознанием. Кто с помощью упражнений, подобных описанным в книге «Как достигнуть познаний высших миров?», приобретает опыт, который я описывал в прошлом докладе как внутренние душевные переживания Арджуны, — все равно, укрепляется и расширяется ли его самость, так сказать, искусственным путем, через обучение, или ему предназначено судьбой в определенное время расширить свою самость, — результат будет один и тот же: кто познает это на опыте, тот вступает в область жизни сновидений с расширенной, укрепленной самостью. Так происходит в случае с Арджуной. Он стоит, так сказать, на границе обычного мира и мира сновидений. Он вживается в высшую область так, что благодаря своей судьбе, — об этом я еще скажу дальше, — благодаря своей судьбе он имеет в этой области более сильную самость, чем та, которая нужна ему в обычной жизни, обычном сознании. Мы услышим, почему именно Арджуна имеет в себе более сильное сознание. Но смотрите, как только он туда проникает, его тотчас же встречает Кришна. Кришна поднимает Арджуну над той самостью, которая была заложена в нем, и таким образом Арджуна становится иным человеком, чем он стал бы, если бы он со своей расширенной самостью не встретился с Кришной. Что произошло бы, если бы Арджуна не встретился с Кришной? Тогда он сказал бы себе: здесь родные по крови сражаются с родными по крови, здесь происходят события, которые разрушают древнее священное деление на касты, которые пагубно действуют на женщину, разрушают служение манам; происходят события, которые мешают нам возжигать жертвенный огонь нашим манам. — Почитать священное деление на касты, возжигать жертвенный огонь предкам, быть их достойным потомком было свойственно повседневному сознанию Арджуны. Силой своей судьбы он вырван из этого повседневного сознания, оказавшись на почве, где он должен порвать со священным для него чувством, с которым он возжигал жертвенный огонь предкам, чтит деление на касты и кровную связь. Теперь он должен был бы сказать себе: прочь все то, что священно для меня в повседневном сознании, прочь все то, что было мне передано, я хочу броситься в бой. — Но происходит не это, а перед Арджуной предстает Кришна, и Кришна говорит как раз то, что как величайшая немотивированность, как предельно обостренный эгоизм могло бы проявиться в Арджуне. Кришна обрывает это, делает это невозможным тем, что сам становится видимым для Арджуны, и то, что иначе пережил бы Арджуна, что Арджуна использовал бы для того, чтобы жить в себе, этот избыток самосознания Арджуны Кришна употребляет как силу, чтобы сделать себя видимым для Арджуны. Мы можем также сказать, чтобы еще более ясно осознать в душе эту мысль: если бы Арджуна просто встретился с Кришной, то, хотя Кришна и пришел бы к нему, но Арджуна ничего не узнал бы о Кришне, он узнал бы так же мало, как мы ничего не знали бы о сверхчувственном мире, если бы не получили сперва от этого чувственного мира что-то для образования наших органов восприятия этого чувственного мира. Так и Кришна должен устранить в Арджуне его расширенное, укрепленное самосознание. Он должен как бы вырвать его из Арджуны, если с помощью того, что он вырвал, он хочет показать себя Арджуне. Итак, он делает из того, что он вырвал, своего рода зеркало, чтобы показать себя Арджуне.

Мы отыскивали в сознании Арджуны ту точку, где Кришна мог встретиться с Арджуной. Необъясненным остается еще в этом рассмотрении только то, как вообще Арджуна достиг этой возможности. Потому что нам нигде не встречается сообщения, что Арджуна делал оккультные упражнения; он их и не делал. Отчего же он может встретиться с Кришной; что же, собственно, дало Арджуне более высокое, более сильное самосознание? С этого вопроса мы начнем следующий доклад.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДОКЛАД

Гельсингфорс, 31 мая 1913 г.

Мы видели, что если человек хочет продвинуться в ту область, где сплетается ткань снов, то он должен принести в эту область из обыкновенного мира то, что можно назвать усиленным самосознанием, некий избыток «Я» по сравнению с тем, что необходимо этому «Я» для физического плана, для физического мира. В наше время этот избыток самосознания, это превышение образуется в нашей душе благодаря тому, что мы можем пережить в результате упражнений, подобных описанным в книге «Как достигнуть познаний высших миров?» Таким образом, прежде всего происходит укрепление, усиление самости. И оттого, что человек, так сказать, чувствует, что это ему необходимо, им овладевает своего рода страх, робость, опасение перед вступлением в высшие миры, если он не достиг еще этой силы в своей внутренней самости.

Я неоднократно подчеркивал, что человеческая душа в ходе эволюции прошла через различные стадии. Такого повышения, укрепления самосознания, какое в настоящее время эта человеческая душа может достигнуть благодаря упомянутым упражнениям, она не могла достигнуть тем же путем в то время, к которому относится эта возвышенная песнь, Бхагавадгита. Зато в древние времена в человеческой самости, в человеческом сознании имелось нечто другое: человеческая душа еще обладала первоначальным древним ясновидением. Ясновидение есть нечто, в сущности, ненужное для обычной самости на физическом плане, если человек может удовлетворяться тем, что совершит физический план.

Но те древние времена люди того времени, к которому мы должны отнести возвышенную Гиту, имели еще остатки древнего ясновидения. Посмотрим назад, на тех людей прошлого, которые были современниками возникновения Бхагавадгиты. Эти люди могли сказать о себе: «Когда я смотрю на свое физическое окружение, то я получаю впечатления из своих органов чувств; эти впечатления чувств могут затем комбинироваться рассудком, связанным с мозгом. Но у меня, кроме этого, есть и другая сила, с помощью которой я могу ясновидчески получать знание о других мирах. И эти силы показывают мне, что люди принадлежат еще и к другим мирам, что я как человек возвышаюсь в другие миры, над привычным физическим миром». — Но это и есть именно укрепленное самосознание, которое непосредственно пробуждает в душе знание о том, что человек принадлежит не только физическому миру. Это как бы избыточное давление в самости, вызываемое этим, пусть даже последним остатком ясновидческой силы. И ныне человек может снова развить в себе такие силы избыточного давления, если он проделает в своей душе соответствующие оккультные упражнения. Здесь могут возразить, — и вы знаете, что в таких антропософских докладах предусмотрены подобные возражения, хорошо известные истинному оккультисту, — здесь могут возразить: да, но как вообще в наше время человек приходит к тому, чтобы делать оккультные упражнения, почему он не удовлетворяется тем, что предлагает рассудок, связанный с мозгом; почему человек хочет делать такие оккультные упражнения? — Мы касаемся здесь вопроса, который есть не только вопрос, но некоторого рода факт для думающей души в современном цикле развития человечества. Если бы человек действительно не приходил в своей душе ни к чему, кроме того, что показывают ему чувства, что дает ему рассудок, привязанный к внешнему физическому орудию, мозгу, то он был бы, конечно, вполне доволен своим бытием, не проявляя никакого стремления к развитию в сторону высших сверхчувственных миров. В таком случае человек наблюдал бы вокруг себя вещи и события; он видел бы, как они возникают и проходят, не ставя, однако, перед собой вопроса об их возникновении и развитии, но удовлетворяясь этим без всяких сомнений, как удовлетворяется своим бытием животное. Для человека, в сущности, это вполне возможно в том состоянии, в каком материалистически мыслящий человек хотел бы вообще представлять себе человека. Животное в состоянии воспринимать своим обыкновенным сознанием только то, что воспринимается его чувствами, и животное вполне удовлетворяется тем, что воспринимается его чувствами. Но у человека это не так. Почему же у человека это не так?

Я говорю это в связи именно с человеком нашего времени. Ведь в Древней Греции с человеческой душой дело, в сущности, обстояло не так, как теперь. Если мы теперь действительно всей душой обращаемся к естествознанию, изучаем естествознание, если мы берем то, что происходит в историческом развитии, постигаем историологию, внешнюю историческую науку, тогда вместе со всем тем,

что мы при этом приобретаем, в человеческую душу одновременно незаметно прокрадывается что-то, не имеющее, собственно, смысла и цели во внешней физической жизни. Поэтому используют самые различные сравнения, чтобы указать на то, что здесь незаметно проскальзывает. Одно из них я хотел; бы упомянуть, потому что его часто приводят, не задумываясь над его более глубоким значением. В после дней трети 19-го века одна знаменитость медицинского мира, желая подчеркнуть особое достоинство самостоятельной науки, говорила в Академии Наук об одном греческом философе, которого однажды спросил «Что думает философия о цели и смысле жизни? Как это соотносится с другой деятельностью человека с его занятиями в обычной жизни?» — Этот философ дал следующий ответ: «Взгляните на ярмарку. Люди приходят на нее, чтобы продать и купить. Все они заняты. Но среди них есть и другие, которые ничего не продают и не покупают, а только наблюдают, что происходит на ярмарке». — Этим философ хотел сказать: ярмарка это жизнь. Люди заняты на ней самыми различными делами. Но философы, которые не заняты тем, что занимает других, просто прогуливаются там, прогуливаясь ко всему, чтобы все узнать.

Вошло уже в плоть и кровь у так называемых интеллектуальных людей особенно ценить философов за то, что они не участвуют явно в полезной деятельности в жизни, именно за их особую, самостоятельную науку, которая вполне довольствуется сама собой. Но это сравнение должно, в сущности, наводить на некоторые размышления. Это может казаться невежественным, но это вовсе не невежественно, если вдуматься поглубже. Это сравнение может как раз побудить к размышлениям. Так как все же довольно сомнительно, когда философов сравнивают с праздными зеваками на ярмарке жизни, бесцельно бродящими среди людей, имеющих свои определенные цели. Такое мнение тоже возможно. Вообще часто высказываются суждения, которые, несомненно, правильны в своей исходной точке. Но когда они проносятся через столетия, или даже, как в этом случае, через тысячелетия, то они могут стать уже совсем неверными. Поэтому можно поставить вопрос: действительно ли все те, о ком создается такое общее суждение, действительно ли они все лишь праздные наблюдатели жизни?

Но все дело в том, по какому признаку оценивать Жизнь. Несомненно, есть люди, которые действительно видят в философах бесполезных бездельников и думают, что было бы умнее заниматься каким-нибудь полезным делом. Со своей точки зрения они, может быть, вполне правы. Но дело в том, что когда жизнь рассматривают с помощью чувств и связанного с мозгом рассудка, то в человеческую душу как бы тайно прокрадываются вещи, которые не имеют решительно никакой связи с чувственно окружающим нас внешним миром. Это можно особенно хорошо видеть при чтении книг, которые на чисто материалистической основе хотят составить удовлетворяющее воззрение, которое должно разрешить мировую загадку. Тогда обычно оказывается, что в конце этих книг как раз и возникают вопросы. Обычно эти книги в конце оставляют человека с той же мировой загадкой. С восприятием того, о чем говорят эти книги, с восприятием внешнего мира, закрадывается необходимость сказать себе: или человек создан еще и для других миров, кроме физического мира, или этот физический мир непрерывно обманывает, морочит нас, задавая нам загадки, которые мы не в состоянии разрешить. Целая область нашей душевной жизни не имела бы никакого смысла, если бы жизнь действительно кончалась смертью, если бы человек не имел никакого отношения, никакой связи с высшим миром. И бессмысленность того, что в нем есть, заставляет человека искать то, благодаря чему в душу входит нечто, не имеющее гражданства в нашем чувственном мире. И именно это побуждает человека развивать то, что может возникнуть в результате оккультных упражнений и что явно не связано с внешним миром. Мы не сказали бы, что человек испытывает тоску по бессмертию и оттого создает идею бессмертия, изобретает ее, но мы сказали бы, что человек в своей жизни воспринимает в свою душу из внешнего мира что-то, что было бы совершенно бесцельным, бессмысленным, бессодержательным, если бы жизнь была замкнута между рождением и смертью. Человек должен спрашивать о смысле и цели, вообще о всей сущности того, что он имеет, а не того, чего он не имеет.

Так что человек нашего времени на самом деле находится уже не совсем в том же положении, и поэтому он не может теперь сослаться на греческого философа, он не является уже просто праздно разгуливающим зрителем, но находится в

несколько другом положении, что можно сравнить с личностью, которая толкает находит слова для того, что, в сущности, живет во всех. Для Древней Греции сравнение этого философа действительно подходило. Теперь оно уже не подходит, теперь положение изменилось. Если мы снова сравним жизнь с ярмаркой, то можем сказать: туда приходят покупатели и продавцы, но когда кончается ярмарка их подсчитывают деньги, то находят, — как бы страшно это ни звучало, но ведь всякое сравнение в чем-то хромает, а данное сравнение в известном смысле тем лучше, чем оно больше хромает, — находят что-то, что у них остается, хотя это не могло быть ни куплено, ни продано, и непонятно, откуда оно взялось. Так происходит если не на обычной ярмарке, то на ярмарке жизни. В жизненном опыте мы постоянно находим вещи, которые проистекают из жизни, но для которых нет объяснения в чувственном мире. Такова более глубокая причина, почему теперь есть люди, которые могут сомневаться в жизни: это происходит потому, что в душе современного человека действует нечто, не имеющее гражданства в чувственном мире, но ставящее вопросы о других мирах.

И то, что мы должны теперь приобрести в душе, чтобы в ней не было отчаянья, безнадежности перед жизнью, перед лицом того, что иначе было бы бессмысленным, это имел в душе такой человек как Арджуна, просто потому, что его душа действовала еще в такую эпоху, когда существовало древнее, первичное человеческое ясновидение. Но Арджуна находится одновременно в переходном пункте эпохи, — и это есть нечто существенное, значительное, если мы хотим понять Бхагавадгиту, — Арджуна находится в той эпохе развития, когда сохранились уже только остатки, последние следы древнейшего ясновидения. Приблизительно в то время, когда возникла Бхагавадгита, люди подошли к той эпохе эволюции, когда это древнее ясновидение постепенно утрачивалось. И в этом заключается глубокая основная черта Бхагавадгиты, что в ней чувствуется дыхание, слышится отзвук этой переходной эпохи, когда древнее ясновидение умирало, когда с закатом древнего ясновидения должна была наступить ночь, в которой впервые могла родиться та человеческая сила, какой не имела еще древняя душа, но какую в наше время имеет обыкновенная человеческая душа.

Таким образом, Арджуна — это душа, о которой можно сказать, что в ней имеется еще последний остаток древнего ясновидения, и оно уже угасает, не имеет уже полной силы, нуждается уже в описанном мною потрясающем событии для того, чтобы вновь пробудиться, вновь ожить. Что же именно пробуждает в душе Арджуны эту силу, когда он мгновенно становится ясновидящим? Что извлекает из души Арджуны ясновидческую силу? Это есть то потрясающее событие, о котором я говорил. И оно вызывает ту самую ясновидческую силу, которая в древние времена была вообще свойственна человеку. Что же может видеть душа Арджуны благодаря тому, что в нем пробуждена ясновидческая сила, которая в его душе уже клонилась к упадку? Говоря сухо и чисто исторически, Арджуна должен выступить навстречу той духовной сущности, которую в Бхагавадгите представляет Кришна.

Но чтобы могло распространиться новое понимание того, что происходит в душе Арджуны, мы должны указать, что поднятие человеческой души в ту область, где обычно сплетается ткань сновидений, в настоящее время, собственно, уже не ведет к тому, чтобы вполне понять Кришну или сущность Кришны. Если даже мы разовьем все те силы, которые сознательно перенесут нас в ту область, которую мы охарактеризовали в прошлом докладе как область сновидческого сознания, то мы все-таки не сможем полностью раскрыть, кем является Кришна.

Воскресим еще раз в памяти то, что я обрисовал вчера. Мы хотим обозначить обычное повседневное сознание как эту нижнюю область. Выше лежит область, которая остается неосознанной для повседневности, которая осознается только в призрачном облике, как Майя, как сновидческое сознание. Но если тем способом, как это было указано в прошлом докладе, мы можем как бы воссоздать сны, попытаться устранить Майю, тогда в эту область человеческого сознания вступают впечатления из другого мира.

Но в действительности во все эти переживания, которые человек здесь испытывает, вмещивается из физического мира все то, что как некий избыток в душе принадлежит к другим, внутренним, сверхчувственным мирам, знание о которых человек может получить только тогда, когда разовьет это сознание. Тогда человек действительно имеет тот опыт, который может принять за реминисценцию повседневной жизни только тот, кто настроен материалистически и не имеет

никакого понятия о природе такого опыта. Тогда мир выглядит уже иначе, чем он выглядит, когда нас окружает только физический план. Мы делаем открытие, что видим нечто такое, чего не видим в привычном нам мире. Хотя люди часто думают, что видят свет, но в действительности на физическом плане человек видит не свет, а видит цвета, цветовые оттенки, светлые или темные тона, он видит только действие света, а сам свет незримо проходит через пространство. Когда человек только смотрит в пространство, через которое проходит свет, то сам свет он не видит. В этом мы можем легко убедиться, когда впускаем свет в комнату через окно и видим как бы сноп лучей. Но для этого в воздухе должна быть пыль; мы видим отблеск, отражение света, но самого света мы не видим. Сам свет остается невидимым. Но теперь после такого опыта мы начинаем действительно видеть свет, мы действительно его воспринимаем. Но это становится возможным для нас только тогда, когда мы вступаем в высшие миры. Тогда мы действительно окружены волнами света, как в физическом мире окружены воздухом. Но в высший мир мы поднимаемся не своим физическим телом; там воздуха нам не нужно дышать; мы поднимаемся вверх той частью своего существа, которая нуждается в свете, как в физическом мире наше тело нуждается в воздухе. Жизненным элементом там вверху является свет, — хотелось бы сказать, свето-воздух, который является там таким же условием бытия, как воздух для человека в физическом мире. Этот свет пронизан, проникнут чем-то, как окружающий нас воздух пронизан облачными образованиями. Это не что иное, как вода. Но воду физического плана можно сравнить с чем-то, что имеется там вверху. То, что встречает нас там как плывающие и парящие в волнуемом свете образования, подобные облакам, парящим в воздухе, это живой звук, переплетающиеся тона — это музыка сфер. И то, что воспринимается далее, это сама текущая, сплетающаяся жизнь.

Так можно описывать мир, в который мы погружаемся тогда душой. Но выражения, при помощи которых мы его описываем, должны быть, собственно, лишены смысла для физического мира. Поэту, пожалуй, лучше всего изобразит этот мир — хотя и совершенно бессмысленный для физического представления, но обладающий высшей действительностью — лучше всего изобразит этот мир тот, кто употребит при его описании бессмысленные для физического плана слова. Разумеется, материально настроенные души будут возражать против этого. Но эти возражения материалистически настроенных людей слишком легковесны по сравнению с тем, что оккультист может сказать о высших мирах. Он сам хорошо знает, как легко сделать эти возражения, поскольку лучше всего можно описывать высшие миры, прибегая к словам, которые совсем не подходят к тому, что человек имеет в виду, когда говорит, исходя из физического плана.

Хотелось бы, например, сказать о свето-воздухе, о воздушно-свете. Этого нет на физическом плане. Но там вверху есть свето-воздух, воздушно-свет. И, вступая в этот мир, можно ощутить недостаток жизненного элемента, недостаток свето-воздуха и воздушно-света, вследствие чего чувствуют себя как бы оглушенными, чувствуют боль в душе, переживая состояние, которое можно сравнить с недостатком воздуха на физическом плане, как человеку нечем дышать. Но там испытывают и противоположное ощущение, ощущение истинного, можно сказать, священного свето-воздуха, ощущение жизни в этом чистом, священном мире, и видят духовных существ, которые могут стать зримыми в этом свето-воздухе, где они пребывают. Это все те существа, которые находятся под водительством Люцифера. Как только мы без надлежащей подготовки, с недостаточной или неупорядоченной подготовкой входим в эту область, Люцифер получает власть тотчас же лишить нас свето-воздуха. Он делает так, что нам становится чрезвычайно трудно дышать. Это уже не похоже на то, когда задыхаются на физическом плане, а производит обратное воздействие, так что мы жаждем, подобно попавшим на юг белым медведям, жаждем того, что может прийти к нам от духовного сокровища, от духовного света физического плана. Люцифер, если мы недостаточно готовы, хочет, чтобы мы стремились не к тому, что исходит от высших Иерархий, а зависели от того, что он принес на физический план. Когда мы предстоим перед Люцифером, он отнимает у нас свето-воздух, и нашей душе становится нечем дышать; мы жаждем того, что духовно исходит от физического плана.

Но как это выглядит конкретно? Предположим, что кто-нибудь делает упражнения, приводящие его к тому, что он может действительно подняться в эти

высшие миры, то есть действительно достичь этой высшей области. Но предположим, что он не соблюдает при этом необходимых предварительных условий, например, забывает, что наряду со всеми упражнениями человек должен также облагородить все свои моральные ощущения, свои моральные чувства, что он должен вырвать из души все земное властолюбие — в высшие миры ведь можно вступить, даже будучи честолюбивым, тщеславным, властолюбивым человеком, но такой человек приносит с собой в эти высшие миры земное тщеславие, земное властолюбие. Если человек оставляет свои моральные ощущения и чувства неочищенными, то Люцифер отнимает у него там свето-воздух, воздухо-свет. Тогда человек не воспринимает ничего из того, что действительно есть там наверху, и тогда его влечет к тому, что имеется на физическом плане; он как бы вдыхает тогда то, что может быть воспринято на физическом плане. Он воображает, что созерцает то, что можно созерцать только духовным образом, а именно, в свето-воздухе, что созерцаемо только при вдыхании световоздуха. Полагают, что видят различные воплощения разных людей. Но это неверно; их не видят, потому что не хватает свето-воздуха. При этом как бы всасывают вверх, в эту область то, что происходит внизу, на физическом плане, и как события высших миров описывают всевозможные вещи, которые нашли внизу, на физическом плане. Вообще нет лучшего или, вернее, худшего средства, чем с земным властолюбием поднять свою душу в высшие миры. Но если это все-таки сделать, то никогда нельзя оттуда принести истинных результатов исследования, и то, что приносится в них, будет лишь призрачным отражением того, что человек воспринимал и осмысливал на физическом плане.

Здесь я очертил лишь как бы общую картину. Но встречаются и такие существа, которых можно назвать элементарными существами. В то время как здесь в физическом мире мы говорим о силах природы, там вверху эти силы приобретают нечто сущностное. И мы делаем там прежде всего одно вполне определенное открытие; мы делаем открытие, но теперь через факты, которые нас там встречают: да, здесь на физическом плане есть добро и зло, но там вверху есть добрые и злые силы. Здесь, в физическом мире, добро и зло смешано и соединено в человеческой душе, у одного больше, у другого меньше в сторону добра, но там вверху есть существа, которые как злые существа борются с тем, что порождается существами, которых можно назвать добрыми. Тогда вступают в ту область, где требуется уже повышенное самосознание, где нужна обостренная сила суждения, которая должна быть связана именно с этим повышенным самосознанием. Так что, например, действительно можно сказать себе: там вверху должны быть и те существа, которые имеют, так сказать, миссию зла, наряду с существами, которые имеют миссию добра.

На физическом плане всегда возражают на это: почему же мудрое мировое божество не создало одно только добра, почему же всегда и во всем не присущствует только добро? — Если бы было одно лишь добро, то мир должен был бы принять одностороннее направление, тогда мир никак не мог бы дать всей той полноты, которую он порождает. Добро должно иметь противодействие. Это можно понять уже на физическом плане. Но мы приходим к познанию: думать, что одни лишь добрые существа могли бы сделать мир совершенным, можно только до тех пор, пока исходят из сентиментальности, мира фантазии. Сентиментальностью можно было бы еще обойтись в области повседневности, но не тогда, когда входят в строгие реальности сверхчувственного мира; там знают, что добрые существа одни не могли бы двигать мир, что они были бы слишком слабы для того, чтобы придать миру совершенный облик, что к эволюции в целом должны быть привлечены силы, которые исходят от злых существ. Это мудро, что зло вовлечено в эволюцию мира. Поэтому к вещам, от которых нужно отучиться и с которыми нужно бороться, относится и всяческая сентиментальность. Нужно знать, что это необходимо. Бесстрашно и мужественно нужно уметь идти навстречу опасным истинам, воспринимаемым в борьбе, которая разыгрывается именно в этой области между добрыми и злыми существами. Это вещи, которые переживаются, только когда человек делает свою душу способной сознательно проникнуть в эти области. Но только тогда мы, собственно, и вступаем в область сновидений.

Однако как люди мы живем еще и в другой области, в области, для которой мы как души так мало подготовлены в обычной жизни, что в ней мы вообще ничего не можем воспринимать. Эта область, которую мы как души переживаем в глубоком сне без сновидений, область, которой никогда не могут достигать сновидения, область

спящего сознания. Здесь начинается уже абсолютное противоречие. Ведь сон характеризуется, в сущности, именно тем, что сознание совсем прекращается. Спящее сознание — совершенный парадокс — есть то состояние, в котором мы пребываем от засыпания до пробуждения. Это состояние мы будем называть сначала спящим сознанием. Это спящее сознание для нормальной человеческой жизни в действительности таково, что человек перестает быть сознательным, когда вступает в эту жизнь, и только с пробуждением становится снова сознательным. Но в более древние времена ясновидения эта область воспринималась как человеческой душой. Если мы рассмотрим эти древние времена нашего земного развития, скажем, послеатлантические времена, то там можно обнаружить это состояние, которое для обычной жизни было подобно сну, но в котором воспринимался еще более высокий духовный мир, чем тот, который воспринимался в области сновидений. Мы можем прийти к таким состояниям, которые для обыкновенной человеческой жизни вполне подобны состояниям сна, но не являются сном, потому что они проникнуты сознанием. Поднимаясь так высоко, мы не видим физического мира. Мы видим мир свето-воздуха, мир тонов, мир гармонии сфер, мир борьбы добрых и злых существ. Но мир, который мы тогда видим, можно сказать, еще более отличен от всего, что существует в физическом мире. Поэтому описывать этот мир еще труднее, чем мир, с которым сталкиваются, вступая в область ясновидческого сознания.

Я хотел бы дать вам некоторое представление о том, как фактически работает, как действует сознание в этом мире. Когда описываешь то, что я наметил вам как высший мир, в который проникают сновидения, то обыкновенное филистерство объявляет это фантастикой. Но когда начинаешь говорить об опыте той области, которую человек обычно просыпает, то люди, если они вообще снисходят до этого, уже не просто раздражаются и бросают упреки в адрес этой фантастики, а приходят в ярость.

Мы уже видели маленький — или большой — пример этого. Когда в Германии появились мои книги, то критика, называющая себя научной, разумеется, пришла в раздражение, высказывая всевозможные суждения по поводу этих книг, но в одном пункте она стала просто яростной, — яростной до такой степени, о которой можно сказать, что когда критика становится слишком яростной, она делается просто глупой. Это был тот пункт, где указывалось на то, что действительно может исходить только из упомянутой области духа. Это было указание, сделанное в моей книге «Духовное развитие человека и человечества», указание на двух мальчиков Иисусов. Для тех моих дорогих друзей, которые с этим не знакомы, я хотел бы бегло напомнить, что в результате оккультного исследования открылся тот факт, что в начале нашего летоисчисления родился не один, а два мальчика Иисуса. Один происходил из так называемой Натановой линии дома Давида, другой — из так называемой Соломоновой линии. Оба эти мальчика росли вместе. В теле соломонова мальчика жила душа Заратустры, которая на 12-м году перешла — и это имеет глубокое значение — в тело другого мальчика Иисуса и до 30 лет обитала в этом теле. Таким образом, она жила в теле, в котором прежде 12 лет обитала таинственная душа, до 30-летнего возраста этого тела. Начиная с 30 лет в этом теле обитала та сущность, которую мы называем сущностью Христа. Она жила на Земле три года.

Как уже было сказано, те, кто из внешнего мира вообще снизошли до этой истории двух мальчиков Иисусов, пришли в ярость. И мы, в конечном счете, не можем упрекать их за это, потому что люди, естественно, хотят контролировать что-нибудь с помощью имеющейся у них науки, но то, что они хотят здесь критиковать, исходит из области, которую они всегда просыпают. Поэтому их нельзя обвинять, что они этого не знают. Несомненно, здорового ума вполне достаточно, чтобы понять это. Но до такого понимания люди не доходят; они сразу же превращают силу понимания в ярость и ненависть.

Такие истины, как истина о двух мальчиках, всем не рассчитаны на чью-нибудь симпатию или антипатию. Эти истины находят всегда только таким образом, что их, собственно, никогда «не делают» своим опытом, если словом «делать» я могу назвать то, что относится, так сказать, к способу познания физического мира, и, в сущности, даже к способу познания той области, в которой проходит сновидческая жизнь. Тогда, так сказать, присутствуют при возникновении познания, как присутствуют при физическом сознании. Это касается также и того оккультиста, который проникает своим сознанием только в область сновидений. Так

что можно сказать: когда происходит познание этой области, то при этом присутствуют непосредственно. Но в таком непосредственном присутствии нельзя обнаружить такие истины, как эта истина о двух мальчиках Иисусах. Когда в более высоких областях получают эти истины, а именно так, что они входят в сознание, они оказываются уже далеко позади. Их переживают раньше, чем сознательно встречаются с ними, — что должно произойти именно в наше время, — их уже имеют в себе. Так что к важнейшим, существеннейшим, значительнейшим истинам приходят так, что несут в себе ясное сознание: когда их приобретали, то это происходило в более ранний момент времени, чем теперь, когда то, что было приобретено ранее, выносят из глубин души и делают для себя сознательным.

Такие истины видят в себе, как во внешнем мире видят цветок или какую-нибудь другую вещь. Как во внешнем мире можно думать о цветке или о каком-нибудь другом предмете, который прежде всего существует, так можно думать об этих истинах, когда встречаешь их в себе, когда они в тебе самом выступают тебе навстречу. Как во внешнем мире можно составлять суждение только после восприятия как-нибудь предмета, так объективно находят в себе эти истины, и только тогда их изучают в себе самом. Их изучают в себе самом, как изучают внешние факты. И как мало смысла имеет вопрос, правда или ложь этот цветок, так же мало имеет смысла спрашивать о том, что находят в себе, истинно оно или нет. Правда или неправда относятся только к тому, оказывается ли человек способным описать то, что он находит в себе, что он в себе сознает. Описание может быть верным или неверным. Но быть истинным или быть ложным относится не к факту, а к тому, как мышление относится к факту. К самому факту слова «истинно» или «ложно» совсем не применимы.

Прийти к результатам исследования в этой сфере означает обрести действительное прозрение в ту душевную область, в которой жили уже прежде, но в которую не проникали сознанием. С помощью оккультных упражнений лучше всего можно войти в эту область, если обратить особенное внимание на такие моменты, когда в глубинах души возникают не только суждения, но факты, о которых знают, что не участвовали сознанием в их возникновении. Чем больше человек способен удивляться тому, что ему тогда открывается как совершенно объективный предмет внешнего мира, чем поразительнее это для него, тем он более подготовлен к вступлению в эту область. Поэтому, как правило, дело обстоит так, что со всем тем, что он в себе сконструировал, что он предполагает, трудно войти в эту область. Нет лучшего средства остаться в неведении, например, относительно прошлых воплощений той или иной личности, как размышлять о том, чем она могла быть в прошлых инкарнациях. Если вы захотите, например, исследовать прежние инкарнации Робеспьера, то лучшим средством ничего не узнать о нем было отыскивать исторические личности, о которых вы предполагаете, что они могли бы быть прежними инкарнациями Робеспьера. Это было бы лучшим средством не узнать правду. Нужно решительным образом отучить себя от того, чтобы составлять мнения, предположения, гипотезы. Тот, кто хочет сделаться истинным оккультистом, должен все больше приучаться к тому, чтобы как можно меньше судить о мире. Тогда он скорее всего может прийти к познанию фактов. Чем больше человек хранит молчание в своих предположениях, в своих мнениях, тем больше его душа наполняется фактами духовного мира.

Можно, например, сказать, что тот, кто вырос с определенными религиозными предрассудками, кто имеет вполне определенные чувства и ощущения, может быть, даже представления о Христе, тот едва ли был бы способен найти такую истину о двух мальчиках Иисусах. Именно нейтральное чувство относительно этих Событий является хорошей подготовкой, если при этом проводить и другую необходимую подготовку. Предубежденные буддисты менее всего могут сказать что-нибудь разумное о Будде, как и предубежденные христиане менее всего сумеют сказать о Христе. И так во всех областях. Необходимо испытать всю горечь обычной жизни, сделаться как бы двойным человеком, если хочешь вступить в эту область, описанную здесь как третья область. Двойными людьми мы и являемся в обыкновенной жизни, даже если осознанно не пользуемся второй частью нашего существа. Ведь в обычной жизни мы являемся бодрствующими и спящими людьми. И как различны между собой бодрствование и сон, так же отлична от физического мира и эта третья область в высших мирах. Эта область есть нечто особое. Это тоже окружающий нас мир, но это совсем новый мир, который мы познаем лучше всего,

когда мы в состоянии угасить не только то, что сообщают нам чувства как впечатления внешнего мира, но и все то, что мы можем чувствовать и ощущать, что может нас возмущать по отношению к вещам чувственного мира. В обыкновенной жизни человек так мало приспособлен к переживанию этого мира, что его сознание каждую ночь угасает. Этого переживания человек достигает только тогда, когда он в состоянии действительно сделать себя двойным человеком. И только тот человек, который в состоянии забыть, исключить все то, что интересует его в физическом мире, может проникнуть в этот третий, высший мир. Средний мир, в котором сплетается ткань сновидений, как бы состоит из двух миров. В него входят как элементы высшего мира, обыкновенно просыпаемого человеком, так и элементы дневного сознания. И поэтому никто не может познать истинных причин физического мира, если он не в состоянии проникнуть в эту третью область. И если теперь человек хочет на собственном опыте открыть, например, кто есть Кришна, то он сможет сделать это только лишь в этой третьей области. И те впечатления, которые получил Арджуна, описанные в этой возвышенной песне, Бхагавадгите, в словах Кришны, исходят из этого мира. Поэтому сегодня я должен был сказать вам прежде всего о восхождении человека в эту третью область, чтобы нам могло стать понятным, откуда исходит та удивительная и все же гротескно звучащая истина, которую Кришна высказывает Арджуне и которая кажется весьма необычной. Учиться познавать Кришну и вместе с тем основной нерв Бхагавадгиты — в этом заключается одна сторона этих лекций. Но, с другой стороны, в оккультных основах этой удивительной песни есть то, овладевая чем, вы можете действительно найти путь в высший мир. Путь в высшие миры открыт каждому человеку, если только он захочет понять, что необходимая крупинка золота, которую вначале нужно иметь, заключается в осознании того, что в явлениях обычной жизни действуют высочайшие духовные существа.

ПЯТЫЙ ДОКЛАД

Гельсингфорс, 1 июня 1913 г.

Если мы хотим проникнуть в загадку человеческой жизни, то должны принять во внимание прежде всего один великий закон жизни, так называемый закон циклов. Характеристики лучше определений, поэтому и в данном случае я хотел бы дать не определение, а скорее характеристику того, что понимается здесь под циклическим развитием жизни. Я не раз уже говорил о малой ценности так называемых определений. Они всегда оказываются беднее действительности. В одном греческом философском обществе, желая объяснить природу определений, попробовали дать определение человека. Определение ведь должно сводить к понятиям то, что представляет собой явление. Это лишь радикальное высказывание, которое, в сущности, для того, кто обладает большей логической проницательностью, все же остается обедненным. И вот люди в греческом философском обществе решили дать такое определение: человек есть существо, которое имеет две ноги и не имеет перьев. Это, конечно, не особенно гениальное определение, но оно радикально показывает скудость всякого определения. Нельзя отрицать, что это определение, хотя оно и несколько шутовское, все-таки в известном отношении передает внешнее существо человека. Однако на другой день кто-то принес ошипанного петуха и сказал: итак, по вашему определению это человек! — Поистине нелепое высказывание. Но оно метко отражает нищету всякого определения. Поэтому, когда дело идет о действительности, мы будем избегать определений и давать больше характеристик.

Прежде всего я хотел бы обратить ваше внимание на одну ежедневно происходящую, совсем обычную циклическую смену. Это циклическая смена сна и бодрствования. Что же, собственно, значит для обыкновенной человеческой жизни сон и бодрствование? Природу сна можно понять, только зная, что внутренняя, дневная деятельность при бодрствовании в современном цикле человечества есть определенного рода разрушение тонких структур нервной системы. С каждой мыслью, с каждым волевым импульсом, к которому нас побуждает внешний мир, мы в течение всей нашей бодрственной жизни разрушаем тонкие мозговые структуры. Мы стоим здесь в той точке, где действительно можно сказать, что в ближайшее время людям будет становиться все более ясно, как сон должен дополнять бодрствование; мы стоим у той точки, где в ближайшее время естествознание, которое находится уже на этом пути, должно объединиться с

духовной наукой. Естествознание уже гипотетически не раз выдвигало теории о том, что дневная бодрствующая жизнь есть своего рода разрушительный процесс в нервной системе, в тонких структурах мозга. Поскольку мы своим бодрствованием вызываем в себе разрушительные процессы, от засыпания до пробуждения в нас, соответственно, должен происходить и другой процесс, процесс восстановления. И действительно, во время нашего сна в нас работают силы, которые обычно не проявляются, не осознаются. Эти силы работают над восстановлением разрушенных во время бодрствования тонких нервных структур нашего мозга.

Но именно благодаря разрушению этих тонких структур в нас развиваются мысли и процессы познания. Обычное повседневное познание было бы невозможно, если бы от пробуждения до засыпания не имели места процессы разрушения, распада. И жизнь сна означает восстановление этих разрушенных частей. Так совершается противоположная работа над нашей нервной системой: с одной стороны, во время бодрствования происходит процесс разрушения, распада; с другой стороны, во время сна происходит процесс созидания, восстановления. Мы становимся сознательными благодаря тому, что осуществляется процесс разрушения. Мы воспринимаем, собственно, разрушение, наша дневная бодрственная жизнь есть восприятие процессов разрушения. Поскольку во время сна не происходит разрушительных процессов, а происходят процессы реорганизации, мы и не воспринимаем ничего в этом состоянии. Здесь сила, которая обычно пробуждает сознание, употребляется на созидание. Но во время видения эта сила не воспринимается, потому что мы можем делаться сознательными только через процессы разрушения. Таков один цикл. Возьмем сначала то, что совершается во сне.

Созидание: бессознательность вследствие того, что силы употребляются в качестве созидательных сил. Разрушение: бодрствование, сознательность вследствие того, что силы разрушают, освобождаясь от задачи видения. Бессознательный сон и сознательное бодрствование, созидание и разрушение — таков один из самых обыкновенных циклических процессов человеческой жизни. Поэтому так опасно для здоровой человеческой жизни нарушение нормального сна. Однако человеческая жизнь устроена так, что эти опасные процессы сказываются не сразу, ибо то, что имеется в человеке, построено с давних времен. Так что, в сущности, те процессы, которые сегодня происходят в человеке как аномальные, ненормальные, могут не так глубоко действовать на человеческую душу, как это можно предположить. Ведь после всего сказанного можно было бы подумать, что человек, страдающий бессонницей, и, следовательно, только разрушающий свой мозг, должен был бы сравнительно скоро умереть. Но все происходит гораздо медленнее, чем можно предположить. Это связано с теми же причинами, по которым у людей, лишенных слуха и зрения, как, например, у Елены Келлер, все же может быть развит человеческий интеллект. Теоретически это можно было бы считать совсем невозможным в современном цикле, поскольку сегодня большая часть того, что в нашем мозге развивает интеллект, проникает в него через ухо и глаз. Если такая личность, как ставшая знаменитой Елена Келлер, оказывается все-таки способной к образованию, то это зависит от того, что хотя врата ее чувств были закрыты, она унаследовала мозг, способный к образованию. Если бы человек не стоял в линии наследственности, то такое развитие, как у Елены Келлер, было бы, без сомнения, невозможным. Если бы благодаря наследственности человек, так сказать, не имел бы более здорового мозга, чем склонны думать обычно, то бессонница за очень короткое время совсем разрушила бы его здоровье. И в общем сила наследственности так велика, что бессонница может действовать очень долго, прежде чем повредит человеку. Поэтому правильно, что действует этот цикл: созидание и, следовательно, бессознательность во сне; разрушение и, следовательно, сознательность во время бодрствования.

Но в совокупности человеческой жизни мы наблюдаем не только такие малые циклы, но и более крупные циклические процессы. Здесь я хотел бы обратить внимание на один циклический процесс, на который я неоднократно указывал. Кто проследит в целом развитие западно-европейских народов, тот заметит совершенно определенную конфигурацию духовной жизни, скажем, с 14-го, 15-го, 16-го столетия до последней трети 19-го столетия. Впрочем, на решающие явления в обыкновенной жизни смотрят слишком бегло, слишком поверхностно; жизнь в целом рассматривают недостаточно глубоко. Но если рассматривать жизнь

внимательно, то повсюду можно заметить, что с последней трети 19-го столетия начинается совсем другая конфигурация западной духовной жизни. Правда, мы стоим только в начале этой намечающейся духовной жизни, поэтому люди мало замечают ее во всей ее значительности и существе. Но представим себе, что в 40-х, 50-х годах 19-го века кто-нибудь стал бы говорить перед такой же аудиторией о таких вещах, о которых я сейчас говорю вам теперь, представим себе это. — Но этого как раз и нельзя себе представить, это было бы бессмысленным, это было бы совсем невозможно в 40-х, 50-х годах прошлого века. Это было бы также полностью исключено в период от 14-го, 15-го, 16-го века до последней трети 19-го века. Это была эпоха развития естественнонаучного мышления, того мышления, которое принесло великие успехи материализма, за которое еще долго будут держаться не способные освободиться от него естествоиспытатели. Но собственно эпоха материализма миновала. И как в указанный момент начиналась эра естественнонаучного мышления, так теперь начинается эра спиритуалистического мышления.

Мы живем в такое время, когда резко сталкиваются эти две резко отличающиеся одна от другой эпохи. Все больше будет выявляться, что новое мышление хочет войти в действительность, что мышление у людей станет совсем другим, чем это было в четырех последних столетиях, в течение которых люди должны были учиться естественнонаучному познанию. Для четырех последних столетий речь шла о том, чтобы вывести взгляд человека в шири мирового пространства. Я неоднократно указывал на тот значительный момент в духовном развитии Запада, когда Коперник, Галилей, Кеплер, Джордано Бруно в совместном действии, так сказать, разорвали голубой небосвод. До той поры верили, что нашу Землю охватывает эта голубая чаша. Но вот выступили эти гении, которые заявили, что эта голубая чаша есть ничто, и направили взгляд людей в бесконечные дали мирового пространства. Что же значительного было в том, что, скажем, Джордано Бруно научил людей видеть, объяснив им, что эта голубая чаша, за границу которой не проникает зрительная способность, есть ничто, и сказал им: этого в действительности нет, знайте, что вы сами представили эту чашу в мировом пространстве! — Здесь значительно то, что это было начало. Концом был тот факт в 19-м веке, что люди научились исследовать с помощью спектра вещественные соединения отдаленнейших небесных тел. Удивительная эпоха, эпоха материализма! Теперь мы стоим в исходном пункте другой эпохи. Она исходит из тех же законов, но это эпоха спиритуальности. Как благодаря работе Бруно была подготовлена естественнонаучная эпоха, была разбита голубая чаша небосвода, так в эпоху, которая теперь начинается, будет разбита незыблемость времени. Люди узнают, разматывая жизнь между рождением и смертью или между зачатием и смертью, что это границы, поставленные человеческой душой. Как люди раньше сами поставили себе границу для своих чувств в виде голубой чаши, как тогда взгляд был расширен в бесконечные сферы пространства, так будут разрушены временные границы между рождением и смертью, и в бесконечном море времени, не имеющем границ рождения и смерти, будут совершаться превращения человеческого существа, которые мы проходим во все новых инкарнациях. Начинается новая эпоха, эпоха спиритуального мышления.

На чем же основано это изменение человеческого мышления для того, кто может распознавать оккультные основы этих переходов от одной эпохи к другой? Этого не может указать непосредственно никакая философия, никакая внешняя физиология и анатомия. И тем не менее это истинно. Силы, которые вступили в работающие человеческие души и теперь применяются в человеческих душах для приобретения духовных познаний, эти же самые силы работали в течение четырех последних столетий над человеческим организмом как созидательные силы. Если мы возьмем период от Коперника до последней трети 19-го века, то в течение всего этого времени таинственные силы работали над телом, как во сне созидательные силы работают над нервной системой. Эти созидательные силы, которые работали тогда над человеком, создали совершенно особую структуру в определенных частях мозга. Мозг западных людей теперь иной, чем пять столетий тому назад. Теперь под черепной коробкой все выглядит не так, как пять-шесть столетий тому назад. Здесь образовался тонкий орган, здесь работали силы, создавшие орган, которого не было прежде. Хотя этого и нельзя доказать внешним путем, но все-таки это истинно. Под лобной костью у человека действительно образовался некий тонкий орган. Там, под

человеческой лобной костью, работали силы в течение четырех столетий. Эти силы в течение этого цикла, длившегося четыреста лет, выполнили свою созидательную задачу. И теперь этот орган существует, по крайней мере, у большинства западных людей. Он будет проявляться все больше и больше в ближайших столетиях, в том цикле, к которому мы теперь идем. Этот орган построен, силы освобождаются. И с помощью этих же сил человечество Запада будет приобретать спиритуальные познания. Таковы оккультные физиологические основы того, о чем здесь идет речь. Мы начинаем теперь работать с теми силами, которых люди еще не могли употреблять в четырех последних столетиях. Тогда эти силы были заняты построением того, что должно было быть подготовлено, чтобы спиритуальное познание могло занять свое место в мире.

Мы можем представить себе человека, скажем, 17-го или 18-го столетия; он предстает перед нами таким, что мы знаем: за его лобной костью работают известные оккультные силы, которые преобразуют его мозг. Эти силы всегда действовали над этими частями мозга западных людей. Предположим, что кому-нибудь удалось — и это могло случиться — задержать эти силы в 17-м и 18-м веке, не допустить их к работе: тогда наступило бы — и это тоже могло случиться — то, что наступает у человека, который задерживает силы, обычно работающие над структурой мозга, который освобождает эти силы от свойственной им здесь работы. Это возможно; можно пережить моменты, когда человек как бы просыпается от сна, и все-таки не просыпается; когда он остается неподвижным, когда не происходит никакого восприятия извне, и все же он находится в состоянии бодрствования. Тогда работает то, что обычно работает над дальнейшим созиданием. Но это работает не над созиданием, а работает свободно, разыгрывается свободно. Это те моменты, когда силы, которыми мы обычно пользуемся для нашего мозга, мы можем использовать для ясновидения. Это моменты, когда мы, оставаясь неподвижными, как во сне, можем получить прозрение в духовные миры. Но так было и когда человек 17-го или 18-го столетия использовал выдающую деятельность этих строящих сил. Когда он на момент не позволял этим силам работать, тогда он на момент становился ясновидящим. И что же он тогда видел? Что он воспринимал? Он видел, что работало в мозге, исходя из духовных миров, те силы, которые приблизительно с 15-го до 19-го столетия подготовляли людей к тому, чтобы эти люди, начиная с 20-го столетия, могли подняться в спиритуальные миры. Всегда были люди, которые имели подобный опыт. Такой опыт действовал с огромной, потрясающей силой, поэтому что он был чрезвычайно впечатляющим. Всегда были люди, которые моментами жили в том, что работало, исходя из сверхчувственного в чувственный мир, чтобы в этом чувственном мире создать то, чего не было в прежних циклах человечества, а именно, этот тотальный орган в полости лба. Эти люди, которые указанным образом становились ясновидящими, воспринимали богов, духовных существ в их работе над построением человеческого организма.

Одновременно мы характеризуем ясновидение с некой особенной стороны. Ведь мы можем и благодаря упражнениям, данным в книге «Как достигнуть познаний высших миров?», также создать такие моменты во сне. Тогда мы можем иметь прозрения в духовную жизнь, как это описано в моей книге «Путь к самопознанию человека».

Следовательно, те силы, которые работают, подготовляя будущее, могут освобождаться; следовательно, то, что подготовляет будущее в одном из циклов, может сделаться видимым ясновидческому взгляду. Мы обозначаем это и по-другому, — ведь имена ничего не говорят — мы также могли бы те силы, которые в течение четырех столетий работают над преобразованием структуры человеческого мозга, назвать силами Гавриила. Мы говорим Гавриил, но дело здесь только в том, что на один момент человек получает прозрение в сверхчувственные миры. Он получает прозрение и созерцает духовную сущность, которая из сверхчувственного мира работает над человеческим организмом. Мы говорим, следовательно, о совокупности сил, управляемых сущностью из иерархии Архангелов, Гавриилом. Поэтому мы говорим: с 15-го столетия до последней трети 19-го столетия над человеческим организмом работала сила Гавриила. И поскольку духовная сила работала тогда в особенности над физическим, понимание спиритуального еще не проснулось, и этот сон понимания спиритуального привел к триумфу естественного познания. Но теперь эта сила пробудилась. Спиритуальное начало свою работу. Начинается спиритуальная эпоха, когда освободились те силы, которые мы

называем силами Гавриила, когда мы можем употреблять эти силы, работавшие прежде под черепным покровом над физическим построением нового органа и ставшие душевными силами.

Здесь мы имеем несколько более значительный циклический процесс, чем цикл дня и ночи, бодрствования и сна. В эволюции человечества происходят и еще более значительные циклические процессы. Таким образом, мы можем указать, что то человеческое самознание, которое в этом цикле нашей послеатлантической эпохи составляет гордость человечества, должно было создаваться лишь постепенно. Раньше его не было. Теперь много говорят о развитии, но редко отнесутся к развитию вполне серьезно.

Люди бывают так наивны по отношению к тому, что их окружает, что это может показаться просто удивительным. Люди со всей наивностью позволяют подзванию подниматься вверх и с большим трудом пытаются приписать сверхчувственным мирам силы, которые из неизвестных миров вплетаются в известный нам мир. Как раз в последние дни передо мною снова предстал удивительный пример, так сказать, на полпути остановившейся логики. Можно сказать, что вполне понятно все противодействие антропософскому мирозрению, если учесть, что для понимания антропософии необходимо совсем особенное мышление, при котором нельзя останавливаться на полпути в отношении какой-либо мысли. В прошлом году в Германии был выпущен в первый раз Календарь свободомыслящих. В нем один, несомненно, честный человек, восстает против того, чтобы сообщать детям религиозные понятия. Он доказывает, что это противоречит природе ребенка. Он наблюдал, что, если оставить детей расти свободно, они не развивают никаких религиозных понятий. И, якобы, было бы неестественным вкладывать в детей такие понятия. Можно быть совершенно уверенным, что этот календарь попадет в руки сотен людей, которые решат, что они понимают, почему, собственно, неразумно давать детям религиозные понятия. Такого рода явления выступают теперь во множестве, потому что люди совсем уже не замечают нелогичностей. На это достаточно возразить, что поскольку дети, в силу какой-нибудь случайности живя одиноко на острове, не научились бы говорить, то детей, якобы, вообще не нужно учить говорить. Это была бы точно такая же логика. Конечно, люди не согласились бы признать, что это та же самая логика, которую в первом случае они считают столь разумной. Любопытно, когда нечто подобное встречается, можно сказать, на большом горизонте современной внешней жизни, которая представляет собой заключительный акт, завершение материалистической эпохи.

Так, в последнее время появились весьма примечательные статьи президента США Вудро Вильсона. Среди них есть статья о законах человеческого прогресса. В ней действительно ясно и даже остроумно показано, как люди находятся под влиянием того, что дает им преобладающее мышление их эпохи. И он весьма проникательно отмечает, как в эпоху Ньютона, когда все было наполнено мыслями о силе тяготения, в общественных и даже государственных понятиях можно было почувствовать отзвук ньютоновских теорий, которые, в сущности, подходят только к небесным телам, и, в частности, влияние мысли о силе тяготения. Это действительно весьма остроумно, ибо достаточно только просмотреть книги ньютоновской эпохи, и мы увидим, что везде попадаются слова: притяжение, фалшивое и т. д. Вильсон действительно весьма остроумно выдвигает это. Он говорит, насколько недостаточно применять к человеческой жизни чисто механические понятия, применять к человеческим отношениям понятия о небесных телах, показывая, как человеческая жизнь втискивается в эти понятия, как эти понятия влияют на государственную и социальную жизнь. Вильсон справедливо порицает это применение чисто механических законов в эпоху, когда все мышление подпало, так сказать, под иго ньютонизма. Нужно мыслить иначе, говорит Вильсон, и конструирует свое понятие государства, но так, что после всего сказанного им о Ньюtone у него проглядывает дарвинизм. Да, он даже настолько наивен, что признается в этом. Он так наивен, что говорит: ньютоновские понятия оказались недостаточными, нужно применить дарвинистские законы организмов. Здесь вы имеете живой пример того, как теперь с половинчатой логикой действуют в мире. Теперь уже оказываются недостаточными те законы, которые вытекают только из организма. Теперь нужны душевные и духовные законы.

Можно видеть, как со всех сторон поднимаются возражения против

антропософского мировоззрения; ведь оно нуждается в пронизательном мышлении, во всепроникающей логике. Но в том именно и заключается положительная сторона антропософского мировоззрения, что оно принуждает своих сторонников мыслить должным образом. Так что развитие мы должны представлять себе в духовном смысле, а не в дарвинистском смысле Вильсона. Нам должно быть ясно, что то, что составляет теперь существенную характеристику человека, его самосознание, его утверждение Я, развилось только постепенно. И оно должно было быть сперва подготовлено, как и наше спиритуальное мышление нужно было подготовить в течение четырех последних столетий. Духовные силы должны были работать из сверхчувственных миров, чтобы образовать то, что впоследствии пришло к выражению в самосознании человека. Мы можем говорить о решающем рубеже в человеческом развитии, о предшествующей и последующей эпохе. Последующая эпоха будет эпохой, в которой медленно и постепенно в человеке будет развиваться самосознание. Назовем ее эпохой самосознания.

Но ей предшествовала в циклической смене эпоха, когда впервые из сверхчувственных сил в человеке был построен орган самосознания. В предшествующую эпоху духовные силы органически готовили человека к тому, чтобы появилось самосознание. Другими словами: то, что душевно работает в самосознании, работало в эту предшествующую эпоху невидимо и непознаваемо во внутренней человеческой природе. Рубеж, точка соприкосновения этих двух великих эпох, есть важный рубеж в человеческом развитии. До эпохи, которая следует после этого рубежа, у большинства людей вообще не было самосознания; у самых передовых людей оно было сравнительно слабым. Тогда люди мыслили не так, как теперь, когда относительно каждой мысли они знают: это моя мысль. Мысли возникали в них, как живые сновидения; также и волевые импульсы вступали в сознание не так, как теперь, но в человеке выступало нечто, жившее в нем как бы инстинктивно. Самосознание еще не пронизывало душевную жизнь. Но над человеческой организацией, над человеческой природой работали из духа те существа, которые подготовляли человека, чтобы он был способен впоследствии развить в себе самосознание. До эпохи самосознания люди вели себя совсем иначе, чем в эпоху самосознания; и весь внешний опыт складывался совсем иначе с 15-го до 20-го века, чем это происходило позднее.

Мы видим, что все западные культуры развивались так, что отыскивались и практически применялись законы материального мира; затем к этому присоединяется спиритуальное знание, спиритуальное понимание; и так было до той эпохи, когда в душу вошло самосознание и в человеческую жизнь влилось все то, что могло подготовить это самосознание. Там, где впервые должно было появиться самосознание, люди были разделены на касты. И люди строго соблюдали это разделение на касты. Кто родился в низшей касте, тот считал своей высшей целью вести себя в этой касте так, чтобы в дальнейших воплощениях мочь подняться выше. Это деление на касты было тогда мощной движущей силой человеческого развития. Люди знали, что благодаря развитию душевных сил они делали себя способными в ближайшем воплощении подняться в более высокую касту. Люди почитали предков и видели в них то, что не связано с физическим телом. Люди почитали предков, поскольку после их смерти маническое, духовное действовало из высшего мира. Хоршей подготовкой к великой цели человеческой жизни было видеть в культе предков то, что теперь уже живет в нас и не привязано к физическому телу, самообнающую душу, которая сквозь врата смерти проходит в духовные миры. Как в течение четырех столетий лучшим воспитанием спиритуальности было то воспитание, которое принуждало людей к естественнонаучному мышлению, так лучшим воспитанием было в то время внушить людям уважение к касте и предкам. Это было прекрасной подготовкой к развитию самосознания. Человек в своей касте развивал совершенно определенное уважение к кастовому делению. Именно в благочестии перед кастой и перед предками человек переживал то, что с огромной силой действовало на его жизнь. Деление на касты и почитание предков глубоко воздействовали на человеческую жизнь. Здесь работали духовные существа, влияя на внутреннюю жизнь человека, как она протекала в кастах и почитании предков. Это было то, что готовило возможность для человека в будущем сказать при каждой мысли: я мыслю; при каждом чувстве: я чувствую; и при каждом волевом импульсе: я волю. — Самосознание подготовилось в предшествующую эпоху, когда самосознания не

было, но оно вырабатывалось богами из человеческой природы.

Представим себе: в конце этой эпохи в каком-нибудь человеке, как бы вследствие мощного шока, происходит мгновенная приостановка всего того, что сваливается на него с описанными выше силами, с силами предыдущей эпохи. Тогда с ним было бы то же самое, что происходит с нами во сне, когда мы на мгновение извлекаем силы созидания и становимся ясновидящими, или как это было с человеком 18-го столетия, когда он мог задержать те силы, которые действовали тогда в структуре мозга. Так человек, отвлекая на мгновение свое внимание от почитания предков, от почитания жертвенных огней, когда он испытывал шок, мог тогда те силы, которые обычно шли на это понимание, на мгновение применить, чтобы бросить взгляд в сверхчувственные миры, мог увидеть, как из духовного мира происходила работа над подготовкой самосознания человека. Это сделал Арджуна в то мгновение, когда во время битвы он испытал шок. Тогда в нем остановились те силы, которые были обычно созидающими силами; он смог бросить взгляд на ту божественную сущность, которая подготавливала силы самосознания, и этим божеством был Кришна. Кто же есть Кришна? Кришна есть та сущность в эволюции человечества, которая работала, спиритуально подготавливая в течение долгого ряда веков организацию человеческой природы, которая, начиная с 7-го, 8-го столетия до появления христианства постепенно делала человека способным вступить в эпоху самосознания. Как появляется здесь Кришна, строитель человеческого эгоизма, строитель человеческого самосознания? Он должен говорить перед Арджуной в словах, полностью пронизанных самосознанием. Так, с другой стороны, мы понимаем Кришну как божественного строителя того, что подготавливало и вело человека к самосознанию. И Бхагавадгита показывает нам, как при известных условиях человек мог узреть этого строителя самосознания. Такова одна сторона природы Кришны. Другую сторону природы Кришны мы узнаем в ближайших докладах.

ШЕСТОЙ ДОКЛАД

Гельсингфорс, 2 июня 1913 г.

В сущности, чрезвычайно трудно в пределах западной культуры говорить о таком явлении, как Бхагавадгита. Это трудно потому, что в самых широких кругах еще господствует настроение, чрезвычайно затрудняющее здоровое суждение в этой области. В западной культуре существует стремление все, что выступает перед человеческой душой подобно Бхагавадгите, понимать в смысле учения, своего рода философии. К таким созданиям человеческого духа хотят подходить прежде всего с рассудочной, логической точки зрения.

Это и мешает в настоящее время правильному суждению о великих исторических импульсах в развитии человечества. Так, например, теперь часто указывают, что в Евангелиях содержится то или другое как учение Христа, и потом заявляют, что это глубокое учение Христа Иисуса можно найти уже и раньше. Тогда говорят: посмотрите, ведь это то же самое! — И, в сущности, нельзя сказать, что это совсем не то же самое, потому что во многих случаях можно доказать, что некоторые учения Евангелий встречаются и в более ранних творениях человеческого духа, и когда кто-нибудь утверждает это, нельзя сказать, что он ошибается.

И все-таки, хотя это утверждение и не является неверным, по сравнению с истинно глубоким пониманием человеческой эволюции оно не имеет смысла. И человеческая духовная жизнь должна сначала научиться понимать, как что-нибудь может быть вполне правильным, и все-таки не иметь смысла. Только когда это утверждение не будет считаться противоречием, люди

смогут непредвзято судить об известных вещах, смогут отнестись непредвзято, если кто-нибудь скажет, что в Бхагавадгите он видит в известном отношении одно из величайших творений человеческого духа в земной эволюции, такое творение человеческого духа, которое впоследствии никогда не было превзойдено. И когда кто-нибудь это говорит, несмотря на то, что вошедшее в мир с христианским провозвестием, с провозвестием импульса Христа, представляет собой нечто совсем другое, нечто такое, чего не могла бы достигнуть Бхагавадгита, если бы даже мы могли представить в сто раз большими ее красоту и величие — это не есть противоречие. Если кто-нибудь скажет, с одной стороны, первое, а с другой стороны, последнее, то современным абстрактным мышлением это может быть воспринято как противоречие, и все же это ни в коей мере не является

противоречием.

Да, можно даже пойти дальше и спросить: когда в ходе эволюции человечества было сказано самое великое, что может считаться импульсом для человеческой сущности, для человеческого Я, чтобы внести в мир это человеческое Я? Что имело наибольшую силу? Когда произошло самое великое для человеческого Я? — Это совершилось тогда, когда Кришна говорил с Арджуной, когда в душу Арджуны проникли величайшие, значительнейшие, воспламеняющие слова, чтобы дать жизнь человеческому Я, самосознанию. Нигде во всем мире нельзя найти ничего более сильно воспламеняющего человеческое Я, чем живительная сила слов Кришны, обращенных к Арджуне.

Но, конечно, эти слова должны были быть взяты не так, как они часто берутся на Западе, где величайшим и прекраснейшим словам придается чисто абстрактное, философское значение. Этим значением вообще не охватывается самое существенное в Бхагавадгите. Поэтому именно в наше время западные ученые так ужасно обращались с Бхагавадгитой, неправильно истолковывая ее. Могли даже спорить о том, проявляется ли в Бхагавадгите главным образом философия санкхьи или какое-нибудь другое идейное направление! Да, нашелся даже один очень известный ученый, написавший в своем издании некоторые стихи Бхагавадгиты мелким шрифтом, считая, что их нужно просто вычеркнуть, как вкравшиеся по недосмотру. Он понимает, что к Бхагавадгите относится только то, что соответствует философии санкхьи, или философии йоги. Но можно смело сказать, что в том смысле, как теперь говорят о философии, в Бхагавадгите вообще нельзя искать философии. Самое большее, можно сказать: в древней Индии из известных основных настроений человеческой души развились некоторые философские направления. Но они, во всяком случае, не имеют столь прямого отношения к Бхагавадгите, чтобы их можно было считать интерпретацией, комментарием Бхагавадгиты.

Мы вообще совершаем несправедливость по отношению к духовной жизни Востока, когда сближаем ее с тем, что Запад знает как философию. В этом отношении дух времени, который теперь только начинает проявляться, — вчера мы уже говорили о том, чему человеческие души еще должны будут научиться, — дух времени еще остается мало понятным. Прежде всего мы должны утвердиться в том воззрении, которое, по крайней мере, могло быть получено из вчерашней лекции, в том воззрении, которое показало нам, как при известных условиях человеческая душа может совершенно реально, на самом деле предстать перед той сущностью, которую вчера мы пытались с одной стороны охарактеризовать как Кришну. Еще важнее знать, что при известных условиях душа Арджуны предстает перед тем духом, который подготовил эпоху самосознания. Душа Арджуны предстает перед этим духом, который с такой огромной творческой силой действует в мире. Это гораздо важнее всякого спора о том, можно ли найти в Бхагавадгите философию санкхьи или философию Вед. — Дело в том, что в Бхагавадгите перед нами предстают живые сущности, реальное изображение мировых отношений, колорит эпохи. И это мы пытались охарактеризовать, стараясь, с одной стороны, показать, к какой эпохе относится то мышление и чувства, которыми обладает Арджуна, а с другой стороны, понять самую эпоху самосознания; и, наконец, когда мы стремились показать, какой творческий порывавливающий дух явился Арджуне. Но теперь дело прежде всего в том, что когда мы таким образом живо противопоставляем одно существо другому, то нам нужно нечто большее, чем односторонняя характеристика. Нам нужна прежде всего всесторонность, чтобы мы могли более точно узнать эту сущность. Такая всесторонность может создаваться при дальнейшем рассмотрении.

Когда мы действительно проникаем душой в те области, где можно воспринимать столь великую силу, как Кришна, то наша душа должна продвинуться так далеко, чтобы она могла иметь действительные переживания, действительные переживания в сверхчувственных мирах. По-видимому, я высказываю этим что-то вполне само собой разумеющееся. И все же, учитывая то, что люди в большинстве случаев ожидают от высших миров, все оказывается не таким уж само собой разумеющимся. Я часто указывал, что возникают постоянные ошибки оттого, что человек хочет подняться в жизнь сверхчувственных миров с целым рядом своих предрассудков: он хочет прийти к сверхчувственному, но именно к тому, что он знает из чувственного мира. Он хочет воспринимать там образы, хотя и не из греховой

материи, но все-таки образы, появляющиеся в светлого рода световой оболочке; он полагает, что должен слышать звуки, подобные звукам физического мира. Он совсем не понимает, что если он ожидает что-нибудь подобное, он входит в сверхчувственные миры с предрассудками, поскольку он желает найти их, хотя и в тонком виде, но, в сущности, такими же, как чувственный мир. В чувственном мире человек привык видеть свет и краски, или, по крайней мере, красочные и световые оттенки. И он думает, что действительно приходит к реальности в сверхчувственных мирах, когда перед ним подобным образом выступают существа высших миров. Не нужно, собственно, говорить об этом, ибо существа сверхчувственных миров стоят гораздо выше всего чувственного, они не предстают в своем истинном облике в чувственных качествах, так как чувственные качества предполагают глаз, ухо, вообще органы чувств человека. Но в высших мирах воспринимают не органами чувств, а душевными органами. И тогда может произойти нечто такое, что я могу интерпретировать, изложить, только, так сказать, в тривиальных образах. Предположим, я описываю что-нибудь сначала словами и потом чувствую потребность изобразить то, что я вам описал, еще несколькими штрихами на доске. Этим я перевожу в чувственное то, что выразил словами. Никому не придет в голову принять рисунок за соответствующую реальность. Предположим, я хотел вам описать гору. И вот я описываю эту гору, говоря: где-то есть удивительная гора, тремя вершинами вздымающаяся в небо. — Вы можете составить себе представление об этом на основании одних только моих слов, но, тем не менее, я могу почувствовать потребность то, что я сказал, изобразить чувственно или схематически на доске. И тогда ведь никому не придет в голову сказать: «Перед нами то, о чем он говорил». — Ведь я только намекнул на это. То же самое происходит, когда то, что проявляется как сверхчувственное переживание, выражают, придавая ему образ, красками и облекая в слова, взятые из чувственного мира. Правда, это делают не с помощью обычного интеллекта, а всю эту процедуру выполняет более высокое ощущение нашей души. Так, например, наша душа вживается в невидимые миры, скажем, в невидимый мир сущности Кришны. Тогда она чувствует потребность представить себе эту сущность Кришны. Но то, что она себе представляет, это вовсе не сущность Кришны, а только рисунок, сверхчувственный рисунок. Имѣются и являются такими рисунками, так сказать, чувственными рисунками сверхчувственного. И столь часто возникающая ошибка заключается в том, что то, что рисуют более высокие душевные силы, и что можно описать словами, переводят в чувственное, из-за чего теряется суть. Это не есть суть, а через это нужно прежде всего догадываться о сути и затем постепенно приходить к ней.

Уже во втором докладе я говорил, что наряду со всеми другими особенностями, Бхагавадгита имеет удивительную драматическую композицию. Я попытался показать эту драматическую композицию четырех первых песней, но драматизм все возрастает от песни к песни, по мере того как мы подвигаемся дальше и вступаем в области оккультного созерцания. И здравое суждение о художественной композиции должно также и внешне возникать тогда, когда мы спрашиваем: есть ли в Бхагавадгите центральная точка, центральный момент этого нарастания? В Бхагавадгите восемнадцать песен, так что девятая могла бы быть этим центральным моментом. И вот мы читаем в девятой песне, то есть как раз в середине, удивительные, потрясающие слова: «И теперь, после того как я сказал тебе все это, теперь я передам сокровеннейшую тайну человеческой души». — Поистине в этот момент звучат удивительные слова, которые лишь кажутся абстрактными, но которые полны глубокого значения. И далее сокровенная тайна: «Пойми! Я во всех существах, но они не во мне». — Люди, каковы они есть, очень часто спрашивают: что говорит истинная мистика? Что говорит истинный оккультизм? — Люди хотят иметь абсолютные истины, но таковых не существует. Существуют лишь истины, которые верны только при определенной ситуации, при определенных обстоятельствах и условиях. Тогда они бывают верными. Не может быть абсолютно верным утверждение: я во всех существах, но они не во мне. — Но это слова, которые в этой ситуации выражают глубочайшую сущность Кришны, когда он предстает перед Арджуной, и даются они не абстрактно, а реально произносятся Кришной, который является творцом человеческого внутреннего мира, человеческого самосознания. И в этом удивительном нарастании мы приходим в центр Бхагавадгиты, где встречаем эти слова. Они говорятся Арджуне в девятой

песне, а в одиннадцатой вскоре выступает и нечто еще.

Чего же можем мы здесь ожидать, зная художественное нарастание Бхагавадгиты и оккультные истины, заключенные в ней? Прежде всего, в художественном нарастании можно почувствовать, предчувствовать глубочайшее. Арджуна приведен Кришной к определенному моменту. Но, когда мы берем девятую и десятую песнь, то есть как раз середину Бхагавадгиты, то замечаем нечто особенное, а именно, известную трудность в том, чтобы действительно вызвать в душе те представления, которые здесь даются. Попробуйте открыть свою душу воздействию именно девятой и десятой песни.

Если вы начнете с первой песни, то ваша душа сразу же ощущает непрерывное художественное нарастание. Сначала говорится о бессмертии, потом наше ощущение возвышается теми представлениями, которые пробуждаются йогой, вдохновляющей душу. Затем душа возносится в своем чувстве к тому, что ей может быть все еще знакомо. Потом мы идем еще дальше. В этом удивительном нарастании добавляется представление о творце эпохи человеческого самосознания. Мы можем воодушевиться образом того, кто внес в человечество самосознание. Но тогда мы все еще живем в чем-то конкретном, в чувствах и представлениях, еще знакомых душе.

Затем подъем продолжается. Показано, как душа может становиться все свободнее от внешнего телесного; показано состояние, весьма знакомое индусу, когда душа может удалиться в себя, отстраниться от действий, переживаемых телом, замкнуться в себе и постепенно овладеть йогой, постепенно прийти к единению с Брахманом. И мы видим, как в последующих песнях та определенность ощущения, то чувство, которое еще может получать пищу от повседневной жизни, постепенно исчезают.

Душа восходит, так сказать, к головокружительным высотам неопределимых переживаний, доходя до девятой песни. И если к девятой и десятой песни хотят подойти с помощью представлений, взятых из обычной жизни, то из этого ничего не получится. По истине, когда мы достигаем девятой и десятой песни, то появляется чувство: здесь я стою как бы на вершине человеческого свершения, которое родилось из оккультного, где следует обратиться за помощью к тому, что сперва должна совершить сама развивающаяся душа, чтобы стало возможным понимание.

Бхагавадгита в этом отношении построена удивительно тонко: мы можем дойти до пятой, шестой, седьмой песни, развивая понятия, которые восприняли уже в первой. Во второй песне в человеческой душе пробуждается понимание вечного в смене явлений. Затем вскоре присоединяется то, что теряется в глубинах йоги. Это начинается с третьей песни. Но далее в Бхагавадгиту входит совсем новое настроение. Если в первых песнях мы все еще имеем рассудочное настроение, нечто, порой напоминающее философские построения Запада, далее присоединяется то, для понимания чего необходимо благоговение, понимание йоги. Необходимо благоговейное настроение. Если мы все больше утончаем и возвышаем это благоговейное настроение, наполняем все большим благоговением в своей душе, тогда нас ведет уже не то, что дает Йога в первых песнях, — это прекращается, — тогда в девятой и в десятой песнях нас ведет дальше совсем особенное настроение. Ведь слова, которые касаются здесь нашего слуха, остаются сухим пустым звуком, если мы приближаемся к ним рассудком. Они дают тепло, излучают тепло, если мы приближаемся к ним с благоговением. Кто хочет понять Бхагавадгиту, может, конечно, иметь своей исходной точкой рассудок и прочесть первые песни, но дальше у него в душе должно ожить благоговейное настроение, когда он дойдет до девятой песни, где для него чудесно зазвучат, отражаясь в душе, возвышенные слова Кришны. Тогда тот, кто приступает к десятой песне, может ощутить такое благоговение, как если бы он должен был бы сначала снять обувь, прежде чем вступить в святилище, ибо он чувствует, что вступает в священную землю, где он должен странствовать с благоговением. И затем идет одиннадцатая песнь. Что может последовать теперь, когда он достиг, так сказать, кульминации благоговейного настроения? Что теперь будет?

Когда человек поднимается до той вершины, на которую Кришна возвел Арджуну, до вершины, которую можно достигнуть только в оккультном созерцании или в благоговейном поклонении, тогда он может встретить священное, не имеющее облика, сверхчувственное. Сверхчувственное может вливаться в импоницию.

Тогда возросшая, возвышенная душевная сила, принадлежащая уже не рассудочному, а имагинативному познанию, может создать образы того, что в своей сущности не имеет формы, не имеет образа. И это происходит в Бхагавадгите после того, как мы попадаем на ту священную почву, где должны снять обувь; это происходит в самом начале второй половины Бхагавадгиты, примерно в одиннадцатой песне. Здесь, после соответствующего введения и подготовки, мудрость

Кришны, к которой ступень за ступенью возводилась душа Арджуны, чудесным образом в имагинациях является его душе. И величие этой восточной поэмы особенно ярко выступает для нас там, где Кришна после приближения к нему Арджуны является ему в образе, в имагинации. Поистине можно сказать: переживания такого рода, переживания, которые с такой силой должны действовать на человеческую душу, едва ли еще где-нибудь так ярко изображены. И для того, кто способен это почувствовать, имагинация, в которой Арджуна представляет Кришну, всегда будет чем-то глубоким и значительным. Удивительная особенность композиции Бхагавадгиты проявляется в том, что через Кришну как инспирирующее существо мы поднимаемся к десятой песне, где блаженство созерцания у Арджуны переходит в действие. Он становится повествователем. И он описывает свою имагинацию так, что это вызывает трепет.

«Вижу богов в твоём теле, также множество разных существ, боже!

Владыку-Браму, сидящем на лотосе-троне, всех риши, божественных змиев;

Вижу Тебя повсюду в образах неисчислимых, с многочисленными руками, чревами, устами, глазами;

Владыка всеобразный, твоих начала, середины, конца не вижу!

Венчанного, лучезарного, всеозаряющего, со скипетром, диском,

Труднозримого, неизмеримого, в блеске огня и молний я Тебя вижу!

Ты высочайшее, Непреходящее (АУМ), подлежащее постиженью, кров высочайшей вселенной,

Ты бессмертный хранитель вечной дхармы, Ты неизменный Пуруша, так мыслю.

Безмерномогучего, неисчислимого, без конца, середины, начала,

Солнце-лунноокого вижу Тебя; жертвенным пламенем Пылают твои уста,

Ты озаряешь весь этот мир своим блеском,

Ибо то, что между землей и небом преисполнено одним Тобой, также все стороны света.

Узрев Твой чудесный, ужасающий образ тройственный мир трепещет, Махатма.

Эти сонмы богов в Тебя вступают, трепеща, сложив руки, другие (Тебя) славословят, восклицая «Сvasti!»

Великие риши и сонмы совершенных воспевают Тебя в прекрасных гимнах.

Рудры, Адиты, Васавы, Садхы, Вишвы, Ашвины,

Маруты, Ушмапы, сонмы гандхарвов, якшей, асуров, сиддхов на Тебя восторженно взирают.

Твой великий образ со многими очами, устами, О долгорукий, со многими руками, бедрами, ступнями,

Со многими туловищами, со многими торчащими клыками узрев, миры трепещут; я — также.

Неба касаясь, Ты сияешь огромными, палящими очами, многоцветный, разверзнув зевы;

Увидев Тебя таким, трепещет до глубин моя душа, не нахожу ни решимости, ни покоя, о Вишну! Узрев подобные огням губительного времени Твои страшные зевы с торчащими клыками,

Я не могу узнать сторон, не нахожу спасенья; будь милостив, богов владыка, обитель мира!»

Такова имагинация Арджуны после того как его душа была поднята до той высоты, где возможна имагинация Кришны. И затем мы слышим, кто есть Кришна, словно отзвук величественной инспирации Арджуны. Прислушаемся же к ней. Она поистине такова, как если бы звучала не только для душевно-духовного слуха Арджуны, но как если бы звучание ее уходило дальше на все последующие времена мирового развития. Мы предчувствуем в этом месте нечто большее; мы предчувствуем, что значит, когда какой-нибудь эпохе, какому-нибудь мировому периоду дается новый импульс, и творец этого импульса является ясновидящим очам Арджуны. Мы ощущаем это вместе с Арджуной. Вспомним, что Арджуна стоит

среди братоубийтвенной схватки, где родные по крови должны сражаться друг с другом. Мы знаем: то, что должен дать Кришна, основано прежде всего на том, что эпоха ясновидения со всем тем, что в ней было священным, закончилась, и должна была начаться новая эпоха. И если мы правильно поймем тот импульс, который проник в колеблющиеся понятия и установления предшествующей эпохи, то мы правильно воспримем то, что Кришна говорит Арджуне.

*«Я Время, продвигаясь, миры разрушаю, для их гибели здесь возрастая;
И без тебя погибнут все воины, стоящие друг против друга в обеих ратях,
Поэтому — воспрянь, победы врагов, достигни славы, насладись цветущим царством,*

Ибо Я раньше их поразил, ты будь лишь орудием, как воин, стоящий слева.

И Дрону, и Джаядратху, и Бхишму, и Карну, а также и всех других богатырей, убитых

Мною в сраженье, рази не колеблясь, сражайся, одолей соперников в битве!»

Не для того, чтобы сказать человечеству слова о необходимости убивать, прозвучал этот голос, но он прозвучал, чтобы сказать людям о том, что в человеческой сущности есть центр, который проявится в следующей за Кришной эпохе, и что в этот центр проникнут высочайшие для человека импульсы; что в эволюции человечества нет ничего, что не было бы связано также с человеческим Я. Так Бхагавадгита становится для нас тем, что непосредственно возвышает нас до горизонта всей эволюции человечества. И кто увидит в Бхагавадгите эти меняющиеся настроения, получит гораздо больше, чем тот, кто хочет извлечь из нее школьные учения о санкхье или йоге. Если мы в состоянии дойти до девятой и десятой песни, если мы получаем предчувствие головокружительных высот, на которые возводит йога, то мы начинаем постигать смысл и дух той величественной имажинации, которая выступает перед нами как имажинация Арджуны, которая уже в своем чувственном изображении так велика и могущественна, что мы можем получить возвышенное предчувствующее познание о могуществе и высоте твоего духа, внесенного в мир Кришной. Высочайшее, что только может обращаться к отдельному человеку, звучит в словах Кришны к Арджуне. И то, к чему может подняться отдельный человек, овладевая имеющимися в нем внутренними силами, то высочайшее, к чему может прийти отдельная человеческая душа, чего может достичь отдельный человек, работая над собой, это Кришна.

Если мы мысленно проследим эволюцию человечества на Земле, нам станет ясно из общего рассмотрения эволюции, как оно, например, было сделано в «Тамноведениях», что в этом смысле Земля в целом является ареной, на которой человек был приведен к Я, когда от эпохи к эпохе формировались и сменялись различные стадии. Если таким образом проследить эволюцию от эпохи к эпохе, то можно сказать: некогда человеческие души были перенесены на Землю; высшее, чего они должны были достигнуть, это стать свободными душами. Свободными душами люди становятся тогда, когда развивают все те силы, которые могут быть развиты в человеческой душе, и именно для того, чтобы это стало для них возможным, действовал Кришна, сначала как бы намекая, потом все ясней и ясней, и, наконец, совсем прямо в ту эпоху человеческой эволюции, которая предшествовала эпохе самосознания.

В эволюции Земли нет ни одного существа, которое могло бы дать отдельной человеческой душе столько, сколько дал Кришна. Но именно отдельной человеческой душе. Теперь я совершенно спокойно говорю, противопоставляя это всему тому, что я попытался дать как описание Кришны: кроме отдельной человеческой души на Земле есть человечество. Кроме отдельной человеческой души на Земле есть человечество и все те обстоятельства, которые касаются не только отдельной человеческой души. Можно представить себе, что человеческая душа почувствует в себе импульс: я хочу идти в своем совершенствовании так далеко, как только может идти человеческая душа. — Такое стремление было бы возможным. Тогда развивалась бы неопределенно далеко вперед прежде всего отдельная человеческая душа в своей изолированности. Но есть человечество. Есть дела, касающиеся всей планеты Земли, благодаря чему эта планета связана со всем миром. Предположим, что отдельной человеческой души достиг импульс Кришны. Что произошло бы тогда? Тогда, может быть, не в то же самое время, и даже не потом, вплоть до наших дней, а в ходе земной эволюции произошло бы то,

что каждая отдельная душа ра^бвила бы в себе высший импульс, так что поток чело^веческой эволюции, общее развитие разделилось бы, на^чина с эпохи самосознания. Произошло бы то, что отдельные человеческие души продвинулись бы впе^д до наивысшего раскрытия, но в разделенности, в раздроблении. Пути человеческих душ расходились бы все дальше и дальше, если бы в каждой отдельной душе действовал импульс Кришны. Произошло бы такое возвышение человеческого бытия, при котором отдел^ная душа индивидуализировалась бы из общего пот^ока, приведя к наивысшему развитию самость. Хотелось бы сказать: как одна отдельная звезда, во многих, многих лучах светила бы в будущее древняя эпоха. Дре^вняя эпоха высылала бы в будущее, в новую эпоху мно^жество отдельных лучей, и каждый из этих лучей в^ещал бы в будущий период божественное великол^епие Кришны. На этом пути было человечество в 6-8 веке до основания христианства. Затем с противополо^жной стороны пришло нечто другое.

Откуда пришел импульс Кришны? Импульс Кри^шны входит в человеческую душу, когда она внутренне все больше черпает и творит из своей собственной сущности, когда она все больше черпает из внутрен^него, чтобы подняться в те области, где встречаются Кришну. Но затем к человечеству извне приблиз^илось что-то, чего люди никогда не смогли бы дости^гнуть сами, что пришло с другой стороны, склонившись к каждой отдельной человеческой душе. Так раздел^енные души встретились в одной общей сущности, кот^орая извне, из Вселенной, из Космоса вышла навстречу эпохе самосознания как то, что уже не могло быть д^остигнуто работой отдельного человека, что принадле^жало уже всему человечеству в целом, всей Земле. С противополо^жной стороны подошло другое — импульс Христа.

Так мы видим сначала в более абстрактной фо^рме, как в человечестве подготавливалась индивидуал^изация, которая должна была все более возрастать, и как навстречу стремящимся индивидуализироваться душам выступил импульс Христа, который снова со^единил эти души в человечество. То, что я хотел пок^азать сегодня, было прежде всего как бы абстрактным определением, абстрактной характеристикой двух им^пульсов, импульса Кришны и импульса Христа. Я п^опытаюсь показать, как эти два импульса близко лежат друг к другу в срединном периоде развития чело^вечества, но как они выражаются именно с противополо^жных сторон. Поэтому можно сказать нечто очень н^еправильное, если смешать миры этих двух откровений, мир Кришны, с одной стороны, мир Христа, с другой стороны. То, что сегодня я разъяснял в более абстрак^тной форме, мы попытаемся конкретнее показать в бли^жжайших докладах. Сегодняшнее рассмотрение я хотел бы закончить простыми словами, которые кратко и сжато могут передать сущность того, что является, со^бственно, важнейшими импульсами в эволюции чело^вечества. Если мы направим взгляд на то, что произошло между 10-м веком до импульса Христа и 10-м веком после него, то можем заключить это в слова: «Импульс Кришны устремился в мир для каждой отдельной ч^ловеческой души, а импульс Христа — для всего чело^вечества на Земле». — Причем следует помнить, что для того, кто может мыслить конкретно, человечество не есть просто сумма отдельных человеческих душ.

СЕДЬМОЙ ДОКЛАД

Гельсингфорс, 3 июня 1913 г.

Вполне естественно, что наука обычно оставляет без внимания тот факт, что человек, каким он предст^ает сегодня в жизни, собственно, не может знать части своего существа. Если в общих чертах обрисовать вне^пний мир, окружающий человека, то он представляется восходящим от минерального царства, через растител^ьное и животное царство вверх до самого человека. И само собой разумеется, что за всеми воспринимаем^ыми формами человек должен предполагать некую тво^рческую силу, которая действует во всех расстилающихся вокруг него царствах природы. Во всей окружающей нас природе нужно предполагать прежде всего эту тво^рящую силу. Направляя взгляд на окружающий мир, на минеральное, растительное, животное царства, ч^ловек может их наблюдать и таким образом приобр^етать познания. Но о том, что он имеет в себе самом, человек может приобрести познания, собственно, лишь постольку, поскольку в нем действуют силы трех ук^ланных внешних царств природы. И поскольку он н^еет в себе силы, которые возвышаются над царствами природы, обычными средствами познания он не может ничего о них узнать. Ведь человек может

познавать, приобретать познания именно через то, благодаря чему он возвышается над царствами природы. Как глаз, предназначенный для зрения, не может видеть себя самого, так же мало человек может познать в себе то, что дает ему саму возможность познания. Эта мысль проста, но эта мысль имеет большое значение. Невозможно, чтобы глаз видел себя, потому что он предназначен для зрения; невозможно, чтобы силы, предназначенные для познания в человеке, сами познавали себя. Именно эти предназначенные для познания силы являются силами, которые поднимают человека над животностью.

Материалистический дарвинизм поступает с этим слишком легко. Он забывает тот простой и естественный факт, что сила познания, которая возвышает человека над животным, должна оставаться недоступной для обычного человеческого познания. Он констатирует, что она непознаваема, и поэтому отрицает ее, вследствие чего он рассматривает человека лишь в том, что он имеет общего с животными. Вы видите, на чем, собственно, основано ложное заключение, заблуждение материалистического дарвинизма. Сам человек не может познать в себе те силы, которые являются в нем собственно силами познания. Это так же естественно, как то, что глаз не может видеть сам себя. Но глаз может видеть глаз другого, и благодаря тому, что он видит этот другой глаз, он может поверить в свое собственное существование. Но не так обстоит дело с познанием. Познание не может познать само себя, но, по крайней мере логически, было бы возможно, чтобы перед человеком встал другой человек и познал бы познание, то есть то, что возвышает человека над животностью. Но и это невозможно, и именно по причинам, которые вытекают из нашего предшествующего рассмотрения.

Чем является наше познание внешнего мира? Мы уже это затрагивали: это есть разрушение, изнашивание внешней, действительно внешней мозговой и нервной структуры. Если бы мы стали искать в обыкновенной дневной жизни, в жизни, которая принадлежит физическому плану, явления познания, то нашли бы процесс разрушения в нервной системе. Мы не нашли бы никакого творческого, созидющего процесса. Творческие силы, возвышающие человека над животностью, вообще не могут раскрыться в бодрствующей дневной жизни, в жизни, предназначенной для обыкновенного познания. Они должны находиться в таком состоянии, что не прекращается разрушение нервной структуры. Но это означает, что они пребывают в покое, спят в бодрствующей дневной жизни. Мы уже многое узнали, если постигли, что все необходимое для понимания бессмыслицы материалистического дарвинизма на физическом плане, собственно, спит от пробуждения до засыпания, и вместо этого идет процесс разрушения, когда бездействует то, что возвышает человека над животностью. Созидательные силы, порождающие животный организм, менее совершенны, чем силы, работающие над человеческим организмом. В дневном бодрствовании эти творческие процессы совсем не действуют, но действует другой процесс, непрерывно разрушающий именно то, что выходит за пределы животности в человеке. Эти силы разрушаются как раз во время бодрствования. Следовательно, тогда их совсем нет. Итак, силы, поднимающие человека над животностью, спят во время дневного бодрствования. Они выступают во время сна. Тогда снова восстанавливается, восполняется то, что было разрушено. Таким образом, творческие силы, поднимающие человека над животностью, могли бы, в сущности, быть восприняты только в спящем человеке. То есть мы должны были бы сказать: то, что в спящем человеке восстанавливает силы, израсходованные во время дневного бодрствования, представляет собой силы, возвышающие человека над животностью. Эти силы теперь еще неизвестны внешнему естествознанию, оно лишь постепенно подходит к тому, чтобы пока о них только догадываться. Но оно идет по тому пути, чтобы устанавливать их чисто внешними средствами. В действительности же наблюдать их в человеке можно было бы, только наблюдая процессы реорганизации, протекающие в спящем человеке. Но это предполагает, что в человеке те силы, которые выводят за пределы животности, обычно нельзя наблюдать. Когда естествознание станет отличать те силы человека, которые возвышают его над животностью, тогда оно как раз и будет физически констатировать в теле спящего человека возвышенность человека над животным, поскольку познают, как созидательно действует во время сна то, что в дневном бодрствовании действует разрушающе. Когда естествознание научится отличать силы регенерации в человеке от того, что имеется в животности, тогда оно познает, что силы, которые действуют в земной жизни, чтобы возвысить

человека над животным, бодрствуют только тогда, когда он спит. Следовательно, эти собственно созидательные силы человека спят, когда человек бодрствует, и эти силы бодрствуют, когда человек спит. Из всего этого мы можем заключить, что в самопознании, в действительном самопознании, творческие силы человека, собственно человеческие силы, могут быть восприняты только тогда, когда человек становится ясновидящим во сне, то есть ясновидчески пробуждается в состоянии, подобном обычному сну. В пятом докладе настоящего цикла я уже указал на это. Но сегодня я сказал, что в процессах, происходящих в спящем человеке, будут постепенно находить естественнонаучные указания на эти силы, поднимающие человека над животностью. Однако все это останется лишь указанием. Силы, которые открываются теперь ясновидческому сознанию, таковы, что они не могут восприниматься внешними чувствами в своем истинном, изначальном образе. Когда-нибудь из естественнонаучных фактов смогут сделать заключение о существовании этих сил. Но совсем на другом основании, чем то, что эти силы, собственно, нельзя воспринимать, эти силы — хотя и невоспринимаемые — все же могут быть открыты: а именно, на том основании, что эти силы, которые могут быть названы творческими человеческими силами, совершенно особенным образом соотносятся со всеми остальными природными силами. Мы здесь подходим к довольно трудной теме, но мы вполне можем уяснить ее следующим образом.

Предположим, что мы имеем воздушный насос и стеклянный колокол, из которого мы выкачиваем воздух; и предположим, что нам удалось бы сделать этот стеклянный колокол действительно безвоздушным. Для внешнего опыта это возможно. Тогда тот, кто хочет быть привязанным рассудком к внешнему миру, скажет: там внутри нет никакого воздуха, там безвоздушное пространство. Больше уже ничего нельзя сказать, ведь меньше, чем безвоздушное пространство, там внутри ничего не может быть. — И все-таки это неверно. Представим себе, что мы продолжаем качать, то есть делаем воздух там внутри все более и более разреженным. Затем мы можем представить себе, что это продолжается до тех пор, пока мы достигаем в известном смысле нулевого пункта, но, продолжая качать дальше, мы можем зайти и ниже нуля: тогда мы бы получили пространство, которое было бы меньше, чем безвоздушным. Люди, которые держатся за материальное, могут с трудом себе это представить, потому что люди вообще не могут представить себе «меньшее, чем ничто».

Относительно следующего чувственного восприятия это уже более представимо. Предположим, что мы в лесу, где поет множество птиц. Мы повсюду слышим это пение. Но представим, что мы начинаем выходить из леса, что пение становится все менее слышимым, и что, наконец, мы доходим до места, где его вовсе не слышно, однако если идти еще дальше, услышанное должно еще больше убывать. Мы доходим до тишины, но если мы идем дальше, то и относительно пения птиц мы приходим к тому, что меньше, чем тишина, меньше, чем безмолвие. Вы видите, что эту вторую мысль, это второе представление уже легче создать, чем первое. Нам легче представить себе существование границы, где мы перестаем что-нибудь слышать, и мы можем также представить себе, что, отходя дальше, будем слышать меньше, чем ничто.

Иной раз поражает, какие вещи принимаются за аксиомы, за очевидности. Так в очень многих философских работах, появившихся на Западе, вы можете прочесть: меньше, чем ничто, не может быть, меньше, чем ничто, не существует. — Иные даже утверждают, что и само ничто не существует. Теперь я должен сказать нечто весьма тривиальное. В жизни люди очень хорошо различают, что есть не только «ничто», но и в известных случаях «меньше, чем ничто». Если у вас в кармане 10 марок, то вы можете постепенно их убавлять. Вы можете сделать из них пять, четыре, три, два, одну, и эту одну марку вы можете также истратить; так можно дойти до уровня ничто. И в этой области действительно вполне реально существует меньше, чем ничто. Часто это весьма осязаемая реальность, потому что каждый, конечно, гораздо более доволен, когда у него две, три, четыре, пять марок в кармане, чем две, три, четыре, пять марок долгу. Это есть меньше, чем ничто, но это меньше, чем ничто, в нашей практической жизни весьма серьезная, весьма осязаемая реальность. Реальность этого «меньше, чем ничто» может быть гораздо более осязаемой, чем реальность обладания.

То, что показывает этот тривиальный пример, в действительности существует в мире. Все философские декламации о «ничто», о «дойти до ничто» и т. д., хотя

часто они выступают с претензиями на аксиоматичность, это, в сущности, мыльные пузыри, какое-то расплывающееся ничто. Поистине, все эти аксиомы сами суть расплывающееся ничто. Эти аксиомы о ничто сами есть ничто. Во всяком случае, верно, что нечто, физическое нечто может быть уменьшено до ничто и затем еще дальше, до меньшего, чем ничто. Истинно, что это ничто повсюду является реальным фактором. Мир, который нас окружает, который мы знаем как силы природы, каким он выступает перед нами в минеральном, растительном, животном царстве, мы должны представить себе пониженным до ничто и потом еще дальше, ниже ничто: тогда выступают те силы, которые являются созидательными силами, когда человек спит. Так силы, возрождающие человека, соотносятся с обыкновенными окружающими нас силами природы.

Но обыкновенное естествознание знает только внешнюю сторону этих сил, имеет, собственно, только их абстракцию, и поэтому оно вообще не может углубиться в это различие. Обыкновенное естествознание относится к действительности в силах природы так, как отнесся бы к ней тот, кто в десяти бобах, в десяти горючих зернах опустил бы их в естественное различие и назвал бы одни только числа. Ведь все они только десяток, не что иное, как десяток. Так и внешнее естествознание не делает различий, но дает лишь общие наименования, которые, как числа, касаются только поверхности вещей.

Предположим, что когда-нибудь естествознание признает, что должны действовать некие силы, когда организм восстанавливается, обновляется во сне, тогда оно отнесется к этим силам подобно человеку, который на слова другого человека: «У меня в кармане 15 марок», — ответил бы: «Марки меня не интересуют. У тебя есть 15,» — а затем на слова третьего: «Я должен 15 марок,» — тоже сказал бы: «Это неправда, ты имеешь 15». — Он оставляет без внимания самую сущность дела. Так будет оставлено без внимания именно самое характерное в этих силах, которые восстанавливают человека во время сна. И результат будет тот, что эти силы спутают с обыкновенными законами природы и не узнают, что в них господствуют высшие законы.

Все это я упоминаю, чтобы показать, какие трудности имеет и всегда должна будет иметь внешняя наука, когда она хочет познать истину. Правда, она будет делать выводы и приходить к истине. Но для известной числа людей это будет не нужно, потому что эта наука будет постепенно подтверждаться ясновидящим познанием, а для него эти силы будут раскрываться как совсем отличные от тех сил, которые мы находим живущими вовне, в минеральном, растительном, животном царстве. Сейчас я не могу останавливаться на том, что было бы поверхностным возражением, если бы нам сказали, что ведь и животные тоже спят. Такое возражение в действительности совсем несостоятельно логически, но этого не замечают, потому что судят не по существу дела, а на основании понятий. Кто сослался бы в этом случае на сон животных, сделал бы ту же логическую ошибку, как если бы кто-нибудь сказал бы: я точу свой карандаш ножом и бреюсь ножом, а другой сказал бы: этого не может быть, нож служит для того, чтобы резать мясо. Так постоянно судят люди. Они думают, что одно и то же имеет одну и ту же функцию в разных царствах. Но это такая же ошибка, как если бы кто-нибудь, видевший нож только при разделении мяса, и видящий потом, что нож употребляется для бритья, счел бы, что бритье и резание мяса одно и то же. Сон у человека имеет совсем другую функцию, чем у животного.

Я хотел указать вам на те силы, которые господствуют в человеческой природе, но которые выступают перед нами прежде всего, когда мы рассматриваем спящего человека, которые действуют при обновлении организма во сне. Но эти силы родственны другим силам, тем силам, которые развиваются в человеке, можно сказать, бессознательно. В человеке некоторые силы развиваются с определенной бессознательностью: это силы, связанные с человеческим воспроизведением, с человеческой генерацией. Мы знаем, что в человеческом сознании до определенного возраста господствует непосредственная милая бессознательность, невинность детства в отношении этих сил. Но мы знаем, что с определенного возраста пробуждается сознание этих сил, что с определенного возраста человеческий организм пронизывается со стороны сознания теми силами, которые позднее называются чувственной любовью полов. Если рассматривать их в их изначальном образе, то эти дремлющие силы, пробуждающиеся только с половой зрелостью, это именно те силы, которые во сне восстанавливают

разрушенные силы человеческого организма. Но эти силы закрыты другими силами человеческой природы и смешиваются с ними. В человеке незримо господствуют силы, которые становятся грешными только когда они пробуждаются, и которые до наступления половой зрелости спят или, в крайнем случае, дремлют. Поскольку эти раскрывающиеся познание силы сначала подготавливаются в человеческой природе, то эти силы, которые еще не пробуждены, начиная с рождения, смешиваются с остальными силами человеческой природы, и человеческая природа как бы пронизана этими спящими силами. Это как чудная мистерия является перед нами в ребенке: спящие силы генерации, которые просыпаются только позднее. Поэтому тот, кто способен чувствовать, почувствует что-то подобное божественному дуновению, когда он в разного рода капризах, шалостях, непослушании и других более или менее неприятных проявлениях детского возраста обнаруживает скрытое действие тех же сил, которые просыпаются с половой зрелостью. Эти свойства невинного ребенка являются свойствами взрослого. Поэтому тот, кто познает за этими свойствами детства как бы сдерживаемые силы генерации, ощущает словно веяние богов, божественных сил, так удивительно проявляющихся оттого, что они, позднее представляя собой низшую природу человека, до тех пор пока пребывают в невинности, поистине несут в себе божественное дыхание. Эти вещи нужно чувствовать, ощущать. Тогда мы познаем удивительную сущность человека, состоящую из сил, которые как бы спят в раннем детском возрасте, а позднее, когда они просыпаются, они действуют только в невинности, когда человек погружается в невинность сна.

Таким образом, человеческая природа распадается для нас как бы на две части. В каждом человеке мы, собственно, имеем двух: одного человека, каким мы являемся от пробуждения до засыпания; и другого человека, каким мы являемся от засыпания до пробуждения. В одном человеке мы непрерывно стремимся низвести нашу природу до животности всем тем, что не есть в нас познание, что не постигается чисто духом. Всем этим мы стремимся низвести нашу природу до животности. Это происходит в бодрствовании. Но то, что возвышает нас над этим человеком, действует сначала как безгрешные, чистые генерационные силы в детстве, а потом, когда эти силы просыпаются, они действуют во сне в силах, восстанавливающих то, что было разрушено в дневном бодрствовании. Таким образом, мы имеем в себе человека, который имеет родство с творящими силами, и человека, который разрушает эти силы. Но в этой двойственной природе человека значительно именно то, что за всем, воспринимаемым чувственно, мы должны предполагать второго человека, того, в котором действуют созидательные человеческие силы. Этот второй человек, в котором господствуют созидательные силы, собственно, никогда не бывает в несмешанном состоянии. Он никогда не бывает без примеси, ни во время бодрствования, ни во время сна, поскольку во время сна в физическом и эфирном теле остаются последствия дневных влияний, разрушительных сил. А когда эти разрушительные силы восстанавливаются, мы обычно просыпаемся.

Такой является ситуация с той эпохи, которую мы называем лемурийской эпохой, с которой, собственно, началось современное развитие человечества. Тогда — вы найдете этот момент более подробно описанным в моем "Тайноведении" — имело место люциферическое влияние на человека, повлекшее за собой вещи, которые мы можем охарактеризовать следующим образом: из этого люциферического влияния проистекло, наряду со всем прочим, то, что сегодня заставляет человека низводить себя до животности. Но то, что примешано к человеческой природе, то, чего человек как таковой, собственно, еще не знает, творческие силы, эти силы господствовали до люциферического влияния как силы человечности в начале лемурийской эпохи. Мы поднимаемся в нашем рассмотрении от человека, достигшего становления, к человеку, находящемуся в становлении, от человека как создания к творящим человеческим силам. Это расширяет наш взгляд и на ту дремлющую лемурийскую эпоху, когда человек целиком и полностью был пронизан этими творческими силами. Именно тогда человек приобрел свой теперешний образ. Если мы проследим человеческий род с этого момента лемурийской эпохи, то перед нами предстанет эта двойная человеческая природа, проходящая через все дальнейшее развитие. Человек вступил тогда в некоторого рода высшую природу. Но в то же время, — это покажется нам акаша-хроника, — в то же время рядом с тем пронизанными творческими силами людьми

поставилась, как сестринская или братская, некая душа. Эта сестринская душа была некоторым образом удержана от вступления в человеческую эволюцию. Она оставалась только пронизанной человеческими творческими силами. В древнюю лемурийскую эпоху остался человек как сестринская или братская душа — для той эпохи это было одно и то же, — осталась братская душа Адама. Эта душа была тогда удержана, она не могла войти в физический процесс человечества. Она оставалась и действовала незримо для физического процесса человечества. Она не рождалась, как люди, в процессе размножения. Ведь если бы она рождалась и умирала, то она входила бы в физический человеческий процесс. Она действовала в невидимом, и могла восприниматься только теми, кто поднимался до тех ясновидческих высот, до тех ясновидящих сил, которые пробуждаются в том состоянии, какое обычно является сном. Тогда человек находится в родстве с теми силами, которые действуют исключительно в сестринской душе. Человек вошел в эволюцию, но в вышине, жертвуя собой, действовала душа, которая сначала не воплощалась во время всего процесса человечества, которая не стремилась к воплощению, не стремилась к рождению и смерти, как человеческие души. Эта душа была видима, могла явить себя только тогда, когда люди могли стать ясновидящими во сне. Но она все-таки действовала на человечество, когда люди встречались с ней в особом ясновидении. Это были люди, которые через обучение или от природы обладали ясновидческими силами, способными воспринимать созидующие силы. И там, где в истории возникали такие школы, можно всегда отметить, что они воспринимали эту душу, сопровождающую человечество. В большинстве случаев эта душа познавалась в таких ясновидческих состояниях, которые расширяли духовный взгляд на сновидческое состояние.

При тех особенных обстоятельствах, когда душа Арджуны все это воспринимала и открыла себя его воздействию, когда она почувствовала все, что разрывалось на священном поле Куру, на поле сражения, где противостояли друг другу сыны Куру и сыны Пандау, тогда через душу возничего Арджуны говорила эта особенная душа. Кришна и есть эта душа, говорящая через человеческую душу. Какая же душа была способна направить в человеческую душу импульс самознания? Это была та душа, которая была удержана в древнелемурийское время, когда человечество вступило в свою земную эволюцию. Прежде эта душа была неоднократно видима в явлениях, однако гораздо более духовным образом. Но в тот момент, о котором нам возвещает эта возвышенная песнь, божественная Гита, следует мыслить в некотором роде воплощение — причем здесь сильно действует Майя, — своего рода воплощение этой души, Кришны. Затем в истории человечества происходит особое воплощение; эта душа действительно воплотилась в теле одного мальчика. Те из моих уважаемых друзей, которым я не раз говорил об этом, знают, что в эпоху основания христианства родились два мальчика в двух семействах, в которых текла кровь рода Давидова. Один мальчик изображен в Евангелии от Матфея, другой в Евангелии от Луки. Такова истинная причина, почему для внешнего исследования Евангелие от Матфея не согласуется с Евангелием от Луки. Мальчик Иисус, о котором нам сообщает Евангелие от Луки, есть прежде всего воплощение той души, которая ранее никогда не обитала в человеческом теле, но которая есть все же человеческая душа, потому что она была человеческой душой в древнелемурийскую эпоху, когда, собственно, началась наша эволюция. Это была та же самая душа, которая явила себя как Кришна. Так то, что означает импульс Кришны, побуждение к человеческому самосознанию, оказалось воплощенным в теле мальчика Иисуса Евангелия от Луки. То, что было тогда воплощено, родственно тем силам, которые до своего пробуждения как психических сил являются нам в такой чистой невинности спящими в детстве. В мальчике Иисусе Евангелия от Луки они могли проявляться, возвещать о себе вплоть до того возраста, когда обычно человек подходит к половой зрелости. Тело этого мальчика Иисуса, образованное из всего человечества, которое когда-либо воплощалось, не могло бы больше подходить к силам, родственным чистым, невинным половым силам детства. Поэтому душа, которая жила в другом мальчике Иисусе и которая, как большинство наших уважаемых друзей, разумеется, знают, была душой Заратустры, следовательно, душой, которая переходила от воплощения к воплощению, и которая именно благодаря особой работе во многих воплощениях достигла своей высоты, эта душа Заратустры переходит в тело мальчика Иисуса Евангелия от Луки и, как это представлено в моей книге "Духовное водительство человека и человечества", с той поры остается

связанной с этим телом. Мы касаемся здесь чудесной тайны. Мы видим, как в человеческое тело, в тело мальчика Иисуса Евангелия от Луки входит человеческая душа, какой она была до того, как человек сошел в ряд земных инкарнаций. Мы понимаем, что эта человеческая душа могла до двенадцати лет обладать этим телом, понимаем, что потом этим особенным телом должна была обладать другая душа, которая прошла через все воплощения как душа Заратустры. Совершается то чудесное, что самое глубокое в человеке, его истинная сущность, которую мы называли Кришна, сущность, вспышку которой мы видели в импульсе Кришны, пронизывает тело мальчика Иисуса Евангелия от Луки. В нем обитали те силы, которые являются глубочайшими силами человечества. Мы уже могли их назвать также силами Кришны, потому что мы знаем их происхождение. То, что в прошлом докладе я изобразил как не имеющее корня, этот корень Кришны достигает вплоть до лемурийской эпохи, до отдаленной древности человечества. Он был связан с человечеством прежде, чем началось физическое развитие человечества. Этот корень, эти сходящиеся в неопределенности, соединяющиеся силы Кришны работали далее над тем, чтобы человеческая внутренняя сущность развивалась, раскрывалась изнутри наружу. Конкретно, внутри отдельного существа, этот корень пребывает в мальчике Иисусе Евангелия от Луки, растет и остается, продолжая действовать под поверхностью бытия, после того как душа Заратустры вошла в это особенное человеческое тело. Потом, в тот момент, который описан в Евангелии как Крещение, полученное от Иоанна, следовательно, на 30-м году этого уникального человеческого тела, к нему приближается то, что принадлежит всему человечеству. В этот момент, который обозначается здесь голосом: "Сей есть Сын Мой возлюбленный, которого Я ныне родил", с другой стороны в физическое теперь вступает Христос. Здесь мы имеем момент, когда видим конкретно в теле, стоящем перед нами, то, что вчера мы рассматривали более абстрактно. То, что принадлежит всему человечеству, вступает в это тело, которое содержит в себе все, что из другого импульса привело к наивысшему идеалу развития индивидуальные силы человеческой сущности, которые человек еще хочет развить.

Я думаю, если вы рассмотрите то, что привело вас сегодня к некоторому пониманию великого момента, представленного образно в Евангелии как Крещение, полученное от Иоанна в Иордане, то мы должны сказать: это антропософское рассмотрение несколько не убавляет величие Христа, а наоборот, проливая свет на эти События, оно прибавляет многое к тому, что может быть дано во внешних экзотерических воззрениях человечества.

Сегодня я попытался обрисовать это так, чтобы это было понятно для непредвзятой человеческой души. Но не так была найдена эта тайна. Кто-нибудь, имея в руках мои доклады о Евангелии от Луки, которые я читал несколько лет тому назад в Базеле, где я в первый раз мог указать на двух мальчиков Иисусов и на их происхождение, и на то, что в одном мальчике Иисусе Евангелия от Матфея жила душа Заратустры, и что в определенный момент эта душа перешла в тело другого мальчика Иисуса, — кто-нибудь, слышавший это, мог бы, пожалуй, спросить: но почему же то, что было добавлено сегодня, не было представлено уже тогда? — Это полностью связано с тем, каким образом были найдены эти вещи. С тем именно, что вся эта истина ни в одном аспекте не была открыта человеческим рассудком. Она была открыта не в том виде, как я вам пытаюсь показать ее сегодня, а так, что сначала предстала эта истина, предстал сам факт, как я это говорил несколько дней назад. Потом само собой появилось древо, присоединившись к основе этого познания истины о двух мальчиках Иисусах. Отсюда вы можете заключить, что в антропософском течении, которое я познаю себе представлять перед вами, нет никаких рассудочных конструкций. Я не хочу этим сказать, что все должна делать то, что я рассматриваю для себя как свою особенную задачу: а именно, не говорить ничего, что исходит из рассудка как такового, но брать вещи такими, как они даются прежде всего для оккультного наблюдения, которое только потом пронизывается человеческим разумом. Знание о двух мальчиках Иисусах было получено не из внешнего исторического исследования, а с самого начала было оккультным фактом. И потом уже была открыта связь с тайной Кришны. Из этого вы видите, каким образом человеческое познание должно работать в области оккультного в наступающем ныне периоде, каким образом отдельным человеческим душам должны стать понятными основные импульсы земной эволюции, как это все больше и больше будет освещать прошлое, и как истинная наука будет обращаться не только

к человеческому рассудку, но действительно наполнит всю человеческую душу. Как раз тот, кто знакомится с оккультными фактами — и в этом убеждаются тем больше, чем глубже проникают в мир фактов — чувствует величие, красоту и могущество этих фактов. Вся наша душа захватывается этим, а не только рассудок; вся наша душа загорается, когда мы углубляемся в истину. И особенно в такой момент, когда мы направляем взор на тот удивительный факт, что все внутреннее существо человечества жило в одном теле, и что, с другой стороны, из всей земной эволюции развилась душа, которая обладала этим телом, и в это тело извне вошло и обитало в нем в течение трех лет то, что из Космоса было даровано всему человечеству, это поистине потрясает и наполняет всю нашу душу. Спиритуальный период принесет нам возможность еще больше углубить эти моменты. Но то, что нераздельно связано со спиритуальной эпохой, это необходимость научиться относиться к великим мировым загадкам и тайнам иначе, чем относились к ним прежде, научиться подходить к этим святым загадкам не только рассудком, но отдавать этому всю нашу душу. Тогда мы будем нашей душой участвовать во всей эволюции человечества. И то, каким образом мы будем в этом участвовать, будет для нас самих источником блаженства: мы обретем душевную полноту, будем ощущать свою принадлежность к человечеству, которое должно на всей Земле развивать те импульсы, о которых здесь говорилось.

ВОСЬМОЙ ДОКЛАД

Гельсингфорс, 4 июня 1913 г.

Когда речь идет о том, чтобы достичь полного понимания такого великого произведения как Бхагавадгита, то необходимо сначала сделать свою душу в известном отношении к этому способной, возвысить ее до такого рода ощущения и чувства, которые лежат в основе этого творения. Но то, что я сейчас высказал, относится, собственно, к людям, которые в своем ощущении и чувстве должны быть так далеки от Бхагавадгиты, как далеко от нее западное человечество. Вполне естественно, что мы можем непосредственно воспринять современное нам произведение духа. И вполне естественно также, что какой-нибудь народ или представители этого народа непосредственно чувствуют духовное творение, вышедшее из его среды, если даже оно относится к более древним временам. Западные народы, в отличие от народов Южной Азии, очень далеки от Бхагавадгиты в своем ощущении и чувстве. Если к этой поэме подходит человек без предварительной душевной работы, он, если хочет понять Бхагавадгиту, должен подготовить себя к совсем другому настроению души и духа. Поэтому здесь возникает столько недоразумений. Это творение духа, исходящее от совсем индусского народа, относящееся к 9-му, 10-му столетию до нашей эры, до возникновения христианства, не может быть так непосредственно понято западными народами, как, скажем, финский народ понимает «Калевалу», или греки гомеровский эпос, или даже как все западные народы понимают произведения Гомера. Если мы хотим подробнее разобраться в этом, мы должны внести что-то, открывающее нам путь к Бхагавадгите.

Здесь я хотел бы обратить ваше внимание прежде всего на одно обстоятельство. Вершинные точки духовной жизни во все времена были, в сущности, тайной для широких горизонтов человеческого понимания. И так это осталось в известном отношении до наших дней. К особенностям нашей эпохи, на заре которой мы стоим теперь, и которую мы уже охарактеризовали несколькими штрихами, будет принадлежать тот факт, что некоторые вещи, остававшиеся до сих пор тайной для широких кругов, станут известны, станут более популярными, распространятся в более широких кругах человечества. Вот почему мы собрались теперь здесь. Наше движение должно положить начало раскрытию этих вещей, которые до сих пор оставались тайной для широких кругов человечества. И, возможно, те неосознанные причины, которые привлекали вас к антропософскому мировоззрению, к антропософскому духовному учению, возникали именно из этого бессознательного понимания, что некоторые тайны должны теперь, поднявшись из глубины, проникнуть во все души, во все сердца.

Но, с другой точки зрения, определенные вещи до настоящего времени

оставались в тайне не потому, что их скрывали, а потому, что в естественном ходе развития человечества они должны были оставаться тайнами. Говорится о том, что определенными строгими правилами тайны древних мистерий охранялись от внешнего человечества; но еще больше, чем правилами, эти тайны охранялись теми особенностями древнего человечества, в силу которых внешнее человечество не могло бы их понять. Этим охранялась тайна древних мистерий, и это непонимание было более сильной охраной, чем любые внешние правила. И, в сущности, благодаря известным особенностям материалистической эпохи, это имеет еще больше значения для того, чтобы некоторые вещи оставались тайной и теперь. Этим высказывается нечто еретическое по отношению

к нашей эпохе. Но, например, в странах Средней Европы нет ничего более тайного, чем философия Фихте; не потому, что она охраняется строгими правилами, не потому, что она держится в секрете, так как учения Фихте напечатаны и читаются; но они не понимаются, остаются тайной. И так остается тайной многое из того, что должно включаться в общее развитие; многое скрывается тайной, хотя оно дается совершенно открыто.

Однако в эволюции человечества есть не только эта, но совсем другого рода особенность, которая важна для нас именно тогда, когда мы хотим приблизиться к Бхагавадгите: все, что можно назвать настроением души, чувств и ощущений, из которых родилась Бхага-вадгита, в своей полной духовности было доступно пониманию только очень немногих. Таким образом, — и в этом опять-таки мудрая особенность человеческого развития, хотя ее считают парадоксальной, — нечто порожденное немногими людьми какой-либо эпохи, даже становясь достоянием всего народа, все-таки в своей подлинной глубине остается тайной. Так для современников, для последователей, даже для всего народа, родственного этой вершине духа, осталось тайной то учение, которое раскрывается Бхагавадгитой, и это духовное течение остается также неизвестным формам. И хотя в последующее время к нему подходили с верой, может быть, даже с большим воодушевлением, но не имели настоящего, глубокого понимания. Ни современники, ни потомки не развили настоящего понимания. Только отдельные люди в эти времена имели настоящее понимание. И этим вызываются неверные искажения этого особенного духовного течения в суждениях о нем потомков.

Как правило, у последующих поколений нельзя найти понимания того, о чем здесь идет речь. Так, например, в основных ощущениях и чувствах современных индусов нельзя искать понимания духовного течения, которое в глубочайшем смысле пронизывает Бхагавадгиту. Воодушевление, проникнутую чувством и ощущением веру мы, конечно, найдем, но глубокого понимания нет. И это относится не только к тем древним временам, но еще больше к только что закончившейся эпохе от 14-го, 15-го до 19-го столетия, к ее преподавателям, ее сторонникам. Есть один анекдот, но в нем содержится глубокая истина, как это часто бывает в анекдотах: говорят, будто один великий мыслитель Европы, умирая, сказал: только один человек понял меня, да и тот понял неверно. Это анекдот, но это глубокая истина! Так можно сказать, что и в минувшую эпоху была высокая духовная субстанция, которая, однако, в своей истинной природе осталась непонятой для широких кругов современников. Это связано с тем, на что я хотел обратить ваше внимание.

Без сомнения, в современном индийском народе можно найти умные головы, но вся конфигурация их чувств и ощущений уже отдалила их от тех чувств, какие изливаются из Бхагавадгиты. Это одна сторона. С другой стороны, из западной культуры до этих людей доходит лишь то, в чем уже нет глубины, что представляет собой только ставшее поверхностным понимание. Отсюда проистекают две вещи: с одной стороны, у народов Востока, и, в частности, у потомков людей, породивших Бхагавадгиту, при встрече с плодами поверхностной западной культуры может развиваться чувство, что западная культура далеко отстает от того, что уже дано в Бхагавадгите. Ведь к Бхагавадгите они имеют все-таки больший доступ, чем к тому, что лежит более глубоко в западной духовной жизни. Поэтом мы можем понять суждения тех индийцев, для которых наша духовная культура является чем-то поразительно странным. Но, с другой стороны, среди них есть такие, которые хотели бы воспринять именно глубины духовной культуры Запада. Без сомнения, среди индусов есть умы, которые были бы готовы воспринять ту духовную субстанцию, которая выступила бы перед нами, если бы мы объединили

— мы могли бы назвать многих мыслителей или людей духа, — если бы мы объединили Соловьева, Гегеля и Фихте. Есть много мыслителей Индии, которые хотели бы воспринять эту духовную субстанцию. В одном случае я сам мог иметь здесь некоторый опыт. В самом начале, когда мы основали нашу германскую секцию, один индийский мыслитель прислал мне и многим другим европейцам свою работу. В ней он пытался известным образом связать индийскую философию с основными представлениями Запада, которые можно было бы почерпнуть из углубленного рассмотрения Фихте и Гегеля. Но с этой работой ничего нельзя было сделать, так как выяснилось, что, несмотря на все честное стремление этого человека, — против такого стремления ничего нельзя возразить, его можно только приветствовать, — но для того, кто имеет доступ к подлинным представлениям Фихте и Гегеля, вся эта работа оказалась сплошным дилетантством. С этой работой ничего нельзя было сделать, и это вполне естественно.

Мы могли бы сказать: здесь мы имеем перед собой человека, который честно старается вникнуть в более позднее духовное направление, но не может преодолеть тех препятствий, которые создало развитие во времени. Когда же он, тем не менее, пытается в это проникнуть, то получается неистинное и неестественное произведение. Впоследствии в связи с этим индийским мыслителем я слышал лекцию другого лица, совсем не ведающего об истинном духовном развитии Запада и его глубинах. Это был европеец, который, будучи совершенно несведущим в глубинах человеческого развития, ознакомился с произведением этого индийского мыслителя и преподнес это как особую мудрость своим слушателям. Слушатели также не знали, что имеют дело с чем-то, основанным на превратной рассудочности. Но для того, кто мог понять сущность этих высказываний европейца об индийце, они были таковы, что от них — простите мне это выражение — можно было полезть на стену, это было просто ужасно. Одна ошибка нагромождалась на другую. Как трудно прийти к пониманию всего, что может произвести человеческая душа. Нашим идеалом должно быть понимание всех вершин Духа. Если понять и прочувствовать это, то, с одной стороны, мы воспримем луч света, озаряющий всю трудность подступов к Бхагавадгите, с другой стороны, наличие не менее роковых ошибок в ее понимании. На Западе мы вполне понимаем, когда на Востоке поднимают взор ко всем гениям прошлого, деятельность которых выражается через философию Веданты, через глубину философии санкхья; мы вполне понимаем, когда в седьмом, восьмом веке после возникновения христианства восточный дух с горячим благоговением взирает как на некую вершинную точку, на то, что проявилось в Шанкарачарии; мы понимаем все это. Но мы должны понять это иначе, если хотим прийти к подлинно глубокому пониманию. Нам необходимо понять еще большее, и это мы должны представить теперь как своего рода гипотезу, потому что это еще не осуществилось в человеческой эволюции. Представьте себе, что творцы той великой, высокой духовности, которая струится сквозь Веды, Веданту и философию Шанкарачария, представьте себе гипотетически, что эти гении появились вновь в наше время с теми же духовными дарами, с той же остротой ума, которыми они тогда обладали, и пережили бы такие духовные творения, как Соловьев, Фихте, Гегель. Что они сказали бы? Мы ставим себя, таким образом, в то положение, когда для нас важно не то, что говорят последователи философии Веданты, Шанкарачария, а что сказали бы сами эти гении. Я прекрасно сознаю, что говорю сейчас нечто парадоксальное. Но когда делаешь это, то нужно подумать о том, что однажды выразил Шопенгауер: такова уж судьба бедной истины, что она всегда должна быть парадоксом в мире, потому что она не может сесть на трон заблуждения. Тогда она садится на трон времени, обращается к ангелу-хранителю времени. У него такие большие и долгие взмахи крыльев, что индивидуум между ними умирает. Поэтому нас не должно отпугивать, что истина звучит парадоксально. Это парадоксально, но это истина.

Если бы воскресли создатели Вед, основатели философии санкхья, если бы сам Шанкарачария пережил в 19-м веке творения Соловьева, Гегеля, Фихте, то все они сказали бы: то, к чему мы тогда стремились, надеясь, что оно явится нам в даре нашего ясновидения, это совершили в 19-м веке Соловьев, Гегель и Фихте через способности своего собственного духа. Мы верим, что должны восходить к ясновидческим высям. Появляясь тогда, мы имели то, что как бы само собой пронизывало душу Гегеля, Соловьева, Фихте. Парадоксально, но истинно! Это звучит парадоксально для тех людей Запада, которые с наивной бессознательностью

взирают на людей Востока и ставят себя рядом с ними, совершая этим ошибку в понимании Запада. Поэтому получается удивительная, гротескная картина. Мы представляем себе создателей Вед, основателей философии Санкхья, мы представляем себе самого Шанкарачария, с воодушевлением взирающих на Фихте и других гениев; и наряду с этим мы представляем себе многих, которые не обращают внимания на духовную субстанцию Европы и падают ниц перед Шанкарачария и его преемственниками, не заботясь о том, что дали Гегель, Фихте, Соловьев и др. Это гротескная картина, но это картина, которая с полной серьезностью соответствует истине. Почему это так? Если мы рассмотрим все, что предлагают нам исторические факты, то мы можем понять эти факты только при помощи такой гипотезы. Почему это так?

Это станет для нас ясным, если мы рассмотрим ход человеческого развития, поднимем взор к тем временам, из духовной субстанции которых явилась Бхагавадгита. Каким, собственно, должны мы тогда представлять человека? Мы можем представить себе его душевное строение приблизительно так: то, что современный человек имеет теперь в многообразии своего грезящего сознания, это представление, это содержание души, проходящее в образах, было тогда обычным, естественным, повседневным представлением. Следовательно, это обычное тогда сознание мы можем называть сновидческим сознанием, или, лучше сказать, грезящим сознанием, грезящим образным сознанием; правда, совсем не таким, как на старой Луне, а уже развитым. Это было, так сказать, душевное состояние, из которого души начинали восходящую линию развития. Прежде было всеобщим состояние сознание, которое для нас теперь совсем уже закрыто: сонное сознание, из которого, однако, в те древние времена исходила как бы сновидческая инспирация, то сознание, которое во время сна закрыто для сферы нашего сознания. Это сознание было приблизительно таким, что оно входило в обычное образное сознание этих древних людей примерно так, как наше сновидящее сознание, хотя и несколько реже. И еще в одном отношении оно было другим в те древние времена. Наше сновидческое сознание в общем несет в себе реминисценции дней этой жизни. Но в более древние времена, когда это сновидческое сознание вступало в высшие миры, оно приносило также и реминисценции из этих высших духовных миров. Потом происходил все больший спуск.

Кто стремился тогда вперед подобно тому, как мы это делаем сегодня через оккультное развитие, тот устремлялся к чему-то совсем другому. Когда мы проходим теперь через оккультное развитие, то мы сознаем, что прошли некий путь вниз, спустились до повседневного сознания, и хотим теперь подняться вверх. Для них сновидческое сознание было той повседневностью, исходя из которой, они устремлялись вверх. Чего же они достигали? Если бы в те древние времена людям предложили книгу "Как достигнуть познаний высших миров?", которую я написал в наше время, то люди не знали бы, что с этим делать. Это было бы в то время бессмыслицей, это имеет смысл только для современного человека. В то время все, что люди делали с помощью йоги, санкхья, имело целью устремление к той вершине, которую мы имеем теперь в глубочайших творениях нашего времени, а именно, у Соловьева, Фихте и Гегеля. Все стремилось возвыситься до идеального постижения мира. Вот почему, собственно, тот, кто постигает сущность вещей, не находит большой разницы, — оставляя в стороне разницу чувств, выражений, душевного настроения и колорита времени, — между Соловьевым, Фихте и Гегелем и философией Ведамы. Разница в том, что тогда философия Веданты была тем, к чему стремились как к высшему, и теперь это сошло до обычного сознания.

Если мы хотим дать описание способностей нашей души, то мы можем сделать это следующим образом. Прежде всего то, что для индийца еще было ясновидчески прозреваемым, но что закрыто для нас: сознание сна. То, к чему мы стремимся, в те древние времена лежало еще во мраке будущего. Это то, что мы характеризуем как имажинативное познание, полностью сознательное, пронизанное силами Я, образное сознание, сознательная имажинация, как я ее мыслил в моей книге «Как достигнуть познаний высших миров?» Сначала здесь должно быть добавлено абстрактное. Но во всем абстрактном лежит нечто гораздо более важное, а именно, что современный человек, если он действительно энергично применяет все имеющиеся в его душе силы, может то, к чему со всем напряжением стремятся люди Бхагавадгиты, найти, так сказать, на улице. Это действительно лежит «на улице», впрочем, только для таких, как Соловьев, Фихте и Гегель. Все дело в этом. Но

есть и нечто другое. То, что теперь можно найти буквально на улице, было тем, чего тогда достигали, применяя всю остроту ума санхья и углубленность йоги. Этого достигали всей силой души, всем **выш**ением духа.

И теперь представьте себе следующее: насколько иначе будет выглядеть для человека, который живет в доме, стоящем на вершине горы, и постоянно наслаждается прекрасным видом, насколько иначе это будет для человека, который никогда этого вида не знал и только прилагает все усилия к тому, чтобы подняться наверх из долины. Когда каждый день имеют перед собой этот вид, то к нему привыкают. Разница между свершениями Шанкарачария, создателей Вед, их **п**следователей, и тем, что дали Гегель и Фихте, не в **п**нятиях, а в том, что Шанкарачария и его предшественники из долины стремились к вершине, и вели их к этому острота их ума, глубина мысли санхья, углубленность йоги. В этой работе, в этом преодолении души лежит переживание, и суть дела заключается в этом переживании, а не в содержании. Это имеет огромное значение; это в известном отношении может быть **у**тением. Европейец ведь не обращает внимания на то, что можно "найти на улице". Поэтому европейцы **в**принимают это охотнее в такой форме, как это **в**стает перед ними в философии веданты или санхья, потому что при этом они бессознательно все-таки **п**нят те усилия, которые к этому приводят. Это личное отношение к вещам.

Не одно и то же, получим ли мы какое-либо **с**держание в том или другом месте, или придем к нему благодаря усилиям, напряженным усилиям души. **Б**ольшая разница в том, каким путем мы придем к **с**ержанию, потому что именно работа души дает жизнь вещам. Об этом мы должны подумать. Теперь можно найти на улице — впрочем, это возможно только для таких людей, как названные выше гении — то, что тогда достигалось только усилиями Шанкарачария и углубленностью йоги. Тогда нам не нужны никаких абстрактных комментаторов, тогда нам нужна только возможность перенестись в живое ощущение того **в**мени. Но тогда мы начинаем также понимать, что сами внешние выражения, внешний облик идей переживались совсем иначе людьми той эпохи, чем это может быть пережито нами. Не для того, чтобы давать абстрактные комментарии, которые звучат **п**антично и школьно, но для того, чтобы показать, что вся конфигурация чувства и ощущения в Бхагавадгите. была другой, чем теперь, необходимо изучать — однако, не внешне филологически, — что, **с**ственно, значит ощущение, чувство, настроение души того времени, к которому мы должны отнести Бхагавадгиту, той души, которая тогда **в**живалась в Бхагавадгиту. Несмотря на то, что идейное объяснение мира, говоря графически, лежит теперь внизу — то, что тогда **л**ежало **в**верху, — все же содержание мыслей остается **о**динаковым, несмотря на то, что форма выражения **д**руная. Кто хочет остановиться на абстрактном **с**ержании мыслей, тот найдет понимание очень легким. Но кто захочет переработать переживание, тот этого не найдет; он должен будет прилагать усилия, чтобы **п**режить, прочувствовать весь этот путь. На этом **д**рем пути впервые возникли те понятия, понимание **к**оторых для нас сегодня оказывается легким, — я не **п**даю никакого значения тому, как они в качестве **и**дальных понятий содержатся в Бхагавадгите, — это те три понятия, которые выразились в слова: саттва, раджас, тамас.

Что, собственно, заключается в этих словах? Если не пережить с живым чувством того, что содержалось в этих словах, то нельзя пережить с правильным **ч**увством ни одной строки Бхагавадгиты, особенно ее **п**едних частей. Неумение **в**житься чувством в эти **п**ятия подобно на высшей ступени тому, как если бы мы захотели читать книгу на языке, которого совсем не понимаем. Здесь дело не в том, чтобы путем комментария найти соответствующее понятие, а в том, что **и** изучить язык. Так и здесь дело не в том, чтобы **к**ментировать, по-школьному интерпретировать слова саттва, раджас и тамас. В этих словах лежат **о**щущения эпохи Бхагавадгиты, нечто бесконечно **з**начительное, как бы путь, который вел к пониманию мира и его явлений. Если мы хотим охарактеризовать этот путь, то мы должны освободиться от многого, что следует искать не у названных выше гениев, Соловьева, Фихте, Гегеля, а в окостеневшем, абстрактном мышлении **д**руных западных мыслителей. Под словами саттва, **р**аджас, тамас понимается способ, которым можно **в**житься в различные состояния мирового бытия, можно **п**рникнуть в различные области этого мирового бытия. Было бы неверно и абстрактно, если бы мы захотели интерпретировать эти слова всецело на почве

древнего индийского ощущения. Будет лучше, если мы возьмем их в истинном смысле тогдашней жизни, но по возможности из опыта нашей жизни. Будет лучше взять внеиндийский колорит этих понятий свободным образом из индийского собственного переживания.

Остановимся несколько на том способе вживания, которое человек осуществляет, когда хочет с пониманием войти в окружающие его три царства природы. Познавательное отношение к трем царствам природы для каждого отдельного царства природы будет личным. Я не стремлюсь дать исчерпывающее понятие этих слов; я хочу способствовать приближению к этим понятиям! Когда сегодняшний человек стоит перед минеральным царством, у него возникает чувство, что своим мышлением он проникает в это минеральное царство с его законами; он, так сказать, живет вместе с ним. Это понимание в древние времена Бхагавадгиты называли бы саттвическим пониманием минерального царства. Итак, понимание минерального царства было бы саттвическим пониманием. — Но относительно растительного царства дело сегодня обстоит уже иначе; здесь всегда оказывается сопротивление, чтобы мы не могли проникнуть своим современным пониманием в жизнь растений. Исследовать физически и химически царства природы, анализировать и понять их — вот что является теперь идеалом. Во всяком случае, некоторые фантазеры теперь думают, что если они будут воспроизводить внешние формы, то это уподобится процессу генерации, и они приблизятся к идее жизни. Но это фантастика. В познании человек не проникает до жизни в растительном царстве, следовательно, он не проникает в растительное царство, как в минеральное царство. Жизнь в растительном царстве можно теперь только лишь созерцать. Но то, что можно лишь созерцать, к чему нельзя проникнуть своим пониманием, это есть раджастическое понимание. — Когда мы подходим к животным, все опять обстоит по-другому. Та форма познания, которая существует в животном, ускользает для нашего обычного понимания еще больше, чем жизнь растения. То, что, собственно, есть жизнь животного, непостижимо для познания. То понимание, с которым современный человек со своей наукой подходит к животному царству, есть тамасическое понимание.

Приведем еще нечто характерное для понимания человеком того, как он должен относиться к словам саттва, раджас, тамас. Для современного человека есть еще одна сторона понимания. Без сомнения, здесь должно выступить понимание, которое характеризуется не только понятиями. Если мы примем научное представление о формах деятельности живых существ, мы никогда не придем к пониманию. Так, например, сон не есть одно и то же у человека и в царстве животных. Если мы дадим определение сна, то сделаем не многим больше, чем если подумаем, что нож для бритья и заточки карандаша есть то же самое, что нож для резания мяса. Напротив, если мы оставим свое понимание открытым и подойдем к понятиям саттва, раджас, тамас с другой стороны, то мы можем привести нечто другое из нашей теперешней жизни. Люди питаются разными вещами: животными, растениями, минералами. Эти различные предметы питания, конечно, различным образом действуют на конституцию человека. Мы действительно приблизимся к пониманию слов тамас, раджас и саттва, когда подумаем, что человек проникается состояниями саттва, питаясь растениями. Но когда он хочет их понять, то для его понимания они являются состоянием раджас. Итак, для питания принятие в себя растительного есть состояние саттва; принятие в себя минерального, солей и т. д. есть состояние раджас; состояние, которое вызывается мясной пищей, есть состояние тамас. Так что мы не можем сохранить последовательности, если будем исходить из абстрактного определения. Мы должны сохранять подвижность наших понятий. Это сказано не для того, чтобы вызвать ужас у тех, кто ест мясо. Сейчас я укажу вам другую область, где все это опять изменяется.

Предположим, что кто-нибудь захочет воспринять внешний мир не через обыкновенную науку, но при помощи правильного в наши дни ясновидения, и предположим, что этот человек, находясь в состоянии ясновидения, внесет явления и факты окружающего мира в свое ясновидческое сознание. Тогда эти явления и факты должны вызвать такое же состояние, как и явление обычного понимания трех царств природы, то есть состояния саттва, раджас и тамас. Таким образом, переживания, которые входят в ясновидящее познание, вызывают в человеческой душе известные состояния. И, в частности, то, что может войти в чистейшее ясновидческое познание, что соответствует уже просветленному

ясновидению, вызывает состояние тамас. Состояние тамас вызывается через очищенное — очищенное не в моральном смысле — ясновидение. И человек, который хочет действительно увидеть благодаря возможному для нас теперь ясновидению духовные вещи чисто внешне, должен путем ясновидящей деятельности установить в себе состояние тамас. И потом, когда он возвращается в обычный мир, где он тотчас же забывает свое ясновидческое познание, он чувствует себя тогда со своим познанием в состоянии саттва. Таким образом, состояние саттва есть наше обычное современное познание. А в промежуточном состоянии веры, упования на авторитет человек находится в состоянии раджас. Познание в высших мирах вызывает в человеческих душах состояние тамас, познание в обыкновенном окружающем нас мире — состояние саттва; вера, упование на авторитет, религиозность, вызывает состояние раджас. Мы видим, что тот, кто из-за своей организации вынужден есть мясо, не должен ужасаться, что мясо ввергает его в состояние тамас, ибо то же самое вызывается очищенным ясновидением.

Что же это за состояние тамас? Состояние тамас есть то состояние, при котором что-нибудь внешнее наиболее освобождено от духа. Если дух мы обозначим как свет, то состояние тамас есть состояние, лишённое света, темное состояние. Пока в настоящее время наш организм естественным образом заполнен духом, мы пребываем в состоянии саттва, в том состоянии, в котором находится также и наше познание внешнего мира. Когда мы спим, мы находимся в состоянии тамас, но мы должны приходить в это состояние во сне именно для того, чтобы наш дух мог отделиться от нашего тела и проникнуть в окружающую нас высшую духовность. Если мы хотим прийти к высшим мирам — уже евангелист говорит об этом, — которые являются для человека тьмой, то природа человека должна быть в состоянии тамас. Но так как люди пребывают в состоянии саттва, а не тамас, не в темном сознании, то слова евангелиста: «Свет во тьме светит, и тьма не объела его», нужно перевести приблизительно так: и высший свет проник к человеку, но человек был наполнен природой саттва и не отпускал ее от себя, поэтому высший свет не мог войти в него, ибо высший свет может светить только во тьме. Но оттого, что понятия, так сказать, все время переворачиваются, когда мы ищем познания с помощью столь живых понятий как саттва, раджас, тамас, то мы должны приучаться к тому, чтобы не брать эти состояния абсолютно. Нет никакого «глубже» или «выше» в правильном восприятии мира, но всегда есть только относительное.

Один европейский ученый столкнулся с этим. Это был тот ученый, который перевел тамас как «тьма». Он натолкнулся на то, что другой перевел саттва как «свет». Он перевел саттва как «добро». В такого рода вещах хорошо отражаются источники всех заблуждений, потому что когда человек находится в состоянии тамас — безразлично, спит он или находится в ясновидящем познании, если мы возьмем только эти два слова, когда человек находится в состоянии тамас — тогда по отношению к внешнему он действительно находится во тьме. Поэтому индуизм был прав, но он не мог взять слово «свет» вместо слова «саттва». Тамас всегда можно переводить словом «тьма», но в отношении внешнего мира состояние саттва не таково, чтобы его всегда можно было интерпретировать как «свет». Когда мы говорим, что хотим охарактеризовать свет, то будет вполне правильно светлые цвета — красный, оранжевый, желтый — в смысле философии санхья называть саттва-цветами. Но в этом смысле зеленый цвет нужно назвать цветом раджас, а голубой, фиолетовый, индиго — цветами тамас. Это абсолютно правильно. Можно сказать: действие света, светлое, в общем, подходит под понятие саттва; но под понятие саттва подходит также и доброта человека, его любовь. И хотя свет подходит под понятие саттва, но понятие саттва шире, и свет, собственно, не идентичен ему. Поэт неверно переводит саттва словом «свет», но вполне можно переводить слово тамас как тьма. Неверно также говорить, что «свет» не совпадает с понятием саттва. Но упрек, который ученый делает человеку, быть может, прекрасно сознающему это, также не обоснован, просто потому, что, в конце концов, если кто-нибудь скажет: вот лев — то никто ему ничего не объяснит, возразив: нет, это хищное животное. И то и другое правильно, прямо попадает в цель. Нет никакого сомнения, что когда человек говорит: вот лев, — он видит перед собой также и хищное животное. Также правильно, когда, говоря о внешнем явлении, кто-нибудь относит саттва к свету, но неверно будет говорить, что саттва — это только свет. Саттва есть более общее понятие, как хищное животное есть

более общее понятие, чем лев. О тьме нельзя сказать того же только потому, что в состоянии тамас больше уравнивается то, что в двух других состояниях, саттва и раджас, является более специфическим, разделенным. Так, ягненок и лев — это два очень различные существа. И если я хочу охарактеризовать их со стороны свойств саттва, укажу, что природная сила, духовность проявляется во льве и ягненке, то я должен охарактеризовать этих двух животных совершенно по-разному. Но если я хочу охарактеризовать состояние тамас, то различий не возникает, потому что состояние тамас возникает тогда, когда лев или ягненок просто лениво лежат. В состоянии саттва лев и ягненок очень различны, но для понимания мира лень льва и лень ягненка, в конечном счете, представляют собой одно и то же. Таким образом, восприятие понятий должно измениться. Поистине, эти три понятия, содержащимися в них оттенками чувства, принадлежат к высочайшему свету санкхья. И во всем, что Кришна сообщает Арджуне, выступая как основатель эпохи самосознания, он должен говорить словами, которые всецело пронизаны чувствами, связаны с понятиями саттва, раджас, тамас. Об этих трех понятиях и о том, что ведет затем к вершине в Бхагавадгите, мы будем говорить подробнее в последнем докладе этого цикла.

ДЕВЯТЫЙ ДОКЛАД

Гельсингфорс, 5 июня 1913 г.

Заключительные главы Бхагавадгиты наполнены ощущениями и чувствами, которые пронизаны понятиями саттва, раджас и тамас. В этих последних частях Бхагавадгиты все восприятие должно быть направлено на то, чтобы постигнуть те вещи, которые там выступают в духе идей саттва, раджас и тамас. В прошлом докладе я попытался обрисовать эти три важные понятия, прибегая главным образом к помощи современных переживаний. Конечно, тот, кто берет Бхагавадгиту и углубляется во все это, должен дать себе ясный отчет, что с того времени, как возникла Бхагавадгита, понятия несколько сместились. Но было бы неправильно понятия саттва, раджас и тамас характеризовать исключительно из дословного перевода Бхагавадгиты, по той простой причине, что наши ощущения отличаются, и мы не можем усвоить те, совсем другие ощущения. Если бы мы захотели так характеризовать, то мы характеризовали бы неизвестное неизвестным.

Так, например, вы найдете, что в Бхагавадгите несколько смещены те понятия о пище, которые мы развивали в прошлой лекции, поскольку все, что для современного человека относится к растительной пище, для индийца относилось к пище, которую Кришна называет приятной, нежной, тогда как раджасическая пища, которую мы охарактеризовали как минеральную, что будет правильным для современного человека — например, соль имеет характер раджасической пищи, — для индийца времен Бхагавадгиты обозначала кислое, острое. Тамасическая пища есть для нашей организации преимущественно мясное питание.

Но индеец обозначал так то, что в наше время вообще не считают пищей, что, впрочем, дает ясное представление о том, насколько другими были тогда эти люди: индеец называл тамасической пищей гниущее, испорченное, дурно пахнущее. В нашей теперешней инкассации мы уже не назвали бы это тамасической пищей, ибо организация человека изменилась вплоть до физического.

Поэтому для лучшего понимания этих основных ощущений Бхагавадгиты, саттва, раджас и тамас, мы должны соотносить их с нашими условиями. И если мы тогда углубимся в то, что такое, собственно, саттва, то будет лучше всего, если мы возьмем сперва наиболее очевидное понимание саттвы. Это человек, способный в наше время отдаться такому всепроницающему познанию, как современное познание минерального царства — таков для нас человек саттвы. Для индийца человеком саттвы был не этот человек, а тот, который с пониманием, разумно, в обыкновенном смысле, головой и сердцем живет в мире. Тот, кто непредвзято, непредубежденно воспринимает то, что предлагают ему явления мира, кто проходит через мир, сопровождая это понимающим восприятием мира, кто воспринимает свет понятий и идей, исходящий от всей красоты и великолепия мира, свет чувств и ощущений, кто избегает всего безобразного в мире, кто правильным образом развивает себя и делает это по отношению к физическому миру — тот есть человек саттвы. В области неорганического, например, впечатление саттва есть впечатление от не слишком яркой поверхности, освещенной таким образом, что мы правильно различаем оттенки красок. Такая поверхность была бы

впечатлением саттва от внешнего мира. Впечатление раджас есть то, когда собственные эмоции, аффекты и страсти препятствуют человеку всецело войти в вещи, его окружающие, так что он не отдается впечатлению, а противопоставляет ему своим собственным существом. Так, например, он познает царство растений; он может восхищаться этим растительным царством, но он подходит к этому царству со своими эмоциями, и поэтому не может проникнуть в глубинные основы растительного царства. Тамас есть то, когда человек всецело погружен в свою телесность, туп и апатичен по отношению к тому, что его окружает, так апатичен и туп, какими мы здесь на физическом плане бываем по отношению к другому сознанию. Мы ничего не знаем о сознании собаки, лошади, когда пребываем на физическом плане, не знаем даже о сознании другого человека. Тогда человек в общем остается тупым, так сказать, уходит в свою собственную телесность, живет во впечатлениях тамаса. Человек постепенно должен становиться таким тупым по отношению к физическому миру, чтобы мог ясно видетьчески воспринимать высшие миры. Так нам лучше всего представляются понятия саттва, раджас и тамас. Во внешней природе раджасическим было бы впечатление от умеренно освещенной поверхности, не в светлых цветах, а, например, в зеленом, в спокойных оттенках зеленого. Темная поверхность с темными краями была бы впечатлением тамас. Когда человек смотрит во внешнюю тьму мирового пространства, он — даже если перед ним раскрывается великолепие свободного небесного свода — воспринимает его синим, почти в тамасическом цвете. И если мы проникнемся ощущениями, которые вызываются этими тремя идейными обозначениями, то мы можем применять их ко всему, что нас окружает; не только в той или другой области, но эти идеи являются поистине всеобъемлющими. И умение распознавать свойства саттва, раджас и тамас в своем окружении означало для индийца эпохи Бхагавадгиты не только известное понимание внешнего мира, но и известное оживление внутренней человеческой сущности.

Индиец ощущал это приблизительно следующим образом. Я поясню вам это при помощи одного сравнения. Предположим, простой деревенский житель видит окружающую его природу, видит красоту утренней зари, красоту солнца, звезд, вообще всего, что он может видеть; но он не размышляет об этом, не составляет себе никаких представлений, понятий о мире. Он просто живет в самом тесном согласии с тем, что его окружает. Когда он начинает отличать себя со своей душой от того, что его окружает, когда он начинает чувствовать себя как отдельное существо, то он должен достигать этого, учась понимать свое окружение при помощи представлений, учась обособлять себя от своего окружения. Человек некоторым образом постигает действительность своего существа всякий раз, когда он объективно устанавливает свое окружение. Индиец эпохи Бхагавадгиты говорил: до тех пор, пока мы не прозреваем состояния саттва, раджас, тамас в своем окружении, мы несамостоятельны в своем собственном существе, связаны с окружением, не постигаем себя в своем собственном существе. Но когда окружение становится таким объективным, что его во всем замечают, тогда это есть состояние саттва, состояние раджас и состояние тамас. И тогда становятся все свободнее и свободнее от него, и поэтому становятся самостоятельнее в своем существе. Таким образом, средством к тому, чтобы стать самостоятельным, является познание этих трех состояний во всей внешней природе, во всем, что является вне духа и вне человеческой души. Чтобы создать состояние самосознания, нужно понять свойства саттва, раджас и тамас во всем, что нас окружает. И Кришне, в сущности, нужно освободить душу Арджуны от того, что окружает эту душу именно в данное время. «Посмотри, — хочешь тогда объяснить ему Кришна, — на все, что происходит там, на кровавом поле сражения, где братья стоят против братьев. Ты чувствуешь себя связанным, слитым, соединенным со всем этим. Познай, что все то, что является нам во внешнем, протекает в состояниях саттва, раджас, тамас. Таким образом ты отличишь себя от этого, благодаря тому, что ты узнаешь, что не принадлежишь к этому своим высшим Я. Благодаря этому ты переживешь в себе свое особое, от всего обособленное существо, ты познаешь в себе Дух».

Это относится опять-таки к красоте композиционного нарастания в Бхагавадгите, когда мы видим, что в начале мы приведены к познанию более абстрактных понятий, но затем эти понятия становятся все более и более живыми и в самых различных областях слагаются в понятия саттва, раджас и тамас; и затем перед нашим духовным взором происходит как бы обособление душевного

существа Арджуны. Так Кришна объясняет Арджуне необходимость отойти от всего, что протекает в этих трех состояниях, отойти от всего, с чем обычно связаны и за что держатся люди. Есть люди саттвы, которые так связаны с жизнью, что они держатся за то, что они извлекают из окружающего мира в счастливом блаженстве. Эти люди саттвы легко переходят по миру, впитывая в себя из всех вещей то, что делает их блаженными. Люди раджаса прилежны, они выполняют действия, но выполняют их ради приносимых ими последствий, они держатся за последствия поступков, за жажду действий, то есть за те впечатления, которые производят дела. Люди тамаса привязаны к беспечности, удобствам, лени, они, собственно, не хотят ничего делать. — Так делятся люди, те люди, которые своим духом, своей душой привязаны к внешним состояниям и принадлежат к одной из этих групп. «Но ты должен получить прозрение в наступающий период самосознания; ты должен отделить от них свою душу; ты не должен быть ни человеком саттвы, ни человеком раджаса, ни человеком тамаса». — Кришна является в Бхагавадгите великим учителем человеческого, самосознающего Я именно потому, что он проводит обособление от состояний окружения. И Кришна объясняет Арджуне способы деятельности души согласно состояниям саттва, раджас и тамас. Когда человек направляет свою веру к творческим божественным существам, то он есть человек саттвы. Но как раз во времена возникновения Бхагавадгиты были люди, которые, так сказать, ничего не знали о руководящих, божественных духовных сущностях, люди, которые были всецело преданы так называемым природным духам, тем духам, которые стоят за непосредственными природными сущностями: это люди раджаса, которые доходят до природных духов. Люди тамаса — это те, которые в своем познании мира приходят к тому, что можно назвать призрачным, что в своей духовности стоит ближе всего к материальному.

Таким образом, и в религиозном отношении люди также делятся на людей саттвы, раджаса и тамаса. В наше время мы могли бы сказать, применяя эти понятия к религиозному чувству: люди, стремящиеся к астропософии — это, без всякой лести, люди саттвы. Те, которые держатся какой-нибудь внешней веры — это люди раджас. Те, которые материально или спиритуально верят только в материальное, материалисты и спириты — это люди, тамасически верующие. Ведь спирит требует не духовных сущностей, в которых он хочет верить. Он, конечно, хочет верить в духов, но он не хочет подняться к ним; он хочет, чтобы они спустились к нему; они должны стучать, потому что стук можно слышать физическими ушами, они должны появляться в светлом облаке, потому что светлое облако можно видеть физическими глазами; то есть они должны быть построены не духовно, а материально. Это все люди тамаса, в смысле эпохи Кришны. И есть также бессознательные люди тамаса: это те, которые являются материалистическими учеными, мыслителями, те, которые отрицают все духовное нашей эпохи. Представители материализма утверждают, что они держатся за материализм в силу логики. Но это обман. Материалисты — это люди, которые не на основании логики, а из страха перед духом делают материалистами. Из страха перед духом они отрицают дух, потому что к этому их принуждает логика бессознательной души, которая хотя и проникает вверх, но не может пройти через врата духа. Это есть страх перед духом, и тот, кто видит действительность, тот видит, как в материалистическом собрании каждый материалист несет в глубинах души страх перед духом. Материализм — это не логика, а боязнь духа. А то, что он утверждает, есть только опиум, для того чтобы заглушить этот страх. В действительности каждого материалиста преследует Ариман, носитель страха. Это гротескная, но глубоко серьезная истина, которую познаешь, когда приходишь на какое-нибудь материалистическое собрание. Для чего, в сущности, созывается такое собрание? Это лишь майя, когда люди говорят там о мировоззрении. В действительности они собрались для того, чтобы фактически заклинать Аримана, черта, чтобы заманить на свои собрания Аримана.

Такое же деление Кришна дает Арджуне и относительно того способа, как практически можно обращаться с молитвой к богам. В смысле душевного построения всех людей можно охарактеризовать согласно этим трем состояниям. Люди саттвы, раджаса и тамаса явно различаются по способу отношения к своим богам. Люди тамаса — это те, которые являются жрецами, но жречество которых является некоторого рода привычкой, которые исполняют свои обязанности, но не имеют живой связи с духовным миром, которые повторяют «Аум», «Аум», «Аум»

именно оттого, что это идет прежде всего от тупости, от тамасического состояния души. Эти люди, повторяющие «Аум», являются людьми тамаса в области молитвы; они вкладывают в «Аум» свое субъективное. Люди раджаса — это те, которые, взирая на окружающий мир, имеют ощущение, что этот мир становится как бы чем-то им самим принадлежащим, что этот мир должен быть почитаем как родственный им. Это люди «тат», люди, которые молитвенно чтят как родственное себе Вселенную, «То». Люди саттвы — это люди, которые видят, как то, что живет внутри, едино с тем, что окружает нас во внешнем мире. Это люди, которые в своей молитве имеют сознание «сат», всебытия, всебытия и единобытия внешнего и внутреннего, которые имеют знание единства объективного и субъективного. О человеке, который хочет стать действительно свободным в своей душе, который не хочет быть, в том или другом отношении, только человеком саттвы, раджаса или тамаса, и должен претворить в себе эти состояния так, чтобы носить их на себе как одежду, но при этом вырастать в своем Я, — вот о чем говорит Кришна как о том, что должно быть достигнуто. И это есть также то, что Кришна должен пробудить как учитель самознания.

Так Кришна стоит перед Арджуной, поучая его: «Наблюдай все состояния мира, наблюдай их в том, что есть наивысшее и наиглубочайшее для человека, но стань свободным от наивысшего и наиглубочайшего трех состояний, стань постигающим себя в своем Я, учись познавать, что ты можешь жить, не чувствуя себя связанным с состояниями раджас, тамас и саттва, — учись!» Этому тогда надо было учиться, это было на первом утренней зари: прийти к освобождению Я.

Но и в этой области то, что тогда требовало высшего напряжения, теперь можно найти «на улице». И тот факт, что это можно найти на улице, есть зачастую трагедия, трагедия современности. В наше время так часто встречаются души, которые, живя в мире, до такой степени замыкаются в себе, что не находят связи с внешним миром, души, которые одиноки в своих чувствах и ощущениях, в своих внутренних переживаниях, души, которые не чувствуют себя ни связанными с состояниями тамас, саттва, раджас, ни свободными от них, которые, собственно, брошены в мир, как вращающееся колесо. Эти люди, которые живут только в себе и не могут понять мира, которые несчастны, потому что они совершенно отделены своей душой от всей жизни, представляют собой теньевую сторону той способности, которую Кришна хотел развить в Арджуне и во всех его современниках и последователях. То, что было наивысшим стремлением для Арджуны, стало величайшим страданием для многих современных людей. Так меняются следующие одна за другой эпохи. И теперь мы должны сказать: мы стоим в конце того периода, который начался в эпоху Бхагавадгиты. Этим сказано нечто очень значительное для всего нашего чувства. Но это также означает, что подобно тому как те, кто в эпоху Бхагавадгиты искали самознания, должны были слушать то, что Кришна говорил Арджуне, — те, кто теперь ищут исцеления для своей души, те, кто стоят в конце этой эпохи самознания, должны были бы услышать, что это самознание выросло в них до болезненной степени. И они должны услышать о том, что приведет опять к пониманию трех внешних состояний. Но что же ведет к пониманию этих внешних состояний?

Рассмотрим сначала несколько представлений, прежде чем ответить на эти вопросы! Спросим, чем же хочет в реальности быть Кришна для Арджуны, для человека, который в свою эпоху приводит себя в правильное отношение к внешним обстоятельствам? Что говорит Кришна в такой удивительной форме с чисто божественной непринужденностью и с чисто божественной откровенностью? Поистине с чисто божественной прямоотой и бесцеремонностью Кришна открывает Арджуне то, чем он хочет быть вплоть до этой эпохи.

Как же могли тогда жить люди в своей душе? Мы уже описали, как образное сознание озаряло души и вверху как бы парило то, к чему тогда души должны были стремиться, то, что теперь стало самознанием, и что в наше время, как говорится, можно найти на улице. Возьмем состояние души того времени, до того как Кришна положил начало новой эпохе. Эти души в образном сознании жили тогда в мире, который не вызывал в них ясных идей и понятий, но вызывал образы, подобные образам теперешних сновидений. Образное сознание было низшей областью душевной жизни, которая озарялась сверху инспирацией из области сонного сознания. Таково было положение этих душ; и потом они поднялись до соответствующих других состояний. И этот подъем к высшей жизни называли, —

это было конкретным понятием, — вживанием в Брамму.

Требовать теперь от человеческой души, от души, которая живет в западных странах, чтобы она вживалась в Брамму, было бы анахронизмом, бессмыслицей. С тем же правом можно было бы требовать от человека, стоящего на половине горы, чтобы он поднялся к вершине тем же путем, как им шел от подножья, с тем же правом можно было бы требовать от западной души, чтобы она делала восточные упражнения и вошла в Брамму. Для этого нужно было бы стоять на точке зрения той образной ступени сознания, на которой стоят теперь еще определенные души Востока. То, что люди Бхагавадгиты находили при восхождении в Брамму, те чувства, которые души Востока находили при вступлении в Брамму, все это люди Запада имеют уже в своих понятиях и идеях. Поистине, Шанкарачария представлял бы своим почтительно слушающим его ученикам мир идей Соловьева, Гегеля и Фихте как начало пути восхождения в Брамму. Дело не в содержании, а в условиях на пути. Мы должны прежде всего перенести себя в те души, которые стремились подняться к Брамме.

Это прекрасно характеризует Кришна, когда указывает на главные признаки этого восхождения. Мы должны предположить совсем другую конституцию души и духа, если хотим понять души эпохи Бхагавадгиты. Там все пассивно, там отдают себя миру образов, там все является самоотдачей потоку образов. Сравните с этим наш, совсем иной мир. Нам не поможет никакая самоотдача, чтобы прийти к пониманию. Правда, есть еще много людей, которые держатся за прошлое, которые не хотят перейти к тому, что должно происходить в наше время. Но это должно произойти именно в настоящее время. Мы должны делать усилия, мы должны быть активными, чтобы приобретать идеи и понятия об окружающем нас мире. Современные души должны быть более активными, чем души времен Бхагавадгиты. Поэтому мы можем написать:

Эпоха Бхагавадгиты = поднятие к Брамме в пассивности души.

Эпоха интеллектуализма (наше время) = активное вживание в высшие миры.

Итак, что должен сказать Кришна, когда он хочет открыть новый период, в котором должна постепенно начаться активная работа над миропониманием? Он должен был бы сказать: я должен прийти, я должен тебе, человеку, наделенному Я, принести такой дар, который побудит тебя стать активным. Если бы все осталось пассивным, как прежде, если бы осталась эта самоотдача миру, то новый период не наступил бы. Все, что в эпоху до Бхагавадгиты связано со вступлением души в духовные миры, Кришна называет самоотдачей: «Все есть самоотдача Брамме». Все это он сравнивает с женственным в человеке. То, что есть Я в человеке, деятельное, активное, то, что должно породить самосознание, то, что излучается изнутри как источник самосознания, то, что должно прийти, Кришна называет мужественным в человеке. То, чего человек может достигнуть в Брамме, должно быть оплодотворено им, Кришной. Это говорит Кришна Арджуне, когда дает ему учение: «Доныне все люди были людьми Браммы. Брамма есть все то, что распространяется как материнское лоно всего мира. Но Я есмь отец, который приходит в мир, чтобы оплодотворить материнское лоно». И то, что тогда возникает, есть самосознание, которое должно затем действовать в человеке и должно прийти ко всем людям. Это разъясняется со всей отчетливостью. Как отец и мать, соотносятся в мире Кришна и Брамма. И что же они творят? Они творят вдвоем то, что человек должен иметь в дальнейшем ходе своей эволюции — «самосознание», то самосознание, благодаря которому человек может делаться все совершеннее и совершеннее как отдельное существо. Учение Кришны имеет дело с отдельным человеком. Безграничная преданность учению Кришны означает стремление к совершенствованию отдельного человека. Но каким образом может быть достигнуто это совершенствование? Оно может быть достигнуто только тем, что индивидуальное сознание, этот дар Кришны, выступает, обособляясь от всего, что наделено свойствами внешних состояний. Направьте взгляд на этот основной нерв учения Кришны, на то, что учение Кришны указывает человеку оставить все внешнее, все, что живет в состояниях, освободиться от всякого «тат», от всего, что протекает как жизнь в различных состояниях, и постигнуть себя только в своей сущности, чтобы все дальше и дальше вести эту сущность ко все большему совершенству. Поймите, что совершенство зависит от того, что человек оставляет за собой все внешние конфигурации вещей, что он извлекает себя из всей внешней жизни, что он становится все более свободным и все более внутренне живым. Эпоха

самосознания как учение Кришны выражается в том, что человек отрывает себя от своего окружения, не спрашивает о том, что совершается вне его, но спрашивает, как он должен совершенствоваться.

Кришна, то есть дух, который действует через Кришну, появился опять в мальчике Иисусе Натановой линии дома Давидова в Евангелии от Луки. И в этой личности объединились, в сущности, все импульсы к самостоятельности человека, к освобождению от внешней действительности. Чего же хотел Кришна, или, скажем мы, эта душа, не вступившая в эволюцию человечества и действовавшая в Кришне, а затем в мальчике Иисусе Евангелия от Луки, чего, собственно, она хотела? Она должна была пережить тот факт, что некогда она должна была остаться вне развития человечества, потому что пришел враг, Люцифер, который сказал: «...откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло». В древнем индийском смысле Люцифер выступил перед людьми и сказал: «Вы будете как боги и сможете найти в мире состояния саттва, раджас и тамас». — Люцифер указал людям на внешний мир. Так, по указанию Люцифера, люди должны были познать внешнее, должны были пройти эволюцию вплоть до эпохи Христа. Потом в лице Кришны и мальчика Иисуса Евангелия от Луки появился тот, кто некогда отступил перед Люцифером. Теперь он в двух этапах учил тому, что должно было быть обратным полюсом учения, данного в Раю Люцифером: «Он хотел открыть вам глаза на состояния саттва, раджас и тамас; закройте глаза на состояния саттва, раджас и тамас, тогда вы найдете себя самосознающими людьми». — Так перед нами выступает имагинация: с одной стороны, имагинация Рая, где Люцифер открывает людям глаза на состояния саттва, раджас и тамас и временно отступает тот, кто является противником Люцифера. Потом люди проходят развитие и достигают той точки, где навстречу им в двух этапах приходит другое, учение о самосознании, но так, что при этом они должны закрыть глаза на состояния саттва, раджас и тамас. Оба учения являются односторонними. Если бы оставалось только влияние Кришны-Иисуса, того, что жило в мальчике Иисусе Евангелия от Луки, — тогда одна односторонность соединилась бы с другой, тогда человек распрощался бы с тем, что его окружает, потерял бы всякий интерес к внешнему развитию, тогда каждый на Земле искал бы только своего отдельного совершенства. Стремление к совершенству правомерно, но стремление ценой потери интереса ко всему общечеловеческому есть такая же односторонность, как односторонностью был люциферический импульс в Раю. Поэтому выступило Всеобъемлющее, импульс Христа, высший синтез двух односторонностей. В мальчике Иисусе Евангелия от Луки в течение трех лет жил затем импульс Христа, который пришел, чтобы соединить эти две односторонности. В этих двух односторонностях человечество впало бы в слабость и грех; через Люцифера оно было бы осуждено на одностороннюю жизнь во внешнем в состояниях саттва, раджас и тамас; через Кришну оно должно было быть воспитано в другой односторонности: закрыть глаза и искать только собственного совершенства. Христос взял на Себя грех, дав людям то, что уравнивает обе односторонности. Он взял на Себя грех самосознания, которое хотело закрыть глаза на внешний мир; Он взял на Себя грех Кришны, и всех, кто хотел совершить грех Кришны. Он взял на Себя грех Люцифера и всех, кто хотел его совершить, направив свой взгляд только на состояния саттва, раджас, тамас. Взяв на Себя односторонности, Он дает людям возможность постепенно найти созвучие между внешним и внутренним миром, ибо только в этом созвучии люди могут найти благо.

Но развитие, которое началось, не может сразу закончиться. Развитие к самосознанию, начатое Кришной, продолжалось дальше, и все больше возвышало самосознание, вызывая все большее и большее отчуждение от внешнего мира. Это развитие имеет тенденцию продолжаться и в настоящее время. В ту эпоху, когда импульс Кришны был воспринят мальчиком Иисусом Евангелия от Луки, человечество было как раз вовлечено в это развитие, вызывавшее все большее возвышение самосознания и все большее отчуждение от внешнего мира. Это познали люди, которые приняли крещение от Иоанна в Иордане. Они увидели, что самосознание стремится стать все сильнее. Поэтому они поняли Крестителя, когда он им сказал: «Изменитесь, не идите только путем Кришны». — Хотя он и не употреблял этих слов, мы можем назвать путь, начало которому было положено тогда, путем Иисуса, если мы хотим говорить в оккультном аспекте. И фактически этот путь исключительно Иисуса продолжился дальше в течение столетий, ибо во

многих областях человеческой культуры в века, следовавшие за основанием христианства, следовали только за Иисусом, а не за Христом, который жил в Иисусе в течение трех лет, начиная с Крещения, полученного от Иоанна, до Мистерии Голгофы. Но всякое развитие доходит до известного напряжения. Это стремление к индивидуальному совершенству дошло до того, что люди известным образом впадали в трагизм все возрастающего отчуждения от Божественного природы, от внешнего мира. И теперь мы еще встречаемся с этим трагизмом оторванности от окружающего, так что среди нас есть много душ, которые уже многого не понимают. Поэтому в наше время должно войти понимание импульса Христа: к нуга Иисуса должен присоединиться путь Христа. Путь одностороннего самосовершенствования приобрел слишком большую силу. В наше время он уже таков, что люди во многих отношениях далеко отстоят от Божественности окружающего мира. Когда возникает какое-нибудь направление, оно сразу же чрезмерно усиливается, и тогда пробуждается стремление к противоположному полюсу, отчего в наше время многие души чувствуют, как мало способен теперь человек освободиться от чрезмерно окрепшего самосознания. Это рождает стремление познать божественность внешнего мира. И в наше время именно такие души будут искать открытого через истинную антропософию понимания импульса Христа, того импульса Христа, который ведет не только к одностороннему совершенствованию отдельного человека, но который связан со всем человечеством, со всем человеческим процессом. Принять импульс Христа означает не только стремиться к совершенству, но воспринять в себя то, что выражается в словах апостола Павла: «Не я, но Христос во мне!» «Я» — это слово Кришны; «Не я, но Христос во мне» — это слова христианского импульса. Итак, мы видим, что каждое человеческое духовное течение имеет свое известное оправдание. Пусть никто не подумает, что импульс Кришны мог бы не приходить, но никто не должен думать, что какое-нибудь духовное течение может быть оправдано в своей односторонности. Обе односторонности, люциферическое течение и течение Кришны, должны найти свое высшее единство в христианском течении.

Кто в истинно антропософском смысле хочет принять то, что должно господствовать теперь как необходимый импульс дальнейшего развития человечества, тот должен видеть в антропософии инструмент, который может освещать все религии. В этом цикле мы старались показать, как происходит человеческая эволюция, и как отдельные течения вносят свой вклад в эту общую эволюцию. Но было бы дилетантством, если кто-нибудь захотел то, что имеется в христианстве, отыскать в учении Кришны. Можно, конечно, беспрепятственно возглашать: «Во всех религиях содержится одна и та же основная сущность». — Та же самая основная сущность содержится в корнях, стволе, листьях и цветках, тычинках и плодах. — Это правильно, но это абстрактная правда. Это не более остроумно, чем если сказать: «Зачем нужны различия? Ведь соль, перец, уксус, молоко — все это одинаково стоит на столе, все это одно, все это вещество». — Тогда замечают абстрактность, недостаточность такого способа рассмотрения. Но в области различения религий ее сразу не замечают. Нельзя так абстрактно сопоставлять буддизм, брахманизм, учение Кришны, религию персов, магометанство и христианство; нельзя говорить: посмотрите, везде те же принципы, везде Искупитель! Абстрактные вещи можно искать повсюду: это дилетантство, потому что это бесплодно. Можно учреждать общества, союзы для изучения религии, и проводить это изучение наподобие того, что кто-нибудь скажет: перец, соль, уксус и масло — это одно, потому что они все стоят на столе, и все они представляют собой вещество. — Дело не в этом. Дело в том, чтобы рассматривать вещи в их истине, в их действительности. Для того способа рассмотрения, который в оккультном дилетантизме заходит так далеко, что непрерывно провозглашает сходство всех религий, может быть безразлично, является ли то, что живет в импульсе Христа, центральным моментом эволюции человечества, или же оно может появиться опять в любом встречном на улице или где-нибудь еще. Но для того, кто живет в истине, и для кого имя Христа осталось тем, чем оно поистине является, центральной точкой эволюции Земли, будет кощунством связывать с тем импульсом, который связан с мистерией Голгофы, что-то другое.

В этих докладах я попытался показать вам на одном особом примере картину того, как современный оккультизм должен постараться пролить свет на различные духовные течения, которые выступили в человеческой эволюции, причем каждое из

них имеет свою определенную точку приложения, но которые необходимо различать, как стебель отличают от зеленого листа, а зеленый лист от окрашенного лепестка, хотя все они вместе опять-таки образуют единство. Кто с помощью этого истинно современного оккультизма попытается проникнуть в то, что в различных течениях влилось в человечество, убедится, что отдельные вероисповедания поистине ничего не теряют ни в своем величии, ни в своей возвышенности. Какое величие выступило перед нами в образе Кришны, когда мы попытались в смысле конкретного понимания эволюции человечества ввести его в эту эволюцию человечества! Каждое такое исследование, которое может быть, конечно, только беглым очерком, является, разумеется, недостаточным, весьма недостаточным. Вы можете быть уверены, что никто так не сознает этой недостаточности, как тот, кто позволил себе выступить здесь перед вами. Но целью этих слов было показать вам, как должно происходить истинное рассмотрение отдельных духовных течений человечества. Как раз в связи с далеким от нас произведением духа, в связи с Бхагавадгитой, я имел возможность показать, как западный человек может почувствовать и ощутить, чем он обязан Кришне. Но, с другой стороны, то духовное направление, которое мы здесь представляем, должно требовать, чтобы с любовью конкретно углублялись в особенности каждого течения. Это представляет известное неудобство, потому что тогда перед каждым встает мысль, как, собственно, мало люди проникают в глубину. И к этой мысли присоединяется другая: мы непрестанно должны стремиться вперед. Это создает двойное неудобство! То духовное течение, которое здесь называется антропософией, доставляет многим известное неудобство — на это оно обречено. Оно требует энергичного углубления в конкретные факты мировых событий, и одновременно того, чтобы человек сказал себе в своей душе: да, я могу достигнуть высшего, и я хочу этого, но я всегда дойду только до известной точки, и должен стремиться все дальше и дальше. Конца нет!

Такое неудобство всегда было связано с принадлежностью к тому духовному течению, которое стремится через нас влиться в то, что мы называем антропософской жизнью. Это действительно неудобно, когда необходимо учиться все глубже и глубже проникать в священные тайны. Мы же не можем, взяв чьего-либо сына или дочь, сказать: нужно лишь подождать, пока в этом сыне или в этой дочери явится физически воплощенное спасение, — и спокойно дожидаться этого. — Мы бы этого не могли; это было бы действительно невозможно, потому что мы должны были быть правдивыми. И для того, кто постигает сущность вещей, все то, что в конце концов обнаруживается, является только последней, гротескной квинтэссенцией тех дилетантских толков о равенстве религий, которое так удобно можно установить и которое всегда утверждает простую очевидность, предельную тривиальность: все религии содержат одно и то же!

Последние недели и месяцы показали — и тот факт, что я могу говорить здесь перед вами на такую значительную тему, еще раз подтвердил это, — что в наше время все же есть круг людей, которые, когда дело касается этого, ищут спиритуальные истины. И вопрос состоит только в том, чтобы представить эти спиритуальные истины. Отпадут ли от нас многие или все, это ничего не меняет в том, как мы представляем здесь спиритуальные истины. Святой долг перед истиной будет направлять и вести то течение, исходя из которого был прочитан и этот цикл. И кто хочет идти вместе с нами, тот должен сделать это при тех условиях, которые стали теперь необходимыми. Конечно, удобнее поступать иначе, чем это делаем мы, не считаться с реальностью. Но это уже относится к ответственности перед истиной. Гораздо проще говорить людям о единстве и равенстве всех религий и предлагать им ждать, пока воплотится Спаситель, который будет заранее и авторитетно указан, а не воспринят каждым свободно. Современные души должны будут сами решать, в какой мере чистая преданность стремлению к правдивости может вести и поддерживать то или другое духовное течение. Уже в наше время должно было произойти то резкое разделение, которое выразилось особенно в том, что президентом были сняты все маски и объявлены иезуитами те, кто не хотели ничего другого, как выступать за истинное и подлинное в эволюции человечества. Это было удобным поводом для расхождения, но это было документальным подтверждением работы с объективной неправдой. Что мы работали не в одностороннем направлении мыслей, это опять-таки может показать вам настоящий цикл докладов, где равно оценивается настоящее, прошлое и древнейшее прошлое, чтобы показать истинный и уникальный духовный импульс в развитии

человечества. Так что теперь я смею сказать, что меня самого, имевшего возможность прочесть этот цикл, наполняет глубочайшим удовлетворением надежда, — и тот факт, что вы здесь сидите, подтверждает это, — что есть такие человеческие души, которые имеют потребность, склонность, направленность к тому, что и в сверхчувственной области работает также только с безусловно честной правдивостью.

Мне пришлось сделать это дополнение к прочитанному циклу докладов потому, что это стало необходимым ввиду всего того, что выступило за это время вплоть до того момента, когда нас исключили из Теософского общества. Ввиду всего, что по отношению к нам сделали и что теперь извращается в многочисленных брошюрах, я принужден был сказать об этом, хотя обсуждение такого рода вещей всегда действует на меня крайне болезненно. Но необходимо, чтобы те, кто хочет работать вместе с нами, знали, что нашим девизом является безусловное, скромное, но честное стремление к истине на пути в высшие миры.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемые в данном томе доклады первоначально предполагались в Санкт-Петербурге. Однако Святой Синод Русской Православной Церкви, в чьи полномочия это тогда входило, не предоставил разрешения на въезд. Поэтому пришлось перенести их в Финляндию, которая хотя и была тогда в составе Российской Империи, но законы на ее территории были значительно менее строгие, чем в остальной России.

О том, кто были слушатели этих докладов, свидетельствует отрывок из сообщения Курта фон Вистнгхаузена о его разговоре с Марией Штайнер в марте 1927 года, в котором она коснулась обстоятельств, связанных с этим циклом:

«К докладам Рудольфа Штайнера в Хельсинки (Гельсингфорс) «Духовные сущности в небесных телах и природных царствах», апрель 1912, и «Окультурные основы Бхагавадгиты», июнь 1913 (в последнем участвовал Н.А.Бердяев) прибыли не только антропософы из всей тогдашней России, но и ряд интересовавшихся духовными вопросами личностей из относительно недалеко расположенного Санкт-Петербурга. Тамошние антропософы находились в живом общении с мыслителями, поэтами, художниками столицы царской России, которых они заинтересовали предстоящими докладами Рудольфа Штайнера. У некоторых это участие привлекло углубление интереса, у других вызвало более или менее резкий отпор.»

("Nachrichtenblatt" № 24 от 13 июня 1971 г.)

Для содержания и построения докладов существенно, что за полгода до этого произошло разделение Антропософского и Теософского обществ, и что примерно в то же время был прочитан близкий по содержанию цикл «Бхагавадгита и Послания апостола Павла» (ГАА 142).

Название тома соответствует названию цикла докладов.

Основа текста: Доклады были стенографированы, записи расшифрованы. Стенографист неизвестен, оригинальная стенограмма не сохранилась. Текст воспроизводится по первому изданию 1914 года.

Примечания к тексту

выступать здесь перед вами в предыдущий раз: «Die geistige Wesenheit in den Himmelskörpern und Naturreichen», 11 докладов, Гельсингфорс, 3-14 апреля 1912, ГА 136.

Вильгельм фон Гумбольдт: 1767-1835, лингвист, политик, культурный деятель. В 1809-1819 был министром культуры и образования Пруссии, представителем Пруссии в Венском конгрессе, послом в Лондоне. Позднее занялся различными исследованиям. В ранние годы жил в Эрфурте и Веймаре, где дружил с Гете и особенно с Шиллером. В 1826 г. написал труд «Über die unter dem Namen Bhagavadgita bekannte Episode des Maha-Bharata». Рудольф Штайнер ссылается на письма Августа Вильгельму Шлегелю от 21 июня 1823 и Генцу от 1 марта 1828.

писателя-космолога: Александр фон Гумбольдт (1769-1859), очень известный в свое время естествоиспытатель и писатель. Основным труд «Kosmos» в 5 тт. (1845-1862), в котором он попытался связать классический идеализм с естественной наукой.

в ткань всей Махабхараты: национальный эпос Древней Индии, сложившийся в 4 веке до Р.Х., в котором описывается трагическая борьба двух родственных

д¹и¹астий, Пандавов и Кауравов. В него входит также бол¹шое число религиозных и этических текстов, и относ¹ительно самостоятельные произведения, такие как «Нала и Дамаанти» и «Бхагавадгита».

мы еще вернемся к этому описанию: см. шестой доклад.

Сократ: 470-399 до Р.Х., мудрец из Афин, своими «с¹ократическими» вопросами он подводил людей к поиску истины в самих себе. Его вера в то, что в мыслящей человеческой душе может открываться разум мира, стала в конце концов причиной его осуждения, потому что эта вера противоречила традиционному греческ¹ому государственному воззрению. Под «Беседой о бе¹смертии души» имеется в виду диалог Платона «Федон». О последних днях Сократа идет речь в произведениях Платона «Апология», речи в защиту Сократа, «Критий». В «Загадках философии» GA 18 существо и учение Сократа представлено на стр. 65-70.

Платон, 427-347 до Р.Х., Как ученик Сократа, предста-вид всю его философию в диалогах, в которых в бол¹шинстве случаев ведущим беседы является Сократ. Его философия подробнее охарактеризована в книгах Р¹ольфа Штайнера «Загадки философии» (GA 18) и «Христианство как мистический факт» (GA 8).

Я в земле: свободный пересказ Бхагавадгиты, 10 песнь.

при обсуждении Евангелия от Иоанна: «Евангелие от Иоа¹нна» («Das Johannes-Evangelium», 12 докладов, Гамбург, 18-31 мая 1908 г., GA 103 - Калуга, 1998).

при обсуждении Евангелия от Марка: "Das Markus-Evang¹ium", 10 докладов, Базель, 15-24 сентября 1912 г., GA139.

в цикле, прочитанном мною в Касселе: "Das Johannes-Evangelium im Verhdlnis zu den drei anderen Evangelien, besonders zu dem Lukas-Evangelium", 14 докладов, 24 июня - 7 июля 1909 г., GA 112.

вернемся к этому замечанию: см. шестой доклад.

великим изречением: Иммануил Кант, "Beantwortung der Frage: Was ist Aufklrdung?". Точная цитата: "Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen' Ist also der Wahlspruch der Aufklrdung"

"Истина и наука" ("Wahrheit und Wissenschaft", GA 3) — М., 1992.

"Философия свободы" ("Philosophie der Freiheit", GA 4) - Калуга, 1994.

краешек мировой тайны: «Философия свободы», конец 3 главы.

«Тайноведение» ("Die Geisteswissenschaft im UmriЯ", GA 13)-М., 1993.

Не держись за Веды: Бхагавадгита, 2 песнь.

"Как достигнуть познаний высших миров?" ("Wie erlangt man Erkenntnisse der hcheren Welten?", GA 10) — Калуга, 1993.

цитату из "Фауста ": слова Мефистофеля из второй ч¹асти «Фауста», первый акт: "Zwar ist es leicht, doch ist das Leichte schwer."

об одном греческом философе: Пифагор. См. Диоген Ла-эртий, «Жизнь и мнения прославленных философов», кн. VIII, гл.1.

"Духовное водительство человека и человечества» ("Die geistige Fhrgung des Menschen und der Menschheit", GA 15 - Калуга, 1992.)

в греческом философском обществе: см. Диоген Лаэртий, kh.VI, гл.II о Диогене.

Елена Келлер (1880-1968), на втором году жизни вследствие болезни потеряла зрение и слух. В семь лет пол¹чила в воспитатели Анну Саливан, также бывшую в детстве слепой. Ей удалось развить мыслительные сп¹особности Елены Келлер и обучить ее шрифту для сл¹ых. Елена Келлер стала высокоразвитой личностью, написала ряд книг, была знакома со многими выда¹ющимися людьми своего времени.

Николай Коперник, 1473-1543. *Галилео Галилей,* 1564 - 1642. *Иоханнес Кеплер,* 1571 - 1630. *Джордано Бруно,* 1548-1600.

Путь к самопознанию человека ("Ein Weg zur Selbste¹kenntnis des Menschen", GA 16 - М., 1992)

Вудро Вильсон, 1856-1924. Имеется в виду сборник ст¹ей "The newfreedom", Leipzig 1913.

один очень известный ученый: Richard Garbe (1857-1927) "Die Bhagavad Gita, aus dem Sanskrit bbersetzt", Leipzig 1905.

мы читаем в девятой песне: Стих 4-5.

Рудольф Штайнер цитирует стихи 15-25 и 32-34 из 11 песни Бхагавадгиты. Даны в пер. Б.Смирнова.

«Тайноведение» GA 13

сыны Куру и сыны Панду: Кандавы и Пандавы.

«Духовное водительство человека и человечества»: GA 15 - Калуга, 1992.

«Сей есть Сын Мой возлюбленный»: Лк. 3.22 Обычно вторая часть этой фразы звучит так: «в Тебе Мое благоволение». В некоторых греческих рукописях Евангелия от Луки, согласно исследованиям (изд. Eberhard Nestle, 1898), стоят слова, приводимые здесь Рудольфом Штайнером. В докладах «Das Lukas-Evangelium» (GA114) он говорит об этом: «"Dies ist mein vielgeliebter Sohn, heute habe ich ihn gezeugt ", так стояло в древних рукописях Евангелия, и так это поистине должно быть.»

доклады о Евангелии от Луки: «Das Lukas-Evangelium», 10 докладов, Базель, 15-26 сентября 1909 г. (GA 114).

Шанкарачарии: (Шанкара) 788-820, индийский учитель мудрости, комментатор религиозных памятников, таких как «Бхагавадгита», ведущий представитель веданты.

Шопенгауэр: "Preisschrift über die Grundlage der Moral", 7 том. Глава "Metaphysische Grundlage".

слова евангелиста: Ин.1.5.

европейский ученый: Leopold von Schroeder (1851-1920).

хочет объяснить ему Кришна: Свободное изложение кола 14 и 18 песен Бхагавадгиты.

откроются глаза ваши: Быт. 3. 5.

Не я, но Христос во мне!: «И уже не я живу, но живет во мне Христос!» — Гал. 2.20

в этом сыне воплощенное спасение: указание на провозглашение Теософским обществом индийского мальчика Кришнамурти вновь воплотившимся Христом. Это стало последним поводом к исключению Немецкой секции из Теософского общества, после чего было основано Антропософское общество.

президентолг. Анни Безант (1847-1933), английская теософка, с 1907 г. президент Теософского общества, непосредственный участник описанных выше событий.